

210-летию Александра ПУШКИНА
200-летию Алексея КОЛЬЦОВА
195-летию Михаила ЛЕРМОНТОВА
посвящается

ДЕНЬ ОЗНИ

Ежегодный
альманах

2009

АССОЦИАЦИЯ «ЛЕРМОНТОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ»

Ежегодный альманах

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

2 0 0 9
Г О Д

210-летию Александра ПУШКИНА

200-летию Алексея КОЛЬЦОВА

195-летию Михаила ЛЕРМОНТОВА

п о с в я щ а е т с я

МОСКВА • ВОРОНЕЖ

ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

2 0 0 9

УДК 821
ББК 84 (2Рос-Рус)
Д-34

Д-34 День поэзии-XXI век. 2009 год. Альманах: Стихи, статьи. —
Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2009. — 200 с.

Андрей ШАЦКОВ
главный редактор

Сергей МНАЦКАНЯН
главный редактор

ISBN 978-5-7458-1185-2

Анна ГЕДЫМИН
составитель

Редакционная коллегия:

Лев АННИНСКИЙ
Наталия ГРАНЦЕВА (Санкт-Петербург)
Валерий ДУДАРЕВ
Елена ИСАЕВА
Николай ПЕРЕЯСЛОВ
Инна РОСТОВЦЕВА
Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН
Иван ЩЁЛОКОВ (Воронеж)

Попечительский совет:

Михаил ЛЕРМОНТОВ председатель
Николай САПЕЛКИН (Воронеж) зам. председателя
Евгений БОГАТЫРЕВ
Лариса ВАСИЛЬЕВА
Дмитрий МИЗГУЛИН (Ханты-Мансийск)
Борис ТАРАСОВ

Издание зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране
памятников культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС77-25467 от 25 августа 2006 г.

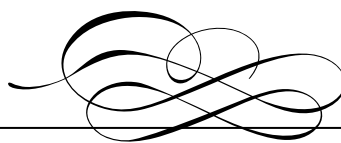
ISBN 978-5-7458-1185-2

- © Коллектив авторов, 2009.
- © Составление. Ассоциация
«Лермонтовское наследие», 2009.
- © Оформление. Центрально-Черноземное
книжное издательство, 2009.

Содержание

Лев АННИНСКИЙ	5	Валерий ДУДАРЕВ	48
Белла АХМАДУЛИНА	6	Евгений ЕВТУШЕНКО	49
Олег АГРИНСКИЙ	7	Анастасия ЕРМАКОВА	51
Николай АЛЁШКИН	7	Ирина ЕРМАКОВА	51
Максим АМЕЛИН	8	Олег ЕФИМОВ	52
Михаил АНИЩЕНКО	9	Тамара ЖИРМУНСКАЯ	52
Ирина АНТОНОВА	10	Александр ЖУКОВ	53
Наталья АРИШИНА	10	Александр ЗАЙЦЕВ	53
Владислав АРТЁМОВ	11	Максим ЗАМШЕВ	54
Григорий АРТЮХОВ	12	Ирина ЗНАМЕНСКАЯ	55
Александр АРЦИБАШЕВ	13	Анна ЗОЛОТАРЕВА	56
Эдуард БАЛАШОВ	13	Геннадий ИВАНОВ	57
Сергей БАЧИНСКИЙ	14	Елена ИВАНОВА-ВЕРХОВСКАЯ	58
Сергей БЕЛОРУСЕЦ	14	Игорь ИРТЕНЬЕВ	59
ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА БЕРЕСТОВА	15	Егор ИСАЕВ	60
Ефим БЕРШИН	17	Елена ИСАЕВА	61
Александр БОБРОВ	18	Инна КАБЫШ	62
Марина БОРОДИЦКАЯ	18	Сергей КАЗНАЧЕЕВ	63
Юрий БОЧКОВ	19	Алла КАЛМЫКОВА	63
Владимир БОЯРИНОВ	19	Евгений КАМИНСКИЙ	64
Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ	20	Бахытжан КАНАПЬЯНОВ	65
Виктор БУДАКОВ	20	Валентин КАРАСЁВ	66
Евгений БУНИМОВИЧ	21	Сергей КАРГАШИН	67
Вениамин БУТЕНКО	21	Татьяна КАРПАЧЕВА	67
Наталья ВАНХАНЕН	22	Светлана КЕКОВА	68
Константин ВАНШЕНКИН	22	Бахыт КЕНЖЕЕВ	68
Лариса ВАСИЛЬЕВА	24	Тимур КИБИРОВ	70
Ирина ВАСИЛЬКОВА	25	Виктор КИРЮШИН	71
Мария ВАТУТИНА	26	Александр КЛИМОВ-ЮЖИН	72
Дмитрий ВЕДЕНЯПИН	27	Алексей КЛОКОВ	73
Сэда ВЕРМИШЕВА	28	Александр КОБРИНСКИЙ	74
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ	28	Александр КОВАЛЕВ	76
ПАМЯТИ ВИКТОРА ГАВРИЛИНА	30	Сергей КОВАЛЕВСКИЙ	76
Наталья ГАЛКИНА	31	Кирилл КОВАЛЬДЖИ	77
Галина ГАМПЕР	32	Кирилл КОЗЛОВ	78
Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ	32	Сергей КОЗЛОВ	78
Анна ГЕДЫМИН	33	РУССКИЙ ГЕНИЙ – АЛЕКСЕЙ КОЛЬЦОВ	79
Александр ГЕРАСИМОВ	35	Леонид КОЛГАНОВ	83
Сергей ГЛОВЮК	35	Надежда КОНДАКОВА	84
Михаил ГОЛОВЕНЧИЦ	36	Юрий КОНЕЦКИЙ	85
Александр ГОЛУБЕВ	36	Валентина КОРОСТЕЛЁВА	86
Глеб ГОРБОВСКИЙ	37	Владимир КОСТРОВ	87
Гарри ГОРДОН	38	Лев КОТЮКОВ	88
Надежда ГОРЛОВА	38	Валерий КРАСКО	89
Александр ГОРОДНИЦКИЙ	39	Геннадий КРАСНИКОВ	90
Владимир ГОФМАН	41	Борис КРАСНОВ	91
Наталья ГРАНЦЕВА	41	Григорий КРУЖКОВ	92
Евгений ГРАЧЕВ	43	Марина КУДИМОВА	92
Дмитрий ДАРИН	44	Людмила КУЗНЕЦОВА	93
Андрей ДЕМЕНТЬЕВ	45	Татьяна КУЗОВЛЕВА	93
Ольга ДОБРИЦЫНА	47	Станислав КУНЯЕВ	95
Александр ДОЛЯ	47	Вячеслав КУПРИЯНОВ	96

Максим ЛАВРЕНТЬЕВ	96	Андрей РОМАНОВ	146
Александр ЛАВРИН	97	Инна РОСТОВЦЕВА	148
Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА	98	Алексей РУДЕВИЧ	156
Елена ЛАПШИНА	99	Геннадий РУСАКОВ	156
Валерий ЛАТЫНИН	100	Анатолий РЫБКИН	157
Валентина ЛЕЛИНА	100	Ольга РЫЧКОВА	158
Евгений ЛЕСИН	101	Ирина РЯБИЙ	158
Александр ЛИСНЯК	102	Борис РЯБУХИН	159
Инна ЛИСНЯНСКАЯ	103	Юрий РЯШЕНЦЕВ	159
Ярослав ЛИТВИНЕНКО	103	Валерий САВОСТЬЯНОВ	161
Валерий ЛОБАНОВ	104	Владимир САЛИМОН	161
Игорь ЛОГВИНОВ	105	Леонид САФРОНОВ	162
Борис ЛУКИН	105	Владимир СИЛКИН	162
Евгений ЛУКИН	106	Михаил СИНЕЛЬНИКОВ	163
Игорь ЛУКЬЯНОВ	107	Борис СИРОТИН	164
Виктор ЛУНИН	107	Владимир СКВОРЦОВ	165
Нила ЛЫЧАК	108	Владимир СКИФ	165
Николай МАЛЫШЕВ	108	Александр СМОГУЛ	166
Надежда МАЛЫЦЕВА	109	Валентин СОРОКИН	167
Новелла МАТВЕЕВА	109	Евгений СТЕПАНОВ	168
Олег МЕЛЬНИКОВ	110	Нина СТОЖКОВА	169
Дмитрий МИЗГУЛИН	111	Ирина СУГЛОБОВА	169
Лариса МИЛЛЕР	111	Виталий СУНДАКОВ	170
Евгений МИНИН	112	Александр ТАРАСЕНКО	171
Сергей МНАЦАКАНЯН	113	Сергей ТАРАТУТА	171
Екатерина МОСИНА	126	Сергей ТЕЛЮК	172
Владимир МОЩЕНКО	127	Анатолий ТЕПЛЯШИН	172
Памяти Сергея МИХАЛКОВА	128	Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН	173
Ирина НЕГИНА	130	Иван ТЕРТЫЧНЫЙ	175
Владимир НЕЖДАНОВ	130	Михаил ТИМОШЕЧКИН	175
Галина НЕРПИНА	131	Татьяна УВАРОВА	176
Александр НЕСТРУГИН	132	Галина УМЫВАКИНА	176
Олеся НИКОЛАЕВА	132	Илья ФАЛИКОВ	177
Станислав НИКУЛИН	133	Владимир ФИРСОВ	178
Николай НЫРКОВ	134	Илья ФОНЯКОВ	180
Василина ОРЛОВА	135	Владимир ХОХЛЕВ	180
Григорий ОСИПОВ	136	Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК	181
Николай ПЕРЕЯСЛОВ	136	Михаил ШАПОВАЛОВ	182
Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН	138	Алла ШАРАПОВА	183
Юлия ПОКРОВСКАЯ	138	Андрей ШАЦКОВ	184
Екатерина ПОЛЯНСКАЯ	139	Владимир ШЕМШУЧЕНКО	186
Ольга ПОСТНИКОВА	139	Виктор ШИРОКОВ	187
Алексей ПУРИН	140	Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ	188
Алексей ПЬЯНОВ	140	Григорий ШУВАЛОВ	189
Николай РАЧКОВ	141	Иван ЩЁЛОКОВ	189
Александр РЕВИЧ	142	Олег ЮРКОВ	190
Валентин РЕЗНИК	143	Евгений ЮШИН	192
Александр РОГОВ	143	Михаил ЯСНОВ	194
Михаил РОДИОНОВ	144		
Наталья РОЖКОВА	145	Александр ЗАВЬЯЛОВ.	
Полина РОЖНОВА	145	ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ	195

Лев АННИНСКИЙ

ЛУЧШЕ ВСЕХ

Не могу утверждать, что эпизод, который мне припоминается, был первым моим знакомством с Пушкиным, но врезался в память именно этот эпизод. До него я, конечно, знал, что «Пушкин» существует, и что он «лучше всех», но связано это не со стихами, а с конфетами. Конфеты — в коробочках, декорированных под томики, на корешках написано «Пушкин», конфеты давно съедены, а коробочки ради шика оставлены и украшают буфет, созерцая с него наше коммунальное бытие.

Откуда-то я знал и сюжеты: и как поп получил по заслугам, и как рыбка оказалась царицей, и как кот рассказывает сказки. Кто мне это рассказал, не помню, но не няня, которая грамоты не знала, и не родители, которые пропадали на работе, но рассказал кто-то из сверстников, без намёка, естественно, на чтение вслух. Тексты не были прочтены: ни в детском саду, куда меня определили уже накануне войны, ни в эвакуации, где я проучился первые два школьные года, ни по возвращении на родную московскую Потылиху, где я проучился ещё три года, пока мать не перевела меня (по благу!) в одну из лучших школ Москвы. Я стал ездить к Садовому Кольцу со своей окраины с первыми троллейбусами и начал, наконец, с упоением учиться.

Раньше не получалось: в старой школе не до учения, то надо следить, чтобы чего не стибрили в раздевалке, то чтобы не подняли насмех и не дали по шее, а дать по шее могли даже за то, что получил пятёрку и этим хотел «выхвалиться» (сильно смягчаю выражение), так что спастись приходилось, валяя дурака или строя дурачка, только бы не торчать на виду.

В новой школе ничего подобного не было: можно было овладевать предметами.

И вот тут произошло то самое, о чём я хочу рассказать.

Замечательная учительница русского языка Александра Васильевна прочла нам на уроке стихотворение:

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам...

Мы выслушали, и нам было объявлено домашнее задание: подготовиться читать стихотворение об Олеге с выражением.

Дома после обеда, погнав по дворовой луже консервную банку, я поднялся домой, и сел читать. И тут со мной случилось что-то странное. Я вдруг обнаружил, что не могу остановиться. Ритмы и рифмы полезли в сознание обессиливающей музыкой, я не знал, куда деться от этой музыки, и бегал по комнате, повторяя колдовское:

Из тёмного леса навстречу ему
Идёт вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник...

Строки впечатывались, врезались, вживлялись в память, и от этого неожиданно становилось легче, мука ослабевала, я приходил в себя, мысленно благодаря судьбу, что никто не видит меня в этом безумии, что мать на работе, и я один колочусь и трясусь от наваждения:

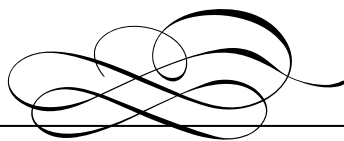
И примешь ты смерть от коня своего...

Назавтра, едва Александра Васильевна объявила проверку домашнего задания, я стал тянуть руку. Вызванный к доске, встал перед классом и, глядя куда-то поверх голов, изверг на эти головы переполнявшую меня музыку.

Александра Васильевна слушала молча, глядя в окно.

Её реакция меня убила:

— Ступай на место. Зачем ты вызубрил стихотворение? Что было задано? Читать с выражением! А ты что, хотел нас тут всех потрясти? Быть лучше всех? А я и отвернулась, чтобы не видеть, читаешь ли ты по книге или на память. Ну, чего стоишь! Я же сказала: иди на место!

Покрывшись пятнами от стыда, я сел. Как объяснить ей, что я вовсе не хотел быть лучше?.. Я хотел... я хотел что-то сделать с моим потрясением от стихов... мне просто не с кем было поделиться... Мать была на работе... Других слушателей не оказалось...

Три десятка моих новых одноклассников отреагировали на этот эпизод совершенно безучастно, и проверка домашнего задания покатила дальше.

Вернулся я к Пушкину два года спустя уже в восьмом классе. Прошёл по программе. Ещё раз прошёл на филфаке, слушая лекции знаменитых профессоров. И ещё раз — уже после университета, читая классические тексты для своих литературно-критических нужд.

В конце концов, я признался себе, что робею. И понял, почему. Пушкин был наглухо окружён армией почитателей и толкователей. Надо было пристраиваться тысяча первым в затылок какому-нибудь предшественнику и исхитряться в мыслях и чувствах его не повторить.

Даже восхищения вслух стихами не получалось. Стоял в ушах отчётливый голос:

— Лучше всех хочешь быть? Пошёл на своё место!

Белла АХМАДУЛИНА

ПОСВЯЩЕНИЕ ЮРИЮ БАШМЕТУ

Как второгодник-тугодум,
вотще решающий задачу, —
ответа жду от солнц, от лун:
что я на этой сцене значу?

Не мучь, о музыка, не снись!
Мы все вины не искупили.
Мы все пред музыкою — ниц,
все — должники её скупые.

Уста от слов не уберечь,
уста к словам не приневолить.
Сначала — музыка, но речь
вольна о музыке глаголить.

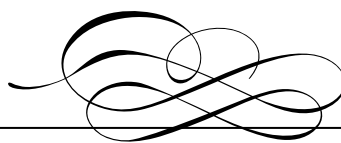
Ум изнемог и ослабел —
желанья праведного ради:
воспеть Башмета силуэт,
восславить упаданье пряди.

Хвала артисту надоест.
Гортань — оркестрик самоволья:
до-до-докучлив до-диез
с оскоминою си-бемоля.

Мне нот знакомы имена.
Возрос мой голос и напрягся:
учили музыке меня.
Но каркает бекар: напрасно!

Покуда школьный бал шумел,
невзрачных дев кружа наряды,
благоволил ко мне Шопен,
но Гедике простил навряд ли.

За музыкантом по пятам
брести бы в маске анонима.
Он — не гордец и не педант.
Его величье — шаловливо.

Услада службу отстоять —
одним, других терзают звуки.
Мой признаётся диссонанс,
что музыка — сообщник муки.

Согласье розных мук — талант.
Но эту грациозность жеста,
и эту прядь, и этот алыт
спроста мы примем за блаженство.

Рассудок бытия смещён.
Душа свежа и плодородна.
Пусть ей потворствует смычок
и алыт в ловушке подбородка.

Веселье рифм на нет сошло.
Остался мне поклон прощанья.
Хотелось говорить смешно.
Простите. Вышло, что — печально.

Всего, что есть, иссякнет срок.
Пребудет музыка бессмертна,
знать не желая — кто экспромт
в ночи содеял для Башмета.

Олег АГРИНСКИЙ

* * *

Упал в траву. И небо стало рядом.
Укромно и бескрайне велико.
Открылся мне заоблачный порядок,
Отлаженный за тысячи веков,
И знание, что время — не возмездье,
А просто так Вселенная течет,
Живым хитросплетением созвездий,
Которым начат и потерян счет.
Дохнуло бесконечностью в ладони,
И до души прозревшие глаза
Увидели Спасителя на троне
Воочию, а не на образах.

Я был заморожён его словами,
Когда он тихо молвил: «Небо с вами!»

* * *

Надо иметь гордость умереть вовремя.
Надо иметь такт умереть незаметно.
Надо иметь мужество умереть самому.

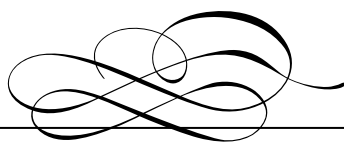
Николай АЛЁШКИН

Московская обл., г. Руза

МОСКВА-РЕКА

Тихий плеск волны,
Ивы вдоль реки.
Кудри зелены,
Облака легки.
Крылья — берега.
На приволья вод
В голубой прогал
Лодочка плывёт.
Из куста — лиса,
Рыбы — серебром
За красой — краса.
Сказочный альбом!

Максим АМЕЛИН

* * *

По-весеннему на улице запели
птицы, в хор свои сливая голоса,
сквозь немолчное журчание капли
возвестить, что вслед за темной полоса
жизни светлая грядет, — но я не верю:
обретением не возместить потерю!

Им вольно, — на чьей природа стороне
выступает, не останется в накладе, —
восторгаться солнцем утренним втройне,
вдохновения единственного ради
с безыскусной песни легкостью поя, —
речь трудна и чрезыестественна моя.

Радость деланной выходит и бесцветной,
облекаясь в неподъемные слова, —
лишь клокочущую в глубине под Этной
и Везувием со Стромболи — глава
за главой — готов излить огнистой лавой
скорбь живую на-гора дракон треглавый.

Непроглядная и плотная зима,
грозно дышащая хладом отовсюду,
обступив, свести пытается с ума,
сил оставшихся лишить, на был и буду
настоящее раззять мечом стальным. —
Пойте, птицы, не давая остальным!

ЛИРА

В антикварном отделе
книжного магазина «Москва»
на Тверской,
куда я часто захоживаю,
мне попалась — буквально на днях —
одна любопытная книга:
«Опыт о русском стихосложении»
Востокова,
1817-го года.

Александр Христофорович
по молодости лет

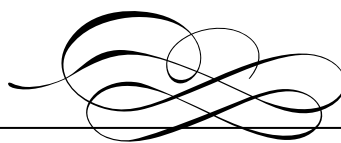
истинным был пиитом,
изысканным и чрезвычайно
изобретательным,
воспевал мужскую —
в античных формах —
любовь и дружбу, а потом,
остепенясь, Поэзию бросил и женился
на Филологии.

Редкий — ручаюсь —
экземпляр единственного издания
(хоть и черным по белому, что второе),
с которого, собственно, началась
наука о русском стихе,
в полукожаном переплете, без корешка,
стоит 20.000 рублей.

Однако не тем он ценен,
а тремя — на переднем форзаце слева —
прежних последовательными
надписями владельцев:
Сергея Михайловича Бонди,
Сергея Павловича Боброва,
Михаила Леоновича Гаспарова —
и пометами на полях.

Знатоки и ценители тонкостей стиховых
с отвлеченной своей наукою
переместились к Востокову —
медлительно рассуждать
о размерах, рифмах и строфах,
а ты на продажу выставленной оказалась,
обветшала, не переданная никому
Лири стиховедения!

Михаил АНИЩЕНКО

Самарская обл., с. Шелеметь

СПАСЕНИЕ

Сергею Морозову

Первый снег ударил залпом.
Нету худа без добра.
Хорошо, что я не запил
Нынче с самого утра.

Было больно и тревожно,
А теперь, на склоне дня,
И представить невозможно
Снег, идущий без меня.

Не мечталось о наследстве,
А оно летит с небес.
И пленительно, как в детстве,
Сердцу хочется чудес.

Снег идёт. Летит, как небыль.
Тихо светится во мгле.
Снова люди смотрят в небо...
То-то славно на земле!

Я давно уже не молод,
Но всю ночь стою в саду...
Так встречаются снег и холод
Лишь в России да в аду.

ГОГОЛЬ

Ты не стой над ним, не трогай,
Не мешай ему скорбеть...
Третий день боится Гоголь
В дали русские смотреть.

На рассвете, на закате,
Наболевший, как нарыв,
Он лежит в простылой хате,
Очи чёрные закрыл.

Тают сроки и зарок.
Бродят возле головы

Олонецкие пророки И Онежские волхвы.

Головою Гоголь крутит,
Поднимается — как честь...
Показали — всё, что будет,
Всё, что было. Всё, что есть.

Гой ты, Русь! Кресты и свечи,
Глухари да упыри...
Небо падает на плечи:
— Всё, что видел, говори!

Из оврага ли, из лога ль
Наползает дым и тьма...
Ничего не скажет Гоголь.
Промолчит. Сойдёт с ума.

ТЫ ПОМНИШЬ...

Ты помнишь, мы спали на печке,
Мы жили с тобою во мгле.
Зимою... На Чуровой речке.
На сказочной русской земле.

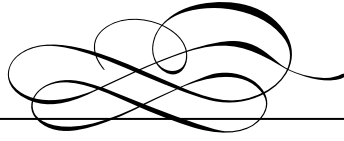
Хватало нам света и снеди,
Сошедшей с небес чистоты...
Казалось — так будет до смерти,
Такой же красивой, как ты.

Во мгле. До скончания света.
В избушке. На самом краю...
А нынче ты в городе где-то
Забыла про печку мою.

Простыли волшебные ночи.
И знает лишь домик рябой,
Что смерть, заглянувшую в очи,
Я радостно спутал с тобой.

Я знаю, тебе не приснится
Тот сумрак вечерний и чад...
Недавно ты ездила в Ниццу.
Ты видела озеро Чад.

Зачем же сегодня при свечке,
Рукой отводя полумрак,

Ты сыну читаешь про печку,
Где умер Емеля-дурак?

А в полуистлевшем конверте
Грят золотые мосты
До Чуровой речки, до смерти
Такой же красивой, как ты!

И манит мирозданье,
И помогает Бог.

Нас горы Воробьевы
Из памяти сотрут,
Но кто-то юный снова
Откроет наш маршрут.

Ирина АНТОНОВА

* * *

Перепутались нежность и ненависть,
Ни друзьям, ни врагам не понять,
Мы подолгу не можем, не гневаясь —
И не можем объятья разнять.
Как слова твои острые колются —
Я в ответ возвращаю слова...
Но невольно на грудь к тебе клонится
Обреченно моя голова...

О как жадно губами горячими
Ты соленых коснешься ресниц!
Друг для друга так много мы значили,
Чтоб живыми еще разойтись.

МАРШРУТ

Там Воробьевы горы,
Исхоженные мной,
Площадка для обзора
И ветер ледяной.

Запутанные нити,
Любимый человек,
Москва-река в граните,
Еще двадцатый век...

Всем празднествам свиданья
Еще не выпал срок —

Наталья АРИШИНА

ТОМИЛИНО

У шлагбаума гипсовый Пушкин сидит.
Бакенбарды ему побелили.
Ходит стрелочник, стая воронья галдит.
До утра поезда отменили.

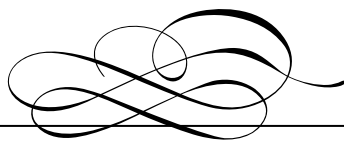
Это Пушкин в России всегда виноват,
вот сидит тут по давней привычке
и доволен, поди, что всю ночь не гремят
столь любезные нам электрички.

Не ищи виноватых. Терпеть не могу
объяснений, но будет простое:
это стрелочник, стрелочник гонит пургу —
тополинное семя пустое.

* * *

Эх, скопить бы деньжонок
и снова недельку вдвоем
поболтаться в Париже без лишних
затей и напряга.

На бульваре Распай под парижским
негромким дождем
мокнут листья платанов,
как ветхих журналов бумага.
Золотых, вырезных —
две охапки тогда унесла
и сушила на плитках портфнетра
у старой решетки.

Тоска-печаль, да ну её в болото,
Я живо эту музыку унял,
И мой талант линял, как позолота,
А я слова на доллары менял.

Спокойно, совесть!.. Мир устроен жёстко,
Слова — пустяк, а денежка всерьёз,
И в этом мире индекс Доу-Джонса
Важней метафор и метаморфоз...

Я устоял в неравном поединке!..
Но дрогнул доллар, в назиданье мне, —
Валились биржи, индексы и рынки,
Мои слова — обрушились в цене...

Свои сады я обходил в печали,
Сгорала тусклым золотом листва.
А под ногами доллары шуршали,
Вернее, эти... Как их там?.. Слова.

Григорий АРТИУХОВ

Санкт-Петербург

Е. К.

Моя Эвтерпа — совсем девчонка:
читает курс по античной драме
и перед лекцией «ставит чёлку»
рукой, покусанной комарами,
легко парит над строкой из Шелли
при слабом свете «Новокузнецкой»...
И я пытался, да неважнецки
преуспеваю в произношенье.

Зато влюбился в безумный город
и в многослойность его традиций.
А ей завидует Терпсихора
из неуклюжих своих позиций.
Моя харита, моя камена
во всём подчёркнуто терпелива

и элегантна, и современна,
в ответных чувствах нетороплива...

Она всё реже играет в куклы
и часто небу твердит: «Прости нам!»,
а ближе к ночи садится в кухне
и тихо плачет над Августином...
Моя Эвтерпа, моя и только!
Я не желаю ни с кем делиться!..

Пусть это чудо со мной продлится
как можно дольше —
не знаю, сколько...

АНГЛИЙСКИЙ МОСТ

Е. К.

Возле фабрики Гознака,
во коломенских местах,
где с Английского моста
купол синий весь в крестах
виден, дышится инако
в день предзимний...
Вот под «вжики»
электрической пилы
пьют вино из пиалы
гастарбайтеры таджики —
и продрогли, и портянки
стынут около Фонтанки,
где и в праздничные дни
ремонтируют они
проржавевшую решётку
старого особняка.
Не одну стальную щётку
издержали о бока
векового чугуна.
Может быть, когда весна
удлинит в Коломне дни,
с делом справятся они...
Может быть, и я сумею
вызвонить судьбу строкой,
да с дуги моста, рекой
незамёрзшей очарован,
вскоре, если мне дарован
будет час, и я посмею
тоже чудо сотворить —
с Господом поговорить!..

Александр АРЦИБАШЕВ

ТЫ СЕБЯ НЕ ВИНИ

Потемнели снега и упали дороги,
Южный ветер дохнул прелью тальных болот.
Отчего же глаза твои, милая, строги
И не рада ты вешним ручьям у ворот?

Седина облаков, позолота закатов,
Оголенных корней леденящая вязь.
Все слышней и слышней
грозовые раскаты
И не скрыть от людей нашу тайную связь.

Ты себя не вини, что любила украдкой,
Пред иконой моля отпустить все грехи.
И для Бога останутся вечной загадкой
Родники твоих чувств средь пустой шелухи.

КРЕЩЕНИЕ

Памяти П.Л. Проскурина

Солнце выскоблит лёд добела
И ударят в Крещение морозы.
Снегири словно ветки мимозы
Вдоль дорог, от села до села.

В оловянных разводах округи
Стынут избы, ракиты, стога...
И как будто впитали снега
Запах конской шлеи и подпруги.

Не могу без волненья смотреть,
Как кружится позёмка над следом.
Под искристым кочующим плодом
Озимь дышит... Мне б душу согреть.

ЭДУАРД БАЛАШОВ

ВЕЩИ МИРА

Чтоб перестало вовсе быть
 Всем злом накопленное злато,
 Сегодня, срочно, до заката
 Его поручено зарыть.

Не в силах радости я скрыть,
Поскольку не врага, не брата,
А вещи мира хоронить
Иду на кладбище с лопатой.

Пора ль настала перейти
Со всем, что встретилось в пути,
В иную пустынь бытованья,
Где нет вещей, но их названья
Помогут вновь их обрести
Без вожделенья и стяжанья?

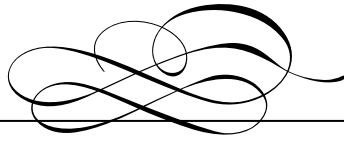
НЕ ПОЗАБУДЬ

Иду, теряюсь, растворяюсь.
Как будто нет меня уже.
Возможно, где-то повторяюсь
На невозможном рубеже.

А жизнь — без края, смерть — без края!
И жизнь — любовь, и смерть — любовь.
И я живу, не умирая.
И такова моя юдоль.

И я вернусь, вернусь, конечно,
На путь земной, надземный путь.
Любить тебя я буду вечно,
И ты, и ты, не обессудь,
Любить меня не позабудь.

Сергей БАЧИНСКИЙ

Калуга

У ШЕКСНЫ

Так и жить:
Тихим, тяжелотонным
Кораблем чернотонным
Важно плыть.
Плыть бы, плыть —
Сонным китом высоким
Меж берегов в осоке
Брюхо мыть.

До весны,
Мартовского разлива
Рыб доставать строптивых
Из Шексны.
У Шексны
Спать под дырявой лодкой
И по ночам холодным
Щупать сны.

Так бы впредь
В царстве скулящих чаек
Позавчерашним чаем
Руки греть.
Греть бы, греть
Дымом рыбачьим спину,
С берега на стремнину
Всё смотреть...

За версту
Слушать, как, будто рядом,
Рельсов гремят раскаты
На мосту,
На мосту,
Где товарняк прожженный
Тащит свои вагоны
В темноту.

Сергей БЕЛОРУСЕЦ

* * *

Ночь ленива и тепла.
Утолив тревогу,
Ты в метро — сперва — спала
Всю (почти) дорогу...

А теперь — опять подъём
(Выходить — за Лобней...)

.....
На каком плече моём
Было спать удобней?..

* * *

Животный ужас от застольной песни
И опыт выживания, как щит...
И за ушами у вдовца (хоть тресни
По лысине его) — опять трещит...

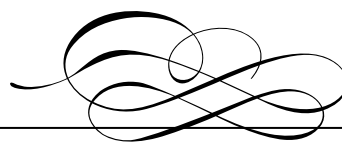
И глазки строит ладная молодка,
Зачем-то оказавшаяся здесь,
И галстук твой (он вовсе не «селёдка»)
В соку исландской сельди (но не весь...)

* * *

Бредёшь тропею торопливою,
В краю глухом, —
Где стадион зарос крапивою
И лопухом.

Где под эгидою истории,
Свой путь торя,
Растут грибы на территории
Монастыря...

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА БЕРЕСТОВА

(1928–1998)

В 1998 году, ровно в семидесятилетнем возрасте, умер замечательный поэт и писатель Валентин Берестов. Умер, оставив множество серьёзных взрослых и удивительно добрых детских книг.

Он начал печататься в 18 лет, а его первый стихотворный сборник «Отплытие» вышел в свет в 1957 году. За ней последовали такие известные книги, как «Сказка про выходной день», «Про машину», «Веселое лето» и множество других. Литературовед, оригинальный исследователь творчества Пушкина, он непрерывно думал о прошлом и будущем нашей литературы, постоянно искал и взращивал новые таланты. В 2008, в год десятилетия упокоения поэта, альманах «День поэзии» выходил в отличном от нынешнего формате. Поэтому сейчас, с глубочайшей любовью, возвращаю дань его памяти. Этот материал был написан на девятый день после его смерти в далёком уже 1998 году.

В.Д. БЕРЕСТОВУ

РЕКВИЕМ ПО ЮНОСТИ (Письмо в никуда)

Дорогой Валентин Дмитриевич!

Ваше Великое, но больное сердце остановилось 15 апреля 1998 года в Святую Великую Среду — день предания Господа одним из его учеников.

Учеников у Вас было много, ещё больше причисляющих себя к таковым, но предать Вас могла бы только патологическая личность, ибо человека большей доброты встречать мне в этой жизни не приходилось.

Представляю, как бы Вы укорили меня за столь длинное вступление, странные параллели и непонятный жанр сочинительства.

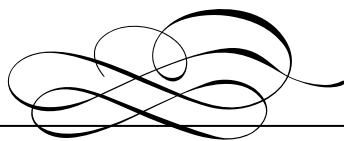
Простите меня, дядя Валя, прозы я почти никогда не писал, и очень горько, что начинать приходится практически с некролога...

Уже давным-давно, в первый зимний день нашего знакомства, а случилось это 1 декабря 1971 года, когда мне исполнилось девятнадцать, Вы, разглядев что-то в длинном, отчаянно смущающемся юнце, принесшем Вам шесть стихотворений, написанных от руки, открыли ему двери квартиры на улице Волгина, может быть вспомнив, как в своё время приветили и благословили Ваш путь: Чуковский, А.Н. Толстой, Ахматова. На вашем рабочем столе лежала «археологическая» книга с очень поэтическим названием «Государыня-пустыня» и новая книга стихов «Зимние звёзды», свет от которых я пронёс через всю жизнь.

Какое это было счастье попасть в Ваш дом и слушать, слушать, слушать, но не только слушать, а и быть услышанным!

Даникакие Литературный или Историко-архивный институты, которыми я грезил тогда, не могли бы дать и половины того, что я приобрёл за годы юношеской дружбы с Вами! Она стала фундаментом для всего моего дальнейшего творчества. Именно в Вашем доме я услышал фамилии великих певцов истории России: Карамзина, Соловьёва, Ключевского, Татищева (а ведь в школе о них в то время и не вспоминали). Я открыл для себя в полном объёме поэзию А. Пушкина, А.К. Толстого, Д. Кедрина, А. Ахматовой, Ш. Петефи, проштудировав Ваши тяжёлые книжные полки.

Удивительно, что несмотря на обилие литературных знакомых, Вы столько времени уделяли мне, и не только мне, а и моим «боевым друзьям», далёким от поэзии, но нежно полюбившим Вас. С задорным топотом и песнями мы отмечали с Вашими девочками — нашими ровесницами Мариной и Галей — скромные праздники,

а на столе дымилась печеная картошка в мундире — фирменное блюдо незабвенной Вашей спутницы Татьяны Ивановны, единственного человека, доброта которого была сравнима с Вашей.

И то, что жена замечательного писателя сама была прекрасной художницей и сказочницей, настоящей «бабушкой» домовёнка Кузи, казалось нам самим собою разумеющимся.

А как мудро и иронично Вы подписывали нам свои вновь и вновь издаваемые и переиздаваемые детские книги, которые огромными тиражами расходились по читающей стране:

«Доброму молодцу Андрею Шацкову — Бью челом об его шелом!» — эта надпись на книге «Семейная фотография» стала культовой для меня и моих друзей. А однажды я услышал от Вас, что о славном времени семидесятых Вами был написан ряд рассказов, в одном из которых «Лже-Дмитрич», я являюсь действующим лицом. Как же я задираю нос перед товарищами!

А потом начался мой отход от литературы. Нет, нет, писать я не бросил, но твердо шел по «образцовому» для ровесников пути, запрограммированному тогдашней жизнью: институт — стройка — комсомол (райком, обком) — работа в Министерстве.

Вы боялись, что раздвоенность будет мешать мне, укоряли за «измену слову». И как же обрадовались, когда я принес Вам свою первую книгу стихов, какое чудесное вступление написали уже ко второй: «Он стал строителем, но стихи писать не бросил. В них и вправду есть лирическое ощущение Древней Руси, а его стихи о любви проникнуты глубочайшим уважением к женщине. Надеюсь, что читателя тронет эта книга, как тронула она меня», — так благословили Вы меня на дальнейшее творчество.

И я творил, вступал в Союз Писателей, выступал по радио, выпускал книги и компакт-кассеты, всё время мысленно сверяясь с Вами, а наши встречи становились всё реже и реже. Вокруг Вас сплывались

новые люди, популярность росла, и это было высшей справедливостью!

К огромному сожалению, из-за болезни Вы не смогли прийти на мой «полужубилей» в ЦДЛ 1 декабря 1997 года. Как жалко! Сколько добрых общих знакомых мечтало увидеть Вас.

Первого апреля в День Вашего семидесятилетия я звонил, надеясь поздравить Вас, но вы были в далёкой Америке... На Вашем юбилейном вечере в ЦДЛе, намеченном на 17 апреля, встретиться уже не довелось. Вместо этого я стоял у скорбного гроба в малом зале и давился слезами.

Дорогой дядя Валя!

Когда я постучался в дверь Вашего дома, Вам было примерно столько, сколько мне теперь.

Сейчас в мою дверь никто не постучится, а если это чудо произойдет, то я никогда не сумею стать неизвестному пришельцу тем, кем стали для меня Вы. Не хватит ни Ваших энциклопедических знаний, ни всепобеждающей доброты.

В дверь без стука может ввалиться мой двухметровый восемнадцатилетний сын. Но он стихов не пишет. Он вообще не читает художественных книг, предпочитая спорт, и мне становится неуютно и одиноко.

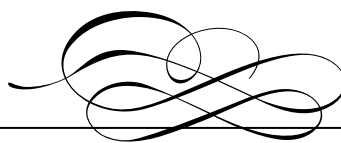
Я не сумел привнести в его душу частичку своей, которая столько приобрела от возможности быть рядом с Вашей огромной душой, благословляющей нас ныне из Горних высей.

«Учитель, перед именем твоим...»

Простите меня, дядя Валя.

Андрей ШАЦКОВ
23 апреля 1998 г.

Ефим БЕРШИН

КРЕЩЕНИЕ

Нам далеко до Иордана,
где струи, вязкие, как сок,
сочатся столь же первозданно,
как солнце, воздух и песок,

где к северу от Бет-Шеана,
что солнцем выкрашен, как хной,
толпа смиренно не дышала
в немыслимый крещенский зной.

Слепцы, погонщики верблюдов,
менялы и поводыри,
и множество другого люда
стояли молча до зари.

Они искали место Богу
и суть, и формулу. И вот
спокойно обрели свободу
в купели иорданских вод.

Нам — далеко.
В снегу — осины.
Из сруба выперла скоба.
И весть о Человечьем Сыне
доносит хриплый лай собак.

Зато соседка на Крещение
всех разом соберет к столу
и, наспех вымолив прощенье
у складня в вышитом углу,

достанет из печи просфоры —
вся распаленная, в золе.
Но тем решит проблему формы
и места Бога на земле.

ЧЕЛОВЕК ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ЭПОХИ

1.

Когда телефон замолчал и умер,
а часы показывали все, что хотели,
и только сверчок верещал, как зуммер,
наискосок от моей постели,

я понял, что наконец-то вышел
из времени, из его объятий сучьих,
как язык — из азбуки,
сок — из вишен,
оставив деревьям гнилые сучья.

А за окнами так же теснились ели,
пахло псиной,
и печка давилась поленьями,
и ворота долго еще скрипели
там, по другую сторону времени.

2.

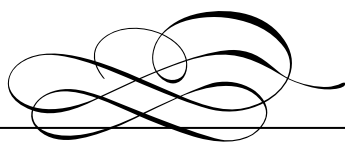
Человек параллельной эпохи,
убежавший от Судного дня, —
и не то чтоб дела мои плохи,
просто больше их нет у меня.

Разве это серьезное дело —
неожиданной прихоти для
выковыривать душу из тела,
словно зернышки из миндаля?

3.

Когда я так не вовремя уснул,
когда мне изменило чувство меры,
когда из дня, из месяца, из эры,
из времени неслышно ускользнул,

меня всю ночь искали на снегу
мои собаки, женщины и дети.
Я понимаю, что за все в ответе.
Но ничего ответить не могу.

Александр БОБРОВ

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Удаль — не молодецкую —
В сердце слегка смирю.
Улицею Советскою
Выйду к монастырю.

Речка зовется Истрою,
Так же, как звали Дунай.
Этой водою быстрою
Тяжесть с души снимай.

Жёлтым аллея выткана,
Осень царит в лесах.
Скит патриарха Никона
В тесных стоит лесах.

Мы возродим обители.
Как возродить народ?
Реки мельчают... Жители
Их переходят вброд.

Мелким душа затронута,
Рушится Третий Рим.
Пусто.
Сиянье золота.
Новый Иерусалим.

1 АПРЕЛЯ. МИРГОРОД

На просторах Полтавщины — утро.
Просветляется в реках вода.
Поступил я внезапно и мудро,
Что рванул весною сюда.

Над озимыми — небо слоисто.
Этот песенный край — знаменит,
И, как будто струна бандуриста,
На Диканьку дорога —
звенит.

Нам не с памятью надо бороться,
Не приветствовать брань и раскол,

А любить этот край Миргородский,
Где для всех серебрится Хорол.

Расточаются сумрак и погань,
Поднимается солнце в зенит,
И Микола Васильевич Гоголь,
Улыбаясь, с портрета глядит.

Марина БОРОДИЦКАЯ

* * *

За ткацкий стан, за виноградный пресс,
За прялку, мялку и иные штуки,
По мелочи, какими камнерез
И плотник, позабывшись, рванят руки,

За молоток сапожника, за круг
Гончарный, за кадушку и опару,
За кисть, за ножницы для кройки брюк,
За скрипку, Господи! и за гитару,

За мех кузнечный, дышащий как грудь,
За почерневший тигель лаборантский, —
Простишь ли, Боже, нам когда-нибудь
Щипцы, и дыбу, и сапог испанский?

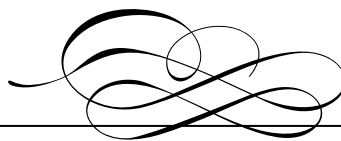
ИСХОД

Я вот думаю: как они шли по морскому дну,
когда хлябь расчесали для них
на прямой пробор?
Под ногами чавкало, и с двух сторон
в вышину
уходили стены, сплошной водяной
коридор.

Малыши на руках, а постарше-то ребятя
отставала, небось, кричала:

«Смотри, смотри!»

И нельзя же было мимо пройти, не подняв
хоть одну ракушку, розовую внутри?

А какие чудища встречались им на пути!
А какие щупальца тянулись из толщи стен!
И не все понимали, зачем им туда идти,
и не все вспоминали, что сзади
погоня и плен.

А когда ударила в бубен пророчица Мариам
и морские стены, с грохотом вновь сойдясь,
раздавили коней, расплющили египтян, —
содрогнулись они или сразу
пустились в пляс?

Юрий БОЧКОВ

* * *

Небрежно подачки швыряет удача
В толпу наугад.
Пригоршнями щедрыми счастья и плача
Осколки летят.

Лови, сколько хочешь, лови,
сколько сможешь —
Потом разберёшь.
По полочкам радость и беды разложишь —
И тихо взгрустнёшь.

А если не нравится то, что досталось,
То снова лови,
Пока не почувствуешь в сердце усталость...
Вот так и живи.

А хочешь — борись, на судьбу наступая
Задором своим,
В борьбе и надеждах себя ощущая
Почти молодым.

О том, что получится, после узнаешь,
В урочные дни.
А если опять, как всегда, проиграешь —
Тогда извини.

Владимир БОЯРИНОВ

Москва

ТОЧКА

Рванный век вместился в годы,
Годы – в несколько минут.
Годы – гунны, годы – готы,
Скифы тоже тут как тут.

Тьмы сбиваются в мгновенья,
Звенья – в строфы стройных строк.
«Так диктует вдохновенье», –
Говорит провидец Блок.

В райском поле по листочку,
По цветочку буду рвать;
Буду в точку, в точку, в точку
Мысли точные вбивать.

Как темно и одиноко!
Как ничтожен каждый миг!
И чего мне ждать от Блока,
Если сам уже старик?

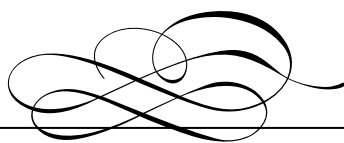
То не атомная бочка
За околицей гудит...
Как рванёт однажды точка –
Так вселенную родит!

СТРУГ НЕБЕСНЫЙ

Ты увидишь не скорее
Воскресения, мой друг,
Как я высек из хорея
Именной работы струг.

Вровень с ветром, вровень с тучей
Я поставил паруса,
И вознёсся струг летучий
В заревые небеса.

Не страшны ему цунами,
Не грозит ему тщета,
И лихими временами
Не разъедены борта.

То не ропот русской вьюги,
Не бореи свистит в кулак, -
То заспорили на струге
Пушкин и Гораций Флакк.

Ломоносов, как я понял,
И Державин тоже здесь.
Или я ещё не помер,
Или помер, но не весь.

Как уйду я - рать святая
За отеческим селом
Пропоёт в скитах Алтая
Староверческий псалом.

Звякнут ядерные цепи,
Вздрогнет дедушка Иртыш:
«Видят матушкины степи,
Как высоко ты паришь!»

И пышна, и величава,
Пропоёт вослед Москва:
«Я твоя земная слава
И законная вдова!»

Сокрушённые ашуги,
И шаманы языка
Сложат о небесном струге
Свод сказаний на века.

Заповеданы секреты
На столетия, мой друг:
- Кто вцепился в хвост кометы?
- Кто уселся в звёздный струг?

И пока на Красной Пресне
Хоть один живой поэт
Распевает наши песни -
Есть Господь, и смерти нет!

Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ

Санкт-Петербург

В НОЧНОМ (ИЗ ДЕТСТВА)

В чепрак завернусь поплотней, закемарю,
Теплом задыхаясь и потом коня.
Луна азиатскую плоскую харю
Просунет меж туч и увидит меня.

Со звоном осыплется небо на землю,
По склону к воде прогремят табуны,
Росинка взойдет по упругому стеблю
И станет серебряной в свете луны.

Откликнутся выпя. Качнутся болота.
Затихнут на дальних лугах косари.
Былины придут и столбятся у входа
В мой сон, что я буду смотреть до зари.

И всё оживёт — и волшбы, и поверья,
Раскинутся царства — бери и владей!
Ковыль золотой, ястребиные перья,
Упругие спины степных лошадей!

Красавицы, равных которым не будет,
Клинки, закалённые в яром огне,
Хорошие песни, хорошие люди,
Как в жизни, которая выпадет мне.

Виктор БУДАКОВ

Воронеж

УПАСИ ОТ ЛУКАВЫХ!

Давно сказали на Дону:
Нам не прожить по одному.
А мы — в разброде.

Давно сказали на Дону:
Нет счастья, кроме как в дому.
А мы — уходим.

Давно сказали на Руси:
Чужого луга не коси!
Но что же косим?

Давно сказали на Руси:
Добра у злого не проси,
Зачем же просим?

**Была молитва на Руси:
От всех лукавых упаси!**

Евгений БУНИМОВИЧ

* * *

Ю. Арабову

суточные фонари отбрасывают
 длинные тени
 перечеркивая хайтек автотрасс
 оглядываясь назад мы оказываемся
 не теми
 за кого принимали сами себя
 да и другие нас

вроде бы не боялись не верили не просили
мастерили как умели амфир во время чумы
ночью все кошки серы все города красивы
все странники оцифрованы
все смыслы обречены

ночью пространство скукожено
как догорает бумага
покуда мы здесь обозначены
точками А и В
сумма углов треугольника
с вершиной в районе Бога
больше равна судьбе

Вениамин БУТЕНКО

* * *

А биографию души,
Что не подвластна ни рентгену,
Ни даже родовому гену,
Понять рассудком не грехи.

А биографию души
И гении не разгадали,
Нашупывая лишь детали,
А ты задумал... Не смейся.

А биографию души —
Твоей, моей — диктует небо,
Где нет людей, грехов и хлеба...
Всё. Точка. Вечностью дыши.

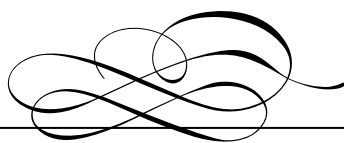
* * *

Я включен, как в розетку,
В шестую часть Земли —
С непредсказуемой судьбой,
По которой веками
Идет
Ток
Высокого напряжения.

Запад и Восток,
Не дотрагивайтесь до меня
И моих соплеменников,
Иначе
В одно мгновение
Вы можете превратиться
В пепел.

Поймите:
Эта часть Земли —
Ваш громоотвод.

Наталья ВАНХАНЕН**ГАСТАРБАЙТЕРЫ**

*А в желтых окнах рассмеются,
как этих нищих провели.*

Александр Блок

Ждали долго и с очередями
подступили к окну под дождём:
— Завтра утром с крестом и гвоздями.
И сказали ребятам: — Придём.
— Приходите для ровного счёта.
Разочтёмся сполна, как отдать...
Хоть какая, а всё же работа.
Гастарбайтеру — всё благодать!
Лишь один потоптался немного,
уточняя назначенный час,
и с губы уронил у порога:
— Что решили-то: мы или нас?
Не ответит сердитый начальник.
А и правда, не всё ли равно?
Пальцем ткнёт в электрический чайник
и со стуком захлопнет окно.

ПОЖЕЛАНИЕ

Зябко? А будет еще и зима.
Голо? А будут бедней закрома.
Тихо? А кто-то молчит за стеной.
Пусто? А дальше и вовсе — одной.
Жалко? Конечно. Но жальче зверьё.
Мёрзлое поле. В ночи вороньё.
Трудно? Ещё бы. Но проще, чем им.
Долгих им лет и коротеньких зим,
дома под веткой,
густого леска,
пули не меткой,
мазила стрелка.
Лёгкого бега.
Уютной норы.
Хрусткого снега
и сладкой коры.

Константин ВАНШЕНКИН**СТАРОСТЬ**

Хотя мы стали старыми, седыми,
И многое нам нынче все равно,
Ровесницы остались молодыми,
Поскольку мы не виделись давно.

Они среди пылающего лета
Как прежде продолжают жизнь свою.
Они еще сейчас танцуют где-то
С ребятами, погибшими в бою.

* * *

Мы вместе, не жалея сил,
Служили беззаветно.
А я ведь многих позабыл,
Порою незаметно.

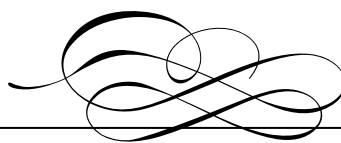
На остановках тех ночных,
Без всякого резона,
Где память высадила их
Из общего вагона.

ДРУГ

Когда к нему лезли,
Он был хулиган,
Обидели если —
Мог взять на калган.

Но если ты кореш
В теснейшей судьбе,
То, что ты ни порешь,
Простится тебе.

За даль золотую,
Где дням нет числа,
За жизнь не впусую,
Что вместе прошла.

ПРОЩАНИЕ

Вошел в эту дверь
С букетиком красных гвоздичин
К тому, кто теперь
Уже ко всему безразличен.

Войдя в этот зал,
Еще не отвыкнув от света,
Я словно сказал,
Но не услышал ответа.

Разгладив чело,
Он с жизнью сыграл уже в прятки.
Прощание прошло
Лишь в одностороннем порядке.

МЕТЕОРИТ

Вблизи небесных тел,
Пока еще не лишних,
Вновь мимо просвистел
Космический булыжник.

Попал бы — и хана,
Размазал бы орбиту...
Как тянется шпана
К налаженному быту!

Эта женщина умела
Факты с выдумкой связать,
А порой довольно смело
Что-то важное сказать.

И сводила, и сходила
Эта женщина с ума
И всегда руководила
Своим возрастом сама.

ТАБАК

Женщины пахли
Парным молоком.
Впрочем, их патлы —
Чужим табаком.

Но еще хуже,
Если своим.
Лучше уж вчуже
Будет тот дым.

Ночью, с устатка,
И горький табак
Терпится сладко
На милых губах.

Боже мой, уже будучи в браке
И совсем уже в зрелой поре,
В общежитии жили, в бараке,
В коммуналке и в прочей дыре.

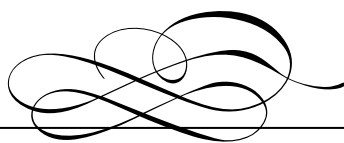
В темноте ослепительной лежа,
Где топчан осторожно скрипел,
И младенец у нашего ложа
Целомудренно соской сопел.

ОБЛАЧКО

Льет неизвестно из чего! —
Не может облачко любое
Явить такое волшебство...
Все остальное — голубое.

А это так — пустяк, мазок,
Но почему на наши лица
И на березовый лесок
Вдруг умудряется пролиться?

Иль то бывшего ливня след
В свинцовой бывшей амбразуре?
...Но вот его уже и нет
В так называемой лазури.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

**ИКОНА
«БОГОРОДИЦА ВЛАДИМИРСКАЯ»**

В Кремлевском Успенском соборе
пред Нею венчались на царство.
На счастье во власти. На горе.
На благо страны. На мытарство.

Ее бесподобные очи
судьбу сообщали заранее,
но те, кто до власти охочи
в слепом пребывали дурмане
от пестрых одежд ритуала,
а после просили у Бога
поболе того, чего мало,
помене того, чего много,

и крепко о Ней забывали,
поскольку им некогда было,
но лишь пред концом понимали,
на что Она благословила.

ХОЛМ

В Кремле любое время года
то царствует, а то царит,
здесь независимо Природа
с людьми о Боге говорит.

Но здесь ее не каждый слышит,
влача в суетах жизнь свою.
Кремлевский холм надрывно дышит,
как воин, раненый в бою.

Он так стоит, не умирая,
всему свершившемуся рад,
как будто на пороге рая,
пройдя дорогу через ад.

ВЕСЕННЯЯ ЕЛИСАВЕТ

Суетлива и изменчива,
неспокойно весела,
легкомысленная женщина
мудрый свет во тьме зажгла.

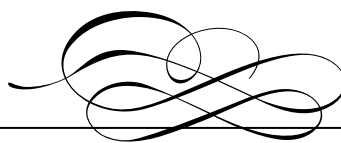
Хитрых книжек не читала
пышная Елисавет
и с собой не рифмовала
слово «университет»;
сотворив не слишком рьяно
появление его,
подарила дню Татьяны
славу праздника того.

Не рядила, не растила,
не несла его, как крест,
а свободно вплавь пустила.
Что ж, вполне был царский жест.

**КАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ
В МОСКВЕ**

Не имея большого наследства,
но желая наследство иметь,
о Москве она думала с детства,
а вернее — сумела посметь
возмечтать о российской короне,
величавый дарующей свет,
и случайно воссела на троне,
но известно — случайностей нет.
В час венчанья в Успенском соборе,
задыхаясь от радостных слез,
уловила в Божественном Взоре
несомненный ответ на вопрос:
— Разрешаешь войти?
— Разрешаю.
— А поможешь?
Ни взгляда в ответ.
И сидела на троне чужая
тридцать пять ослепительных лет.

В этом сплаве коварства и страсти,
что с собою она принесла,
горевое российское счастье,
отверкав, прогорело дотла.

Как бы ни было сиром и плохо
и в веселье невесело там,
Катерины Великой эпоха
лучшим временем кажется нам.

ОТ НИКОЛАЯ ПЕРВОГО

Ах, сладостный удар по нервам!
Восторг души до сердцевины!
Москва при Николае Первом
впервой справляет именины.

Она — представить невозможно —
без электричества сверкает,
семь сотен лет неосторожно
за юный возраст принимает.

А может, так оно и было,
ведь молодость сердец не губит.
Москва отважно полюбила
того, кого никто не любит,
кто в императорском наряде
стоит подобьем истукана
и холод бережет во взгляде
прозрачном, как стекло стакана.

Царь одарил в Москве поэта
надежды верною любовью
так, будто и не знал при этом,
что милость трона пахнет кровью.*

* В день своей коронации Николай Первый приказал вернуть из ссылки Пушкина.

Ирина ВАСИЛЬКОВА

ИЗ «ЕГИПЕТСКОГО ФАЙЛА»

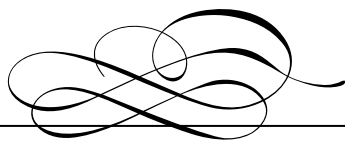
С запада саблезубый хребет
сторожит Сафагу,
а с востока из плоского моря
в ртутный рассветный час
проявляется солнце
(привет японскому флагу!),
постепенно круглея кровью,
как бычий глаз.

На загривке ящера шипасто бугрится кожа
конвульсивно ходит, еле сдерживая накат,
и, взрывая недра сейсмоопасной дрожью,
под пылающий диск бросается наугад.

Там карнакский мираж
из песчаных оплотов вырос,
барельефы теней мерцают
сквозь плен стены,
и наверхья колонн
(где лотос, а где папирус?)
не ударом хвоста, а временем сметены.

И когда обрушатся прахом
последние камни
мною точно выверенных
бастионов и крепостей,
я успею понять, как эта жизнь велика мне
безразмерным излишеством
пестрых своих затей.

Но разумный Ра истончает плоть
до сухого звона,
и немymi гидами в город мертвых
ведут с собой
два суровых цвета — подпирающих,
как колонны,
остаток жизни —
пыльно-желтый
и пепельно-голубой.

* * *

Захлебнуться морем,
 влипая в него спиной,
 пропустить сквозь пальцы, волосы,
 носоглотку,
 размагнитить форму, снова уйти волной
 в пятое измерение, там превратиться
 в лодку,
 в горизонт, в тридакну, в крестики на песке
 и опять свернуться катышком эмбриона,
 и родиться вновь с морским коньком
 в кулаке
 аборигеном океанского региона.
 Ты ведь тоже море —
 мне хочется завести себе дом
 на краю воды,
 с широкоугольным таким обзором
 и со шторами затемнения —
 чтобы не знать о том,
 какие гимны тебе косячок Киприда
 распевает хором.
 А когда мое присутствие докучное надоест,
 вал меня далеко зашвырнет,
 и стану я жить на суше —
 обходятся же без него жители
 континентальных мест,
 другими стихиями заполняя сухие души.

Мария ВАТУТИНА

* * *

Мне припомнилась тут картинка.
 Был пикник на краю села.
 А беременная Маринка
 К тому берегу поплыла.

Вот плывет она кверху пузом,
 Держит руки за головой,
 Как баржа с контрабандным грузом,
 Обманувшая наш конвой.

Муж киряет ни сном, ни духом,
 Мать сражается с комарней,
 А Маринка с огромным брюхом
 Уплывает на берег свой,

Я стою, и кричать не в силе,
 Что ты делаешь, мол, вернись.
 У нее разряд в вольном стиле,
 И вообще она смотрит ввысь.

Смотрит ввысь, ничего не слыша,
 А услышит, прибавит ход:
 У Маринки снесло всю крышу
 От гормонов, она и прет.

Я, бездетная, злюсь на кочке,
 Муж пытается в воду лезть.
 А Маринка плывет и точка.
 Так красиво, глаз не отвесь.

* * *

...Два зеркала она ему дала...

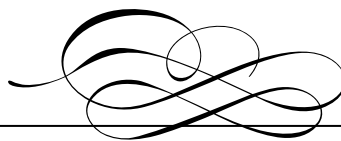
А. Цветков

Когда снесли муниципальный дом, им
 дали две квартиры на площадке. Налево
 внучке — девушке с веслом, направо — баб-
 ке, старой ретроградке. Настало переми-
 рие меж них. Они друг к другу заходили в
 гости. Нарисовался временный жених. Но
 кто на ней... но кто ее... ай, бросьте!...

Два зеркала дала им, два мирка жилищ-
 ная комиссия — ЖК.

И в правом этом зеркале старинном
 был тусклый свет, и корвалол лился, и
 приживалка-смерть в быту рутинном лени-
 лась, вахту памяти неся. Пылился пол, кро-
 шился хлеб под ноги, и поутру, очнувшись
 ото сна, старуха долго складывала слоги:
 «про-», «сну-», «лась», «вро-», «де», «вот»,
 «те-», «бе», «и», «на».

А эта, чья в углу сенокосилка, ночами
 приходила к ней в кровать и что-то напо-
 добие обмылка совала в пах: пора с тобой

кончать, пора тебе захлопнуть дыры, бабка, заткнуться, подавиться языком...И долго от смертельного припадка старуха отходила... но молчком. Теперь она боялась только ночи, просила внучку «посиди со мной». Та отвечала «я не тамагочи» и выдыхала слезы, встав спиной.

Ей в зеркале всё становилось ясным, а молодости знание не впрок, не надо ей показывать, как красным заплыл гипертонический белок, что невозможно перебраться в ванну, что голова с душой наперевес, что смерть — маньячка, действует по плану. А если раззадорить, то и — без.

В том зеркале, которое налево, где девушка бывает не одна, где скоро корни пустит чье-то древо и жизнью от мореного бревна потянет так, что выбегут соседи, в том зеркале, в той ртути, что на треть расплескана, опять родятся дети, умея как-то смерть перетерпеть, они родятся, вырастут, по факту возьмут переходящее весло, а девушка в ту, с тусклым светом, хату перенесет себя и барахло. И в том ретроспективном коридоре, где друг пред другом встали зеркала, пока идет, она умрет от боли и будет дальше жить, как умерла.

Дмитрий ВЕДЕНЯПИН

ДОМ ОТДЫХА 70-Х

Статуи, беседки, тишина.
Все, включая тишину, немножко
Развалилось... В парке дотемна
Взрослые гуляют по дорожкам.

Фонари желтеют сквозь листву.
Ленин, Сталин, Господи помилуй!
Жизнь, как в школе, жметя
к большинству,
В большинстве, как водится, немилому.

Брежнев, Каплер, комнатный балет
Смыслов и непрожитого воздуха...
Вот и получается, что нет
Ничего прекрасней дома отдыха.

ОДЕССА-63

О. Д.

На солнечном пляже...

А. Вертинский

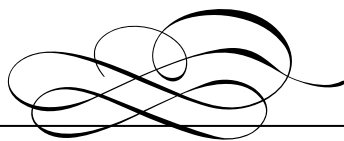
Как добрые ложки
(а ну эти злобные вилки!)
И чуткие стражи,
Пузатые бабушки чинно сидят
на подстилке
На солнечном пляже.

Сверкает вода, изумрудная и золотая,
И парус, как лучик,
Пузатые бабушки смотрят, от нежности тая,
На внуков и внучек...

Недавно приятель сказал мне
в одном разговоре,
Нескладном немножко,
Что время из всех, так сказать, категорий
Уж точно не ложка

И даже не вилка; пространство
добрей и круглее —
Сядишься в двуколку
(Ну, в поезд) — раз-два и вернулся!
Вот пляж, вот аллеи...
А толку?

Сэда ВЕРМИШЕВА

* * *

Мы выпали все из контекста.
Эпоха не нами красна.
Ни имени нам здесь,
Ни места,
Не светит звезда ни одна...

Ни жердочки нет,
Ни насеста,
Одна лишь морока креста —
Нести неподъемное бремя,
Ступить в злой печали юдоль...

Гуляй,
Бесприютное племя!
Глотай непочатую боль!
Дорогу в снегах и камнях
Прими,
И откусать изволь!

* * *

Я никогда в тот город не вернусь,
Тот город мертв. Тот город пуст.
О, то не город,
То терновый куст, —
Ни вздоха легкого, ни песни с уст...

Прилягу ночью —
Утром —
Не проснусь...
Подбитой птицей мне над ним кружиться...
Мне негде жить!..
Мне негде приземлиться!
Я в зеркалах его
Бледнею и дроблюсь!..

Пусть жизнь трудна...
Я безоглядна!
Пусть!
И пусть гроза.
Пусть воды разольются.
Назад мне нет пути.

Мосты пусть разомкнутся!..
Крылом прощальным
тронет сердце грусть...

Я к дикой стае
Облаком
Прибьюсь...

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СТИХОЗЫ

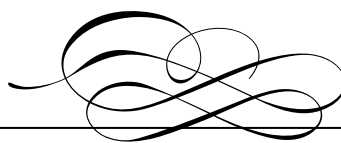
Психотропные средства
против зависти и артроза.
Стихотворные срезы,
стихозавязь или стихозы.
Нас зовут гены Альфы
и Омеговы гены.
«Как живешь?» — «Гениально!»
Это несовременно.

СТИХОЗАВЯЗЬ

Можно ль выжить, звучание
вынув,
звук, как гибель, испепелим,
Например, война гибеллинов...
Гибеллин. Гобелен, Цеппелин.

СТИХОЗА

«Войди, Призрак!»
Антреприза анапеста.
Люблю подарки
Я брожу в твоей рубашке,
из меня растут цветы.
Отовсюду улыбаешься
Недосказанная ты.
От трех до четырех
В окошках свет погас.
Замолкнул пустобрех.

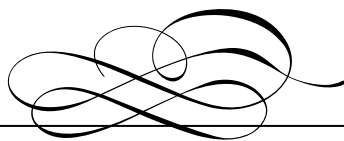

Пошел мой лучший час —
от трех до четырех.
Стих крепок, как и чай.
Нас посещает Бог.
Шла служба при свечах
от трех до четырех.
И Хайдеггер, дымясь
камином кочерег,
попросвещает нас
от трех до четырех?
Как слышно далеко,
как будто возле вас
разбили молоко,
спустили в унитаз.
Вы слышите — мосхит?
Или поет москит?
От трех до четырех
наш мир не так уж плох!
Пускай я в жизни лох
и размазня пирог,
но я сейчас пророк!
и смысла поперек!
Люблю я в три проснуться
и озирать чертог,
Конфуция коснуться
и спать без задних ног.
Я сам не разумел
идею, что изрек.
Но милиционер
вдруг взял под козырек.
Я без тебя опять.
Как отыскать предлог,
чтоб досуществовать
от трех до четырех?
Кто в дверь звонит? Мосгаз?
Не слушайте дурех.
И не будите нас
от четырех до трех.

СЕСТРА

Если кто всенародно
обоссан,
или просто подмыться пора,
вас обнюхает, как опоссум,
сострадающая сестра.
Уроженница Нарьян-Мара,
спецуборщица стольких НИИ,
жизнь по-своему понимала,
что она — в сострадании.
Зарплату беря как данность,
не жалуясь на Минфин,
родила сыночка-дауна,
лобастого, как дельфин.
Бог ввел тебя в сострадание —
недозированный морфин.
на шейке твоей увядает
сморщенный парафин.
Пруд в окнах,
как Мастрояни,
подергивает щекой.
Откуда, сестра состраданья,
живет в тебе свет такой?
Откуда в тебе боль личная?
несешься, не чуя ног,
когда над стеной больничной
панически бьет звонок?!
Человеческие отправления —
безумные поезда...
Мы знаем лишь направления —
не ясно только — куда.
Когда же придет день Судный —
и душу уже не спасти,
сестра пододвинет вам судно
и ласково скажет: «Поссы».

Виктор ГАВРИЛИН

Не отпускай меня, Россия,
из-под твоих свинцовых туч
в предел блаженной Горней сини...
До святости меня домучь.

Пусть был я сыном нелюбимым,
но до любви к тебе возрос.
Дай подышать осенним дымом
до сладких, до последних слёз.

Я не бродил по белу свету,
иные земли полюбя.
И выбора мне в жизни нету.
И одинок я без тебя.

В дымке зелени встанет весна лишь,
и поднимется птичий галдёж,
я вернусь, ты меня не узнаешь
среди воспрявшего — мимо пройдёшь.

Но совсем не уйдёшь ты, и рядом
вдруг невольно замрёшь, ощутив,
что прошла под неведомым взглядом,
охраняема, словно дитя.

Повторяться мне жизнью не надо.
Но тому уже буду я рад,
что я стану материей взгляда...
Да наполнится силой мой взгляд!

Мне причастному чуткому чуду,
дало б небо хранительных сил.
На земле я не буду и буду —
я обличья себе не просил.

И предамся я мысли и взору,
что быстрее всего на лету,
что сдвигают былинку и гору
и обгонят любую беду.

Счастье жизни по мелким крупитцам
на земном распылилось пути...
Я не знаю, куда возвратиться
и доколе вперёд мне идти.

И на свете изменчивом блёстки
различаю я издалека.
Как текуч этот блеск!.. Мне и горстки
не собрать золотого песка.

И земное от края до края
я бы мог воедино свернуть,
с нежилой высоты озирая
по земле этой млечный мой путь.

В осиянности он, что на чёрном
из немыслимой дали видна.
Мне считать мою радость по зёрнам
до золотого и вечного сна.

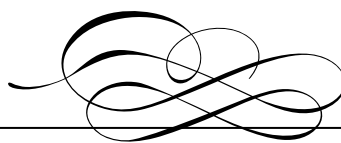
ПАМЯТИ ВИКТОРА ГАВРИЛИНА

(1948–2009)

«День поэзии-2009» был уже почти полностью сверстан, когда в редакцию пришло известие о смерти самого мужественного поэта России — Виктора Гаврилина из подмосковного Солнечногорска.

У него была драматическая судьба. В 16 лет он стал инвалидом первой группы и с тех пор навсегда был прикован к паралитическому креслу. Но он был поэтически одарённым человеком, и творчество стало для него и смыслом жизни, и радостью. Поэт издал много книг, стал лауреатом литературных премий — одним из самых известных людей Солнечногорска. Ещё при жизни его именем хотели назвать городскую библиотеку. Но при жизни это делать вроде не принято. Теперь уже точно — назовут.

В ситуации с Виктором Гаврилиным, конечно, уместно слово Мужество... Уместны в

ней также Любовь и Красота. У него было множество стихотворений о любви к прекрасной женщине — жене Нине, о любви к этому замечательному, хотя и жестокому, миру. Тело его было почти неподвижно, а душа летала и пела... Хотя с годами это было делать всё труднее.

В подборке, присланной женой Ниной, была её приписка: «Это все его последние стихи. Он чувствовал свой предел, поэтому они такие печальные...»

Говорят, что когда уходит гений — мир содрогается. Виктор Гаврилин не был гением в полном смысле этого слова. Он был простым РУССКИМ ПОЭТОМ.

Мир не содрогнулся... Он — просто перевёл стрелки в день похорон Виктора на час вперед, устремившись в своё прозаическое будущее, а поэтическое пространство сморщилось без него ещё больше, как шагреневая кожа.

Геннадий ИВАНОВ
Андрей ШАЦКОВ

Наталья ГАЛКИНА

Санкт-Петербург

НОЧНОЙ ДОЗОР

Старьевщик, всё знающий о тряпье,
точильщик с искрой на острие
ножа, с метлою мегера,
невозмутимый ночной портье —
китаец из «Англетера»;
энкавэдэшники (дружный клон —
в ногу, ребята, левой!),
чрезмерно женственный аквилон
с прокомиссаренной девой,
блатарь, заглядевшийся на бегу
на золото букв портала,
четыре крысы на берегу
светящегося канала,

скульптуры, тоской зеленой больны,
бездомный в норе укромной
и маленький ангел в створе весны
над замершею Коломной.

* * *

Запечатлей
Шамбалу и Гиперборей,
щелкни затвором —
мы улыбнемся хором,
вычисли, оцифруй
воздушный поцелуй,
травы на берегах,
профили в облаках,
сирень и камедь;
глядишь, и вычеркнет
из памяти всё
фото на память.

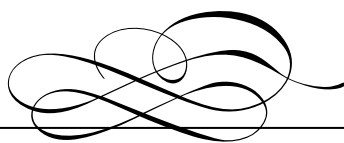
* * *

Чуть присядешь на кухне на корточки
подле пары кошачьих персон,
а уж воздуходувкой форточки,
искушая, играет муссон.

Ах, голубушка, лето проносится,
пыла, душенька, прок невелик.
Оглянись — и взлетит с переносицы
мотылькового отсвета блик.

Голубями окно приголублено,
(коготки у карниза в ходу),
влюблено в ветродуй, недолюблено
незакатным лучом на беду.

Что безбрежности берег и лоции,
даже эхо беззвучно стократ,
где сто лет над дворами-колодцами
башни замков воздушных стоят.

Галина ГАМПЕР

Санкт-Петербург

* * *

За поцелуй — полцарства отдаю,
 А за второй — вторую половину,
 Молюсь и плачу, плачу и пою
 И поминаю Анну и Марину,
 Как я щедра, пока не вышел срок,
 Покуда страсть на щедрость подбивает.
 Ах, как течет меж пальцами песок,
 Как восемь жалких струек убывает.

* * *

Это чайки кричат,
 будто старые двери скрипят,
 От осенней воды потянуло
 туманом и смутой.
 Что же скряжничать,
 Что уж трястись над последней минутой,
 Никогда, всё равно
 Никогда не вернуться назад.
 В ту же реку нельзя,
 Мы ведь знали с тобой, что нельзя,
 Мы ведь знали с тобой, а не верили —
 Трудно поверить...
 Оглянуться, заплакать
 и взглядом прощальным измерить —
 Моментальным и точным,
 по льду отчуждённы скользя.

* * *

Окно отворю — от стены до забора
 Лишь сад, шелестящий зеленым плащом.
 Наверное, выпадет случай не скоро
 Вот так, не заботясь уже ни о чем,
 На лужи глядеть — пусть себе пузырятся
 Под ливнем, не важно — минуты, года...
 Успела и, значит, не надо бояться,
 И больше не надо спешить никуда.
 Когда ещё будет так пахнуть укропом,
 И сочной ботвой огородный мирок?..
 Пусть время, которое ляжет галопом,
 Приляжет, остынет, отдышится впрок...

Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ

* * *

Ржавчина и желтизна — очарованье очей.
 Облако между крыш само из себя растёт.
 Ветер крепчает и гонит листву взашей,
 Треплет фонтан и журнал
 позапрошлых мод.

Синий осенний свет —
 я в нем знаю толк как никто.
 Песенки спетой куплет,
 обещанный бес в ребро.
 Казалось бы, отдал все,
 лишь бы снова ждать у метро
 Женщину 23-х лет
 в длинном черном пальто.

* * *

Мне нравится смотреть, как я бреду,
 Чужой, сутулый, в прошлом многопьющий,
 Когда меня средь рощи на ходу
 Бросает в вечный сон грядущий.

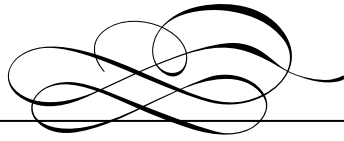
Или потом, когда стою один
 У края поля, неприкаян,
 Окрестностей прохожий господин
 И сам себе хозяин.

И сам с собой минут на пять вась-вась
 Я медленно разглядываю осень.
 Как засран лес, как жизнь не удалась.
 Как жалко леса, а ее — не очень.

**ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА
В ОТРОЧЕСТВЕ**

I

Первый снег, как в замедленной съемке,
 На Сокольники падал, пока,
 Сквозь очки озирая потемки,
 Возвращался юннат из кружка.

* * *

И воскликнешь
 посреди пустынного мира:
Господи!
 Сотвори мне кумира!
Не обязательно в славе и во плоти —
Хоть какого-нибудь!
Хоть прежнего возврати!

Но раздастся в ответ,
прошуршит дождём по траве:
Чем кумира в округе искать,
заведи царя в голове!

* * *

Август. Полдень. Ёлок вереницы.
Три недоразрушенных избы.
Я сюда на запах медуницы
Прихожу, как в детстве — по грибы.

И брожу своими же следами.
И робею у церковных стен:
Что просить нам — траченным годами
Очевидцам бурных перемен?

(Вон и туча шерится морозно,
Будто бы уже закончен суд!)
Славы — стыдно, пониманья — поздно,
А любви не просят, только ждут.

Боже, стать бы тем седьмым коленом,
На котором завершится месть!..
Медуница нежно пахнет тленом —
Неужели горше запах есть?..

* * *

С утра на лестнице —
 совсем не шахматный мат.
Звонит подруга
 о путешествии в Канны.
Светает поздно,
 потому что февраль — не март.
На кухню уже не заходят
 отчаявшиеся тараканы.

Живу — принцесса
 вполне престижных кровей —
В своей запущенной башне многоэтажной.
Видишь, кем стала та, что была твоей?
Видишь — оттуда?
 А впрочем, уже неважно.

И лишь вот в такие ночи,
 когда кругом — ни огня
И уж тем более
 ни огня где-то рядом,
Бывает, думаю:
 а как ты глядишь на меня —
Двадцатипятилетним
 иль все ж повзрослевшим
 взглядом?

Хотя за что бы тебе
 такой недобрый удел?
Уж, в крайнем случае,
 ты манну Господу мелешь.
Ведь я — «снова ягодка»,
 что ещё не предел.
А вдруг ты всё видишь,
 но разлюбить не умеешь?

Ответа вовеки мне,
 наверное, не узнать,
Разве что ангелы
 случайно проговорятся.
А значит, приходится холить
 нешибкую свою статью
И лунных ночей
 да безоблачных дней
 стесняться...

Александр ГЕРАСИМОВ

* * *

Смотришь на море и на закат.
Любишь... Тишь. Благодать.
Если война, и уйду, как солдат,
Будешь меня ждать?
Мне надо знать сейчас же, пока
Солнце не пало за гладь.
Чтобы мой сын не был сыном полка,
Чтобы утешить мать...

* * *

Она — его морфий, морфема,
 сладостная тюрьма,
Вечная теорема, но не Коши, не Ферма...
Носит французский запах,
 кофе со сливками пьёт...
Он рядом с ней — о трапах
 не помнящий самолёт.
А в голове — круженье, над головою — пар.
Верует в продолженье,
 как в крылья свои Икар.
Он может и без обязательств,
 он ждёт диалога тел,
Но женщина — вне предательств,
 а самолёт улетел...
И оба знают: случится,
 как писано на небеси:
Достаточно насладиться
 и больше не выйдут шасси.
Достаточно перьев и воска,
 молчания тет-а-тет,
Чтоб встала ждать труповозка
 падения героев в кювет.
И всё же, как по закону бутера,
 жанра и проч., —
Хлеб к маслу, масло к бекону..
 Двуслойно ложатся в ночь.
Так действует притяжение:
 вспорхнул — получи омлет!
Любовь — это перерождение рассудка
 в спасительный бред.

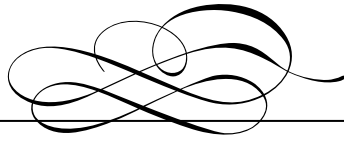
Сергей ГЛОВЮК

* * *

Районный уютный дворик
с ватагой шустрых ребят.
Держись, занудливый дворник,
они саранчой летят.
Ах, кепка,
ну как же крепко
сидела на голове.
А трёпка,
как брюкам штопка
удалой, лихой братве.
Да что там — рваная рана,
под глазом сизый фонарь —
награда для уркагана,
за прыть и отвагу медаль.
Но поезд,
казённый поезд,
в железный берёт оборот.
И не частушку, а повесть
ветер к делу пришьёт.
Зачем вы стучите, колёса
в такую сырую ночь?
И щебень летит с откоса,
и город уходит прочь.
А кепка,
ну как же крепко
сидела на голове!
А пули,
ну как же метко
ложились — четыре в две!
А дворик,
угрюмый дворик,
пустой уже столько лет...
И дворник,
зануда дворник,
гасит в подъездах свет.

* * *

Смотрю на жизнь сквозь старое окно,
Она проста: днем — свет, а в ночь — темно.
Окно выходит в тихий сонный двор,
Глядит на покосившийся забор.
Уже давно забор тот вековой,

Склонился над разрытой мостовой.
И тянет, тянет вниз его земля,
Как будто бы накинута петля.
Земля, земля и я к тебе клонюсь,
Когда молюсь или упасть боюсь,
Когда как блудный сын к тебе приду,
А значит, навзничь, долу упаду,
И ярая мятежница душа,
Когда лежать я буду чуть дыша,
Рванется из тончайших цепких пут.
А вырвется, и что? — На Страшный Суд!
Да, жизнь проста: то свет, а то — темно,
Как ветхое разбитое окно.

Да, ты уж стар. Она — юна.
В ней столько радости и света.
... Но вот последняя ль она
Иль может нет —
кто скажет это?

Александр ГОЛУБЕВ

Воронеж

Михаил ГОЛОВЕНЧИЦ

Санкт-Петербург

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Ах, это сердце старика —
Любовь гнездится в нем упорно.
И пусть трудна она, горька,
Все ж ей «все возрасты покорны».

Любовью полнится душа,
Лета последние тревожа.
А девушка так хороша,
К тому ж на столько лет моложе!

На много лет, на много лет
Захватит мир ее просторный.
И, как сказал о ней поэт,
Ее порывы благотворны.

Но, может быть, да, может быть,
Такой любви не надо боле —
К чему она нам — эта прыть
Где столько неизбывной боли?

Ведь молодость возьмет свое,
Другого приласкает нежно.
И ты придешь в свое жилье
Один. И это неизбежно.

ИВАН НИКИТИН

В груди моей шумит пожар.
Болезнь упорно силы точит.
Все ближе сумрак вечной ночи,
все ближе времени удар.

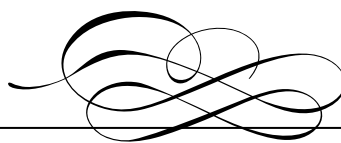
Я через день-другой помру.
Все люди в этом мире смертны.
Но я успел (и это верно)
Россию кликнуть к топору.

Он грянет, вольности черед!
Да будет слышно мне в могиле,
как в битве тяжкий крест осилит
и мной разбуженный народ.

...Шуршит на Кирочной листва,
и осень я прошу устало:
явись с улыбкой, как бывало,
и с ветром передай слова

далекой и желанной ей,
кому надеждой был обязан,
с кем не кольцом, но больше связан
до холода последних дней.

Прощай, любви закатный свет,
друзья, воронежцы, простите.
Ваш до конца Иван Никитин,
народной волею —
поэт.

Глеб ГОРБОВСКИЙ

Санкт-Петербург

ОСТРОВА

Кто где возник, на свет явился:
в горах, в столице, на селе...
А я на острове родился
и до сих пор — навеселе!

Я проживал на Сахалине
и на Курилах — в пляске дней,
но Васин остров и поныне
считаю родиной своей.

Я посетил Манхеттен рослый
и Мальту, франками шурша.
А человек... Он тоже остров,
покуда в нем живет душа.

ЖЕНОНЕНАВИСТНИК

Я не был в магазине больше года, —
не покупал и не обозревал.
Все это время мерзкая погода
свершала свой зловерный карнавал.

Скрипели кости, пучило сосуды,
ярились нервы, ширилась печаль.
Я поедал узорчики с посуды,
и тут меня кому-то стало жаль.

Под дверь мою входную на рассвете,
заботу проявив о старике,
не мину подложили, не предметик,
а женщину с кошелкою в руке.

Она меня кормила и поила,
ходила в магазин и на базар...
В той женщине жила благая сила,
а я-то думал: женщина — кошмар!

ПУТНИКИ

Продолжим путь... без транспарантов
и без фанфар — под музыку дождя.

Мы — путники, не демонстранты,
и, кроме Бога — нет у нас вождя.

Мы — путники. Движение — награда
за волю к жизни, это не медаль.
Ее на грудь вывешивать не надо:
она — в груди. Не золото, не сталь.

Мы — путники. Раздетые, босые...
Без фальши мы. В чем мама родила.
И мы дойдем, хватило бы усилий
в свой час — до очищения от зла.

НАДОЕЛО?

Надоело жить? Не верю.
Ты нюхни нашатыря
и открой наружу двери —
в утро, в небо, где заря.

Надоело хмурить брови?
Улыбнись! Нюхни цветок.
Для взбодренья духа, крови
сделай солнышка глоток.

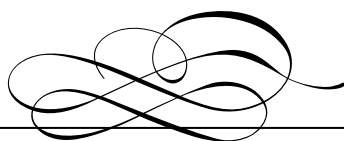
Надоело быть собою?
Стань на время не собой.
Тварью сделайся любою,
но живи! Господь с тобой.

НА ДИВАНЕ

Себя считал страдальцем
И — обожал покой.
Пошевели хоть пальцем,
а там — и всей ногой!

Любил диван Обломов
не потому, что стар,
не потому, что сломан
и погружен в кошмар:

он просто мыслил лежа,
не тормозил судьбу...
Жить на диване все же
уютней, чем в гробу.

Гарри ГОРДОН

* * *

А как подумаешь, что скоро помирать,
Не то, чтобы за правду, а взаправду,
Без всякой позы и без всякой пользы —
Чернила сохнут на конце пера.

И снова гром шарахается оземь,
Безумный кот махнул через ограду, —
Раз навсегда отлаженный порядок,
Условия игры, но не игра.

Какая, Боже, может быть игра.
Вначале слезы, а в конце нора,
Или нора вначале, после — слезы...
Чернила сохнут на конце пера.

* * *

*В****

Молчит усталая жена,
Течет разбитое корыто,
Тысячелетняя война
Между призванием и бытом.

Без поражений, без побед,
Братания да перебежки.
Так равно радуется обед,
И строчка, вспыхнувшая в спешке.

Но неизменно, всякий раз,
Едва вода заткнется в кране,
Едва забрезжит чай в стакане, —
Как будто кто-то рад за нас.

* * *

Хорошо кулаком по столу
Врезать так, чтоб попадали полки,
Чтоб, как чайки, взлетели осколки,
И жена побледнела в углу.

Все же лучше забиться под стол
И, подобно старинному греку,
Загорланить: «Ищу человека!»
И запеть: «В этом зале пустом...»

И услышать: «Вылазь, дуралей,
Неприличны комедии эти,
Смотрят дети, притихли соседи,
Не себя, так меня пожалей!»

Надежда ГОРЛОВА

* * *

Как дерева большого спил
В канве сермяжной берега.
Там пруд лежал и в небе плыл,
В себе вращаясь бережно.

Тихонько двигалась вода,
Она вздыхала всплесками,
И было видно иногда —
Она продета лесками.

Кунали дети с берегов
Изогнутые удочки,
А на земле лежал улов
Как маленькое блюдечко.

Пупки ныряли поплавок,
Таились в тине окуни.
И лишь лягушки из кустов
То акали, то окали.

ШЕХИНА

Я Шехину видел в Дахау, в рубище робы.
Ослабели руки Шехины, и ноги ее болели.
Номер был у нее — номер золота
высшей пробы.

Ложки наши о плошки
колокольчиками звенели,

Объявляя прибытьё ее в шуме,
подобно прибою —
Привозила она тележку с едою.
А однажды она упала в свою повозку,
и поднял ее херувим, но был он
желтее воска,
и не смог удержать, но другой удержал,
кому было под силу.
Положили ее на порог, а оттуда
на двор стащили,
со двора — в крематорий,
где огонь выгибался как львиное тело.
А из топки она полетела
на крышу, с крыши — на стену,
со стены — в город
Святой, из города — на Масличную гору,
С горы — в пустыню спустилась она
как смерч.

Огненным стала столпом
и звала меня в печь,
Облачным стала столпом
и звала меня в небо.
...Не пошел я за ней, где была она, —
не был.
Что скажу я Тебе?
Где Шехина Твоя отныне?
Я не сторож Твоей Шехине.

* * *

И. С.

Был вечер засвечен как фотопленка,
 И солнце чешуйки счищало в кусты,
 И белыми были ноги ребенка,
 Как рыбы выловленной животы.

И лески дождя зачастили в речку,
И солнце плавало тут и там,
Билось о мелкой волны насечку
И било рыбу по животам.

И, как похищенные невесты,
Завернутые в серебряные ковры,
Рыбы в поисках мокрого места
Вставали на головы и хвосты.

И под осколками дождевыми
Дети смотрели, как в блеске пут
Рыбы к реке уходят живыми —
О солнце режутся, но идут.

* * *

Отпусти меня в старый взъерошенный сад,
В тот, где дикие груши в лохмотьях стоят,
В тот, где ходит, колеблется зелень,
В тот, где воздух шмелями прострелен.

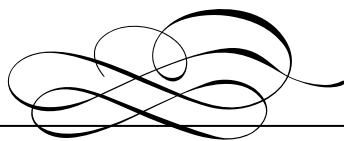
Каждый ветер зовет меня, манит туда,
Туда тянет иголку любая звезда.
Отпусти меня в сад для сугубой хвалы.
Там стволы как лучи и лучи как стволы.

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

Санкт-Петербург

ВАСИЛИЙ СУРИКОВ

Красноярск — сплошные сумерки,
Дня и ночи паутина.
Это всё художник Суриков
Перенёс в свои картины.
Холст с песчаниками бурами
Не украсит вернисажи.
У него глядятся хмурыми
Даже крымские пейзажи.
Почему, в палитру веруя,
В вековые дали канув,
Видит мир за сеткой серою
Сын сибирских атаманов?
Не сияющий, не розовый,
Как у шустрых итальянцев.
Хмурый Меншиков в Берёзове,
Стон над утренней столицей.
Площадь Красная до полночи
Кровью полнится и дымом.
Ах, не солнечно, не солнечно.

На сторонущке родимой.
Не пройти из грязи в князи нам.
Над водою спозаранку
Он сидит — Степаном Разиным,
Утопившим персиянку.
Думу думает тревожную
Над могучею рекою.
Ой, ты, Русь, — тоска острожная,
Горе горькое людское!

ДЕРЖАВИН

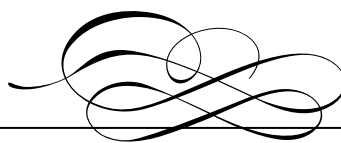
Г. М. Седовой

«Тебе, Жуковский, лиру отдаю», —
Писал Державин в горести, поскольку
Уже стоял над бездной гроба скользкой,
Намереваясь отдохнуть в раю.
Затворником живёт он, нелюдим,
В многоголосье струнном разуверясь.
Где царь один, там и поэт один,
Равновеликий, — остальное ересь.
Чьё солнце поднимается в зенит?
Кто овладеет лирою шершавой?
Отдать, пока она ещё звенит,
Пока ещё не слишком обветшала.
Не каждому доверится она,
Лишь избранным доступная доселе.
Туга неколебимая струна,
Как тетива на луке Одиссея.
Неумолим часов беззвучный бег.
За окнами позёмка воет люто.
Что обещает наступивший век? —
Братоубийство, заговоры, смута.
Да не наступит скорбный этот час,
Искореня русскую природу,
Покуда длится сладкозвучный глас,
Дорогу указующий народу!

ВОЛОШИН

В голодной России бушуют метели,
Все певчие птицы на юг улетели,
Почуяв беду.
Мне видится снова в пустом Коктебеле
Волошин, рисующий акварели
В тридцатом году.
К мольберту прижав непослушную руку,
Стараясь унять безысходную муку,
Грызая карандаш,
Смертельной тоске наступая на горло,
За сутками сутки он пишет упорно
Все тот же пейзаж.
Залив на пейзаже означенном оном,
И мыс, именуемый Хамелеоном,
Летящий во мглу.
Чтоб сердце измученное не болело,
На каждом пейзаже он дерево слева
Рисует в углу.
Над желтою бухтой и синей скалою,
Над юных костров неостывшей золою,
Где чаячий плач,
Над черным хребтом разоренного Крыма,
Присутствуя в каждом рисунке незримо,
Стоит Карагач.
Горит его листьев зеленое знамя.
Он в жесткую почву вцепился корнями,
На склоне скользя.
В земле нелюдимой, порою тревожной,
Срубить его можно, сломать его можно,
Но вырвать нельзя.
Лохматый старик, уходя в неизвестность,
Он станет со временем гением места
В той горькой стране,
Где я поутру, не вставая с постели,
Смотрю, как меняют цвета акварели
На нашей стене.

Владимир ГОФМАН

Нижний Новгород

БАБУШКИНЫ ПЕСНИ

Тонкий месяц скрыли тучи,
Снег всю ночь идёт.
«Ванька-ключник, злой разлучник», —
Бабушка поёт.

Русу косу расплетает,
Стелет мне постель.
За окошком тьма густая,
За окошком — степь.

Стынут уголья за дверцей,
Ветер стих в трубе.
— Помолись, родное сердце,
Добрых снов тебе!

От лампы хрупкий лучик
Освещает дом.
«Ванька-ключник, злой разлучник...»
Степь да степь кругом...

* * *

...Да сумеь бы простить.
 Да успеть бы покаяться.
Да свечу удержать бы в руке.
Ни оков, ни долгов —
 ничего не останется —
В путь-дорогу на свет вдалеке.

Жизнь на этой земле —
 поглядеть да зажмуриться.
У Христа за детей попросить.
Дочитать бы Псалтирь,
 у божницы ссутулиться.
И тихонько свечу погасить...

Наталья ГРАНЦЕВА

Санкт-Петербург

* * *

Как хорошо, что ты на свете есть,
Как этот день в июльской позолоте,
Как тайная божественная весть
В земных устах Лучано Паваротти.

Как хорошо, что реют, захмелев,
Над горней сферой ультрафиолета
Со скрипкой Рак и за органом Лев,
И Дева с чудным аспидом кларнета!

Как хорошо, что не перебороть
Насмешкой счастья, отрицаньем — дрожи,
И царствует нефритовая плоть,
И светится всевидящая кожа,

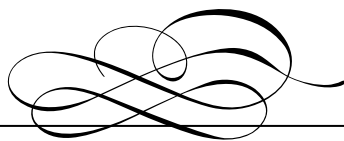
Как будто я — лишь глина иль пыльца,
Ни день, ни ночь, ни океан, ни суша...
Как будто я лежу в руке творца,
И он, творец, в меня вдыхает душу.

* * *

Как милостив ты, Господи, ко мне!
Как дар твой щедр! В сиянии янтарном
В раю твоём, в земной голубизне,
Я просыпаюсь снова благодарной, —

За счастье — улыбаться и дышать,
Растить цветы и нежиться под плодом,
Любимого мужчину обожать,
О пустяках болтать с ним за обедом,

К шелкам и хлопку тайно ревновать:
Зачем так льнут к груди его рубашки?
И если он не видит, целовать
Вкус губ его и рук его на чашке!

* * *

Верочке

Утро ярче штраусовской Вены —
С губ слетает имя Иоганн!
Праздник жизни, пир благословенный,
Счастья музыкальный ураган.

В никуда дорога ниоткуда,
Головокружение и дрожь,
И слепит, как явленное чудо,
Милый мир, в котором ты живешь.

Синева на переплетах окон,
Певчий тополь в лиственном дыму.
Как душа могла быть одинокой?
Боже милосердный, не пойму!

Слышен голос сердца и державы,
Хочется о детстве говорить.
А ребенок думает лукаво:
Что б еще такое натворить?

* * *

*Прощай, немытая Россия**М. Лермонтов*

Лобастый, тучный, неуклюжий,
всегда поддатый, как сапожник,
Бредет по яминам и лужам
страны немытой внедорожник.

Он лошадиных сил ордою таранит
путь непроходимый,
С медвежьей грацией крутою из бездн
встает непобедимо.

Он объявил войну дорогам,
он ищет хляби и ухабы,
Он для экстрима создан Богом,
влюбленным в скорость и масштабы.

Наедине с опасным миром,
он восхищал нас с малолетства.
Зачем нам, бедным пассажирам,
другое транспортное средство?

Взлетев, от ужаса трясемся,
упав, друг друга обнимаем,
Как будто с жизнью расстаемся
и слов простых не понимаем.

Мольбы с проклятиями напрасны,
держишь, на время уповая.
Пока земля шарообразна,
куда-то вывезет кривая.

Упрется в ночь, сольется с тьмою,
даст передышку, чтоб отмыться,
В забвенье рухнуть с головою,
и лишь во сне — перекреститься...

* * *

Караван привидений
воздушной дорогой бредет.
Возле падшей столицы
репейник голландский цветет.

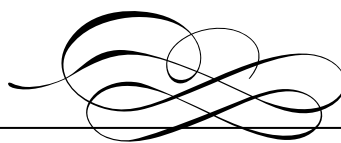
По каналам гранитным
чиновная рыщет плотва,
Гимназисты безумные бомбы
кладут в рукава.

Начиняют взрывчаткой
шинелишки и сюртуки,
Призывают Антихриста
воинства и языки,

Заклинают судьбу, чтоб рука
обагрилась с утра,
Но уже начинается нового века игра.

Между белых ночей ходит
гибели низменной царь,
Политический зверь,
безымянных гробниц государь,

Прародитель газет,
Эдисон виртуальных отрав,
Трехголовый Лойола,
земли чечевичный Исаа,

Генерал душегубов,
 немых кровопийц атаман,
 Он стальным истуканом скрывается
 в сизый туман,

 Он как жертвенный призрак
 хватает детей за ушко,
 Он кристалл цианида бросает
 в молитв молоко,

 И Учитель Небесный,
 надев золотые очки,
 Уравнение пустое стирает
 с зеленой доски...

Евгений ГРАЧЕВ

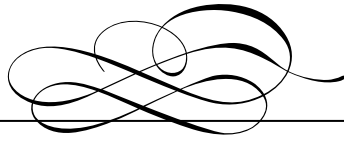
Саратов

КРАСНЫЕ ЦВЕТЫ

В комнате тесно
 красным цветам,
 Души, как ангелы,
 самое главное.
 Радио.
 Штоколов.
 Помнишь, как там,
 Словно в романсе
 «Утро туманное».
 Помнишь наш «терем»-
 полуподвал,
 Барса дворового,
 пса окаянного?
 Город по праздникам
 искры метал,
 Брызги салюта
 в небо стеклянное.
 О, непонятная,
 прежняя жизнь,
 Встречи с друзьями,
 шумные, разные,

Что натворили —
 пойди, разберись.
 Помнишь цветы?
 И цветы были красные...
 Ты говорила,
 что нам не пропасть,
 Хмурое солнышко
 ярче, чем золото,
 Может быть, нежность,
 может быть, страсть
 Нас выводила
 из мрака какого-то.
 По лабиринтам,
 где глупость и лесть,
 Мы пробирались,
 вставали и падали.
 Счастье наивное,
 есть оно, есть,
 Но... мы меняем,
 а надо, не надо ли?
 Что-то вернётся,
 а что-то уйдёт,
 Что-то исчезнет
 в кругах мироздания...
 Истина жизни —
 вот она, вот!
 Но мы меняем
 её на желания.
 В комнате тесно
 красным цветам,
 Души наполнены,
 самое главное.
 Радио.
 Штоколов.
 Помнишь, как там,
 Словно в романсе
 «Утро туманное»...

ЗВЕЗДА МАРИИ

Каждая травинка что-то значит,
Луговые жёлтые цветы.
Я грущу — со мною небо плачет,
Или это, мама, плачешь ты?

Чёрной шалью зеркало покрыто,
Буду думать, грустно вспоминать,
Ошибался — ты была сердита,
Каялся — и ты могла понять.

Видю, как горит над рощей голой
Звёздочка, любимая, одна.
Я смеялся — ты была весёлой,
Я болел — и ты была больна.

Мамы нет, не будет в этом мире,
Мамин спрячу маленький портрет,
Остывают слёзы в Изнаире,
У колодца, в доме мамы нет.

Мамы нет — и я как будто лишний.
Для чего-то всякий раз иду
В сад осенний — постоять у вишни,
Чтоб увидеть небо и звезду...

Дмитрий ДАРИН**ВАНЬКА СКОЛИН**

Собрались у колокольни
Бабы, дети, мужики
Посмотреть, как Ванька Сколин
Долетает до реки.

Он вчера кабацкой голи
Хвастал, может быть, хмельной,
Дескать, прыгну с колокольни
С парой крыльев за спиной.

— Человек — червяк, не птица, —
Все смеялись в кабаке.
— Не забудь опохмелиться,
Чтоб леталось налегке.

— Берестой закрыл я щели,
Вот — смотрите на чертеж.
— Вань, да ты в своем уме ли?
Ты ж костей не соберешь.

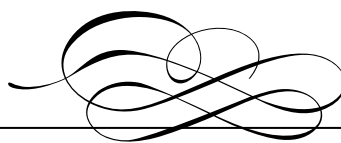
Высока ведь колокольня,
Выше только небеса,
Падать с неба — жуть, как больно, —
Раздавались голоса.

Ванька гнул свое упрямо,
До реки, мол, долечу,
И за то поставил в храме
Я огромную свечу.

Прыгнул Ваня, помолившись,
И крещеный люд застыл...
Берестой своей накрывшись,
Он лежал под парой крыл.

Откачали еле-еле,
Лекарь сделал все, что мог.
В кабаке его жалели —
Подносили, раз без ног.

Так и жил себе калекой,
Не жалея ни о чем —
Лучше падать человеком,
Чем проползать червяком.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

* * *

Я последний романтик ушедшего века.
Потому и живу по законам любви.
И душа моя, как одинокая ветка,
Что теряет последние листья свои.

Я упрямый романтик ушедшего века.
Верил я, что для счастья воспрянет земля.
Но от веры осталась лишь горькая метка,
Как от взрыва воронка, — в душе у меня.

Смотрят предки вослед, удивлённо и строго.
Нашу жизнь не понять им в далёкой дали...
Разбредились земляки по неожиданным
дорогам.

И дороги опять мимо Храма прошли.

Обманулась душа, разуверилось сердце
От ушедших надежд, от нахлынувшей
тьмы...

Я пытаюсь в минувшие годы всмотреться,
Где ещё оставались наивными мы.

Я последний романтик ушедшего века...
И таким я останусь уже навсегда.
Пролегла через судьбы незримая вежа
Нашей веры, надежды, потерь и стыда.

* * *

Во мне есть капля итальянской крови.
Прапрадед поделился ей со мной.
Её хватило, чтобы выгнуть брови
И волосы взбить тёмною волной.

Всё остальное я набрал в России:
И прямоту, острее, чем тесак,
И опыт жизни, чтоб не быть разиней,
И мудрость лет, чтоб не попасть впросак.

А главное, что мне дала Россия, —
Так это милосердие своё.
О чём меня бы люди ни просили, —
В ответах я равняюсь на неё.

Так и живу — ни шагу без России.
И по другому не дано мне жить.
И потому всегда хватает силы,
Как Цезарю — прийти и победить.

* * *

Леониду Рошалю

Твоё призвание — лечить...
О детской жизни беспокоясь.
Навек одна связала нить
И доброту, и долг, и совесть...

Твоё призванье — рядом быть,
Когда уже держаться нечем.
И ты живёшь и будешь жить
Там, где поступки тоже лечат.

Всё было в жизни: боль и страх,
Надежда и опасность смерти....
Ты помнишь тот норд-остский мрак,
Когда лекарством стало сердце,

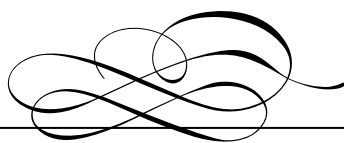
И риск, и мужество твоё,
Что от судьбы неотделимы...
Но беды, словно вороньё,
Кружат над буднями твоими.

Зато как ты бываешь рад,
Когда вдруг солнце в окна брызнет,
И встретит благодарный взгляд
Ребёнка, что вернул ты к жизни.

Спасибо, доктор, за урок
Добра... Но только все мы против,
Чтоб ты годам подвёл итог.
Ведь жизнь твоя ещё в полёте...

* * *

Я — не старик.
Я — антиквариат.
Так иногда мне внуки говорят.
Метафора достойная вполне.
Ведь антика всегда была в цене.

* * *

Пивоварский переулок – переулок пива.
В переулке этом пили самогон
Собственной готовки, своего разлива,
Пили потому, что был доступен он.

Переулку вскоре поменяли имя.
Вроде бы престиж повысили ему...
Но всё так же тускло окнами своими
Уходил он на ночь в голубую тьму.

Пивоварский переулок — переулок детства.
Жив ещё был дед мой... И отец со мной.
41-й не оставил в нём живого места.
Все четыре года он болел войной.

Жизнь переменилась с той поры далёкой.
И теперь старинный переулок наш
Придет бетоном, полон светлых окон.
Позабыв, наверно, про былой кураж.

Рядом с отчим домом —
Встал отель просторный.
Я смотрю с балкона в прошлые года,
Слышу сердцем детство, что трубило в горны,
Вижу тех мальчишек, с кем дружил тогда.

Пивоварский переулок — и печаль, и память.
Вроде он на месте... Только нет его.
Но я знаю точно — всё, что было с нами,
Да и всё, что будет — началось с него.

СТРОЙПЛОЩАДКА

Саврасовские дворики
Москва свела на нет.
И потерял наш город
Российский силуэт.
Теперь мы то ль Европа,
То ль слепок США.
В бетоны замурована
Московская душа.

Все эти горе-зодчие
Штампуют корпуса,
Где цены, как и здания,
Упёрлись в небеса.

Ах, мнимая престижность!
Она нам на черта,
Когда перевели её
На личные счета.

И рушат нашу память,
Срывают имена,
Чтобы Москва забыла,
С чего пошла она...
С какой великой славы,
С каких земных красот...
И почему отныне,
Ей в зодчих не везёт.

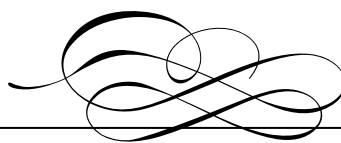
Зато везёт ей в пробках,
Каких не видел свет...
Куда бы ты ни ехал, —
Успеть надежды нет.
Лишь Юрий Долгорукий
Доволен, что ему
Не надо торопиться
К престижу своему.

ПРИМЕТА

В осенний, тёмный, непогожий день
Я возле дома посадил сирень.
Дождь моросил...
Куст на ветру дрожал,
Но он не гнулся:
Он фасон держал.

Пришла весна...
Я ждал — куст зацветёт.
Но ждать пришлось
Ещё мне целый год...
И вот однажды в мае поутру,
Проснулся куст в сиреневом цвету.
Светились листья, полыхал огонь.
Пять лепестков упали мне в ладонь.
«На счастье...», —
Ты сказала мне всерьёз.
И я почти весь куст домой унёс.

Наивно веря в мистику примет,
Ты нежно тормошила мой букет.
Когда же пять лучей сверкнули в нём,
Я точно знал — мы славно заживём.

Ольга ДОБРИЦЫНА

* * *

Позади печаль и спешка,
и уже — не всё равно...
Привокзальная кафешка,
золотистое вино.

Он себя заводит «белой»,
под кофейный аромат.
И мозаикою спелой
в вазе ягоды горят.

Сигаретного узора
дым летуч и ядовит.
У него лицо актёра,
у неё смущённый вид.

На серебряном браслете —
свет зелёный, что в глазах.
В электричке, как в карете,
увезёт на риск и страх

скромную авантюристку,
беженку на Химки-стрит.
Флирт смакуя, как ириску,
он такое говорит,

что краснеют занавески,
расплетается коса,
и алмазные подвески
зажигают небеса...

* * *

Кунсткамера. Паноптикум. Театр
анатомичен, дик и эксцентричен.
А вот и самый главный экспонат:
хорош, прекрасен, только неприличен.

Стеллаж. Витрина. Общий эпатаж.
Народ так эмпатично-апатичен.
И зритель, превращаясь в антураж,
порой до неприличия обычен.

Александр ДОЛЯ

Московская обл., г. Руза

МОЯ РОССИЯ

Иду по полю
Встречать зарю.
От светлой дали
Душой горю.
Ветра крылами
Бьют по лицу.
Я благодарен
За жизнь — Творцу.

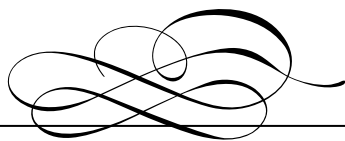
Моя Россия, земля славян.
Бездонной синью твоею пьян.
Моя Россия, земля любви...
Гармонь, деревня и соловьи!

Над речкой тихо
Поют леса.
Бывало лихо.
Текла слеза.
Но шли мужчины
В бинтах, в крови
Землёй былинной
Весь мир спасти.

Моя Россия, земля славян.
Бездонной синью твоею пьян.
Моя Россия, земля любви...
Гармонь, деревня и соловьи!

Иду по полю
Встречать зарю,
Я за Россию
Душой горю.
И бор, и рощи,
И сады,
И предков мощи —
Всё это ты!

Моя Россия, земля славян.
Бездонной синью твоею пьян.
Моя Россия, земля любви...
Гармонь, деревня и соловьи!

Валерий ДУДАРЕВ

МОСКОВСКИЕ ЭТЮДЫ

* * *

Утром дворник долбил по наледи
Беззащитные тротуары!
Я не смел показаться на люди!
Вы не люди! Вы — ягуары!

Урезоньте рычащий потрох!
Я сбегу бичевать под Тынду!
Я — московский смиренный отрок!
Вам не стыдно? А мне вот стыдно!

Я вчера в пивняке, как в клетке,
Где порыгивал гад на гаде,
Под селедку, под сигаретку
Думал, сволочь, на Машку глядя, —
Светка это или не Светка?

* * *

Когда засадят в печень нож —
Зажмурюсь и умру!
Мои слова, мой жалкий грош
Пришлись не ко двору!

Запомню: грязный, мокрый зал
В прокуренном чипке,
Литые, пьяные глаза
И нож в стальной руке!

Слова не те?
Иль жизнь не та?
Да разве разберешь!
И на могиле нет креста —
Опять кровавый нож!

* * *

Люби мороз!
От Вены до Игарки
Он пробирал до мозга!
До корней!
В ночной тиши московской кочегарки
Горел огонь.

Чем дольше — тем ясней!
Чтоб вам спалось теплее и светлее,
Студент Матвей лопатил уголек.
И бормотал, наследник Галилея:
«Дела — о-кей, зачеты — нормалек».
В девичьих снах проветрено и чисто,
Пока на вахте лучший из парней!
Зубри латынь, потомок декабриста!
Твой огонек

чем дальше, тем ясней!

* * *

Там, где царствует вечный запой!
Там, где тешат вождей голодранцы!
Из оков ритуального танца
Я сбежал одинокой тропой.
И не ведая, север ли, юг,
Я спешил и грешил понемногу.
Как бокал недопитого грогу,
Та тропа опрокинулась вдруг!
И, терзая запавшую грудь
В леденящих объятьях оврага,
Мне поведал старик-бедолага,
Как тропа превращается в путь!

* * *

Если б было можно прошлое вернуть —
Я бы,
видит Бог,
не поленился:
Сбросил бы лет десять,
да собрался в путь.
И под первой елкой удавился!

* * *

Как будто в море флибустьерском!
Не вопреки, а больше по!
Я водку пил на Камергерском
И встретить смел Эдгара По.

Потом в кабаk прошел Есенин.
И Бродский, кажется, прошел.
За Бродским, узанный не всеми,
Брел Метерлинк, шепча про пчел.

И так всегда на Камергерском —
Едва останешься один —
В молчанье солнечном и дерзком
Блеснет вечерний апельсин!

Евгений ЕВТУШЕНКО

**Из новой книги стихов
«ЧЕЛОВЕК, ПОХОЖИЙ НА ЕВТУШЕНКО»**

* * *

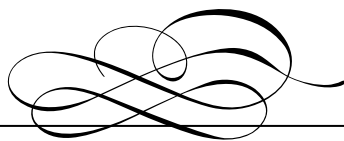
Я еще не налюбился,
Я всех женщин не добился,
но в осколки не разбился, —
склейка поздняя смешна.
Перелюбленность опасна.
Недолюбленность прекрасна.
А залюбленность страшна.

ТОПИЛОВКА

Жизнь то мрачная,
 то пылкая
у меня,
 ребя,
 была,
а еще меня топиловка
чуть на дно не увела.

Я —
была така пора —
плавал в стиле топора.
И на станции Зима
раз шпана меня за шкурку взяла
и швырнула прямо в глинистую ямку,
так что в полный голос
вспомнил мою мамку.
Ямка —
было только прозвище.
Глубока!
Я не подросток еще.
Я барахтался в объятиях беды,
и бультело горло, полное воды,
и такая многомордая беда,
нажимала на затылок
и на склад пустых бутылок
вниз пихала,
чтобы я отведал дна.
Ох, как помню на зубах налипший ил —
он со ржавыми гвоздями смешан был.
А потом тянули за волосы вверх
и пинали,
чтобы помощь не отверг,
а затем опять пихали
в жидкий гроб,
но следили,
чтобы я полуутоп.
Стал я,
с голоду синюшный и тонющий,
их любимейшей игрушкой —
тонушкой.
Что за сласть мальчика толкнуть,
чтобы начал он тонуть,
а потом спасти,
чтобы мог расти
с благодарностью
не бездарностью!
Когда им завидеть страх
удалось в мальце —
удовольствием!
Ты тони, тони,
тонушечка, —
людям будет развлекашечка!

Я задумал месть —
уж такой я есть,
не коварную —
благодарную!

Я не впал в тоску —
на реку Оку
под кукареку
рано утречком
я сам-друг пошел
да и плюхнулся, гол,
в гости к уточкам.
Сам себе высший балл
Ставлю —
я выгребал
пусть на мелком,
но против течения.
А потом уже понял, что не сверну,
и ладони ребром, как ножи, быстрину
рассекали...

Так шло обучение!

Я неделю возился с ногами на дне —
только руки одне помогали мне,
А потом я поджал мои ноги —
и они стали плавать, как боги.
И когда меня снова пихнула шпана
головой вниз, чтоб отведал я дна,
я их сам швыранул в гости к илу,
чтобы после выкашливали его,
в том, что стало со мной, не поняв ничего
и заискивая через силу.

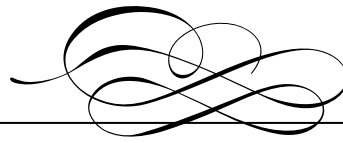
И с тех пор никакой мне не страшен ловец
я собою самим сотворенный пловец,
а случится Большая Топиловка,
то душа и среди толпы ловка,
и душа моя стала не душечкой,
а безвозрастной нетонушкой!

НЕДОГРЕХ

Мне сказала одна бабушка,
девяноста с лишним лет:
«В тебе столько бесшабашного,
твоему носу
сносу нет.
Хорошо, что им шмурыгаешь
в направлении женщин всех,
и ноздрями ишо двигаешь,
чутко ищешь недогрех.
Я, сыночек, умираючи

так скажу,
хоть это срам,
по грехам тоскую ранешним,
больше —
по недогрехам.
И такую думку думаю
о когдатошних теньях,
что была кромешной душой,
столько в жизни потеряв...»
Знаешь, бабка,
здесь у Качуга,
завораживая всех,
ходит,
бёдрами покачивая,
мой последний недогрех.
Между красными лампасами
заиркутских казаков
носит запахи опасные,
позаманней кизяков.
И мой грех неизвинительный,
что, краснея, как юнец,
я с чего-то стал стеснительный —
всё же лучше, чем наглец.
Настроенье самолётненькое
Так, что кружится башка,
и желанья-то молоденькие,
да и ум —
не дедушка.
Ты соблазном не укачивай!
Я,
влюбляясь впопыхах,
во грехах моих удачливый,
но лопух в недогрехах.
И во снах,
другим невидные,
меня мучат не стихи, —
к сожалению, невинные
все мои недогрехи...

Анастасия ЕРМАКОВА

* * *

День, как бисером, счастьем расшит.
 Как такое бывает нечасто...
 Все во мне принимает участие:
 Лес и небо. Не чаёт души
 Даже бабочка поздняя эта,
 Вдруг настигнутая октябрем,
 Улетевшая в новое лето
 За желтеющий оком.
 Что мне делать с внезапным богатством
 Тишины, подступившей, как боль?
 Со светящимся радостным братством
 Легких листьев, летящих гурьбой?
 Я не знаю. Но станет дороже,
 Все, что день мне в тиши нашептал,
 В тот момент, когда будет он прожит,
 День, влюбленный в меня наповал.

* * *

Мне тридцать три.
 Как прежде, жизнь течет.
 Дочь подрастает, лето утекает,
 И я хожу счастливая такая,
 А огорченья мелкие не в счет.
 Я помнить не хочу о тусклом дне,
 Когда, себя в траве не обнаружив,
 Жуком сидела в баночке на дне,
 Уже не в силах выбраться наружу.
 Но — выбралась. И что теперь о том?
 Смотрю на дочь. Смотрю на облака.
 Пью день, как долгий сахарный глоток,
 И ничего, что он горчит слегка.

Ирина ЕРМАКОВА

* * *

Как я жила до сих пор, ничего не зная,
 вечно за целый свет принимая части,
 вот она катит, молния шаровая —
 медленная, живая, как просто счастье.

Это не я, это тело, всего лишь тело,
 бывших, расплавленных красно,
 лиц на фоне,
 как раскалился мир — пока я летела,
 чтоб, наконец, очнуться в твоей ладони.

Сходы лавин, бурлящие рек извивы,
 дым над горящим лесом, четыре моря,
 как мы легко смешливы, как мы болтливы,
 солнце мое, словно нет на земле горя.

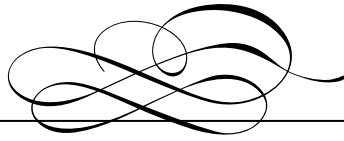
Речь на мефодице ревностно
 в ребра бьется,
 память фонит, пульсар обрывает сердце,
 как это будет, ну, например, по-сербски,
 солнце мое? — так и будет, мое солнце.

Огненный воздух дрожит и уже на спуске,
 в этот врезаюсь свет, различая блики,
 слышу, как ты окликаешь меня по-русски,
 сбив ударения, перемешав языки.

* * *

Жизнь не движется
 стоит себе в одной точке
 переминается с ноги на ногу чешет репу
 а кругом господитвоаволю
 птички-листочки
 так и чиркают-чирикают по зеленому небу

А она ежится озирается словно
 первый раз живет на свете и впрямь
 сробела
 как сиделец кровный
 выпущенный условно
 в этот день белый из смерти осточертелой

За спиной вечная вечность и все что было
впереди вечная вечность и все что будет
сквозь нее время со временной своей силой
а внутри нее море-море и люди-люди

Люди хорошие! хорошие люди? переживая
эту жизнь как ужас или привычку к чуду
или как всегда как лучшую здесь минуту
это я в зеленом небе стою живая
и машу — беги!
и я тебя!
не забуду!

Олег ЕФИМОВ

* * *

На свете счастья нет,
но есть покой и воля

А. С. Пушкин

Когда в душе наступит тишина,
Покой и воля обретут согласие,
Былых страстей окончится война,
Тогда тоска рассеется, по счастью...

Неизъяснимой ясности полна,
Тогда Она вдруг явится — и разом,
Как яркий свет — души, коснувшись дна,
Наполнит сердце и излечит разум.

Тогда держись, тогда твой пробил час,
Единожды открыты настешь двери...
За ними Вечность — помолись за нас,
Ущербных, падших, не умевших верить.

MAME

Ты живешь далеко,
По душе, по судьбе
Нам с тобой нелегко...
Я нуждаюсь в тебе.

И ты знаешь, что боль
По душе, по судьбе
Мы разделим с тобой.
Я грущу по тебе!

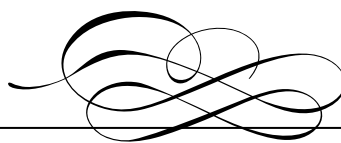
И чем больше живу
По душе, по судьбе,
Тем сильней и сильней
Я грущу по тебе...

Мама! Знай, навсегда
По душе, по судьбе...
Я привязан,
Припаян,
Прикован к тебе.

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

НЕОРЕАЛИЗМ*

На площади Испании
мне не хватало девушек,
не стершихся из памяти,
нас женственнее сделавших...
Мы были угловатыми
подростками зажатými.
Накаченные мужеством,
на страсть взирали с ужасом.
Брак строгой меркой мерили,
ни силе чувств не верили,
ни заграничным фокусам
и жили, как по прописям...

А итальянки юные
по-женски были умные.
Горячие и грешные,
с любимым были нежными,
с постылым были гневными,
решительными девами.
Двужилые и стройные,
свой дом надолго строили...
Откуда брали линии
и густоту ресничную?
У кипариса, пинии,
у вьющейся глицинии,
красотки заграничные.
Нарядны и без денежек,
прелестны и в страдании.
Не знаю лучше девушек,
чем с площади Испании...
Теперь они все бабушки,
а может, и прабабушки.
Не стали белоручками,
а заняты правнучками.
Сидят — играют в ладушки,
стоят — пекут оладушки.
А для меня, ровесницы,
они — свободы вестницы.

* К/ф «Девушки с площади Испании».
Италия. 1952

Александр ЖУКОВ

Пусть дуракам везет,
но если так,
выходит, невезение — не зло,
поскольку я, выходит, не дурак.
И в этом мне хотя бы повезло!

Труд делал нас.
Упорно, век за веком
он изменял людей.
Но вот что странно:
труд обезьяну сделал
человеком,
а человека превратил в барана.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Я победил себя. Но, боже мой,
В каком я оказался положении! —
Я победил себя
в борьбе с собой.
Победа это? Или поражение?

Александр ЗАЙЦЕВ

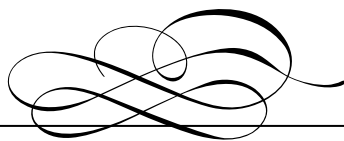
Санкт-Петербург

ФОТОГРАФИЯ

Рвутся почки на яблонях смело.
Звонко птицы поют у крыльца.
На стене ослепительно белой
Фотография гаснет отца.

У него, дорогого и доброго,
Все тусклее отзывчивый взгляд,
Словно он после отпуска долгого
В сорок первый уходит назад.

Гимнастерка с фуражкой заношены,
И в глазах его замер вопрос...
И уже не видать ничегошеньки,
Ничего, кроме маминых слез.

ЩЕНОК

Без всякого надзора,
На свете одинок,
В полыни у забора
Ничейный жил щенок.

Он брал гостинец робко,
Он мог ходить винтом
И, взвизгивая громко,
Смешно крутил хвостом.

Его не звали в гости.
Весь черный и худой,
Он не кусался вовсе
И был совсем не злой.

Во сне лишь бегал сытым...
И было невдомек:
К недобрым и сердитым
Зачем-то лънул щенок.

В любом искал он друга,
Но, дружбе вопреки,
В щенка летела ругань,
А иногда — пинки.

И, в тень уйдя от шума,
Не видя никого,
Лежал и долго думал:
Все это — отчего?!!

Максим ЗАМШЕВ

* * *

Может, Потёмкин, а, может, Орлов, —
Жизнь в ожидании вздоха.
Это эпоха заморских послов,
Странная, право, эпоха.

Славное ложе в огне не горит..
Прав был Вольтер многомудрый,
Кто там изменник, а кто фаворит?
Утром откроется, утром.

Пушкина нет. Лишь державинский стих.
В ночь на Ивана Купалу
В Гатчине вылез из спален больших
Ужас наследника Павла.

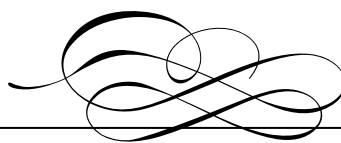
Матери нет. Отыгаться на ком?
— Вы ни о чём не просили.
Ужас немецким болтал языком,
Слюни текли по России.

Не оттого ли в Михайловском, в ночь,
Проклято царское слово.
И Александру уже не помочь,
Кровь непреклонна отцова.

Будет вам солнце и будет вам тьма, —
Всё императора воля,
Будут французы, и будет зима,
И Бородинское поле.

Дальше всё то же, молва да война,
Слёзы да песни простые.
Дальше всё тоже, большая страна
И купола золотые.

В храмах стоим, о спасенье моля,
Смерть принимаем без гнева.
А на могилах родная земля,
Самая близкая к небу.

* * *

С утра сбежали краски с полотна,
И голуби не вынесли разлуки.
Когда-нибудь ты скажешь, что весна
Была всего лишь поводом для скуки.
Как хорошо, что наших пальцев власть
Рассыпалась, не завершив касанья.
Как, говоришь, та улица звалась?
И есть ли у любви ещё название?
Упрямый разбегается курсив,
Когда уже не вымолвить ни слова.
На острых шпильях небо голосит
От боли и от призраков былого.
И даже не придумает письма,
Пустой конверт зажат в ладони тёплой.
Когда-нибудь ты скажешь, что зима
Оставит нам дыхание на стёклах.
В плену твоих невысказанных фраз
Я понимаю пристально и верно:
Пусть осень продолжается без нас
И пьёт глинтвейн в прокуренных тавернах.
На полотне — лишь очертанья тел,
И голуби плывут в одеждах сизых.
И с улицы твой запах улетел...
А, может, я постичь его не в силах...

* * *

Плетутся усталые лошади,
Брусчатке от них тяжело.
А ты пробегаешь по площади
И ловишь в трамваях тепло.

Печаль вулканической лавою
Лежит на перилах моста.
А лебеди? Лебеди плавают.
Простая забава — чиста.

Река не запомнила холода,
На острове крутят кино.
Всё было так зелено, молодо,
И даже немного смешно.

Финалом вселенской мистерии
Ленивая брезжит заря,
И я из столицы империи
Пишу эти строки зазря.

Петух раскричится воинственный,
В одежду вонзится репей.
И ты будешь чьей-то единственной,
Всегда оставаясь моей.

По полочкам мысли разложены,
Старинная стонет печать.
А лошади? Старые лошади
Умеют, как люди, кричать.

И площадь следами, как танцами,
Наполнит прощальный азарт.
Трамвай отбывает от станции...
Никто не приедет назад...

Ирина ЗНАМЕНСКАЯ

Санкт-Петербург

НОЧНОЙ ШТОРМ В ТРЕХ ЧАСТЯХ

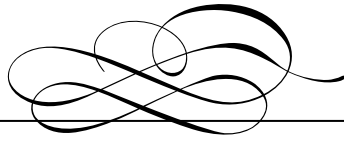
1.

В маленьком саду — штормит:
Ветр гудит в его стакане,
Лупит грушу кулаками,
В кронах волнами шумит,

Мнет Дионисову кисть,
Косит заросли мелисы...
Мудрый хвост садовой крысы
Задран: — Тонем! Берегись!

Нет спасенья от судеб
Ни на дне, ни в чайной ложке...
Прижимаюсь к черной кошке,
Разрезаю черный хлеб.

На земле татар и греков,
Генуэзцев и хохлов
Шквал по крышам человеков
Прогремел поверх голов:

Он нам всем укажет место,
Всех в ночи заставит бдеть:
Нет таковского насеста,
Чтобы Рок пересидеть!

Он хозяин в Верхнем Море! —
Мы — гостим в его квартире,
Нас несет его стезя
В небо, где зевать нельзя!

Кто ты — родич или кровник?
Или омут на пути?
...Не цепляйся, мой шиповник,
Молча рядышком лети...

2.

Полнолуние не удалось:
Облака,
 облака,
 облака...
Наползло, пролилось, не сбылось —
Свет поплыл, соскользнула рука.

Не случилось того и сего.
Не закручен, размазан сюжет.
Дом тревожный, а в нем — никого,
Даже ворона во поле нет.

Но приходит во сне паспортист,
Командор, Петрогаз, Петросвет,
С криком ужаса падает лист:
Даже ворона во поле нет!

— Чем тебе этот ветер не гож,
Этот яблочный стук не хорош?
Ты, как в ножны забившийся нож!
— Ну и что ж,
 ну и что ж,
 ну и что ж...

3.

Журчит кузнечик: так храпят в раю.
Недвижен месяц, исхудавший с краю.
Ни пса не видно. (Баюшки-баю!)
И я на ощупь слово подбираю.

Все яблоки упали в эту ночь,
Все отлетались — сразу и навечно.
И всякий лист, что с шумом рвался прочь,
На воздушных лег вяло и беспечно.

Плывут к востоку Млечною рекой
Регалии ночных небесных гвардий...
Поет свой пруд, свой август, свой покой
Какой-то лягушачий Леопарди.

Простила оплеухи и тычки,
Свои густые капли свесив, слива...
И даже сердца рваные клочки
Срастаются до нового разрыва.

Анна ЗОЛОТАРЕВА

* * *

бедной мелочью звеня
жизнь моя живет меня

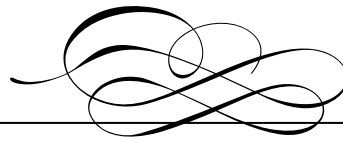
безразлична ко всему
только к телу моему

скоро уж завянет плод
а она живет жует

равнодушна ко всему
только к делу своему

* * *

движутся сквозь меня
жестким цепляя дном
тяжкие города
время мое темно
месиво толкотня
молотая слюда

боже какая ширь
рост отрицая и вес
пустошей народив
все поглощает весь
переплавляя мир
в мертвенный нарратив

лица машины зной
камень и гул дома
город базар вокзал
можно сойти с ума
все перечислив но
ничего не сказав

приподними сплоти
дай посмотреть извне
как города поют
ломким хором а мне
новый даруй мотив
и глубину твою

Геннадий ИВАНОВ

ВОСХИЩЕНИЕ

*Я прощаю вас, люди!..
Простите меня.
Если путь у вас труден,
Отдам вам коня.*

Магомед Ахмедов

Прослышал я, что друг мой Магомед
Людей спасает от забот и бед.
И если у кого-то путь тяжёл,
Отдаст коня, чтобы пешком не шёл.

Какой ты добрый, щедрый, Магомед!
Я б так не смог. Коня к тому же нет.
А у тебя ведь тоже нет коня...
Но ты щедрее всё-таки меня.

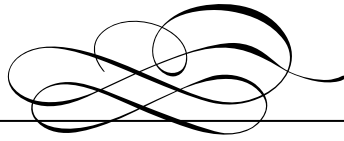
АМО САГИЯН

«Первая строка приходит от Бога.
А дальше твоя задача —
Написать другие на этом уровне», —
Так говорил мне Амо Сагиян,
Прекрасный, мудрый армянский поэт,
Когда я был у него в гостях
Много-много лет назад
В солнечном весеннем Ереване.
Мы угощались чем-то деревенским
И говорили о поэзии и поэтах,
О жизни и вечности...

Странное дело:
Я до этого всего-то прочитал
5-6 стихотворений Амо Сагияна,
Но в разговоре с ним у меня
было ощущение,
Что я говорю с подлинным классиком,
Которого мы все изучали в школе,
И мне представилась возможность
Увидеть этого классика,
Поговорить с ним.

Потом я искал
Каждое новое стихотворение Сагияна;
Долго, многие годы
Мне было радостно думать,
Что на белом свете живёт и творит
Такой поэт! Что его стихи
Так естественно утверждают в мире
Поэзию, красоту, мудрость и саму жизнь...
Я думаю, что своим талантом
Он многим помог...

А недавно я получил подтверждение этому.
Во время тяжёлой болезни
Кайсын Кулиев писал:
«Пока Амо Сагиян смотрит,
Как ложатся семена во влажную землю,
Пока он видит,
Как пронзительна синева неба
над Арменией,
Пока он пытается понять язык камня,
Дерева, тропы, дождя, снега,
Пока он сидит под абрикосом,
Разгадывая чудо цветения,
и слагает стихи —

**Мне легче жить в этом трудном мире
Наперекор обступающим меня
 тяготам и болезням.
И то, что Амо Сагян живёт на свете —
Одно это даёт мне силы жить».**

Истинные поэты помогают людям.

* * *

Любовь, любовь...Улыбкою сверкнула
И в честь свою зажгла она звезду...
Зато потом корёжила и гнула
И заставляла жить порой в аду.

Теперь бы предложили мне, не скрою,
На выбор: вот любовь, а вот покой —
Я, безусловно, выбрал бы второе...
И мучился бы только над строкой.

Елена ИВАНОВА-
ВЕРХОВСКАЯ

О НЕПОЕЗДКЕ ВО ВЛАДИВОСТОК

Пора считать несбывшиеся рейсы,
 Меняться поздно. И тоскливо, и темно.
 Дороги вдруг расходятся как рельсы,
 И им, дорогам, это все равно.
 Прощай Владивосток.

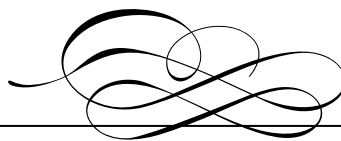
Сегодня край ты дважды —
Во мне и у Земли. И обломав порог,
Не видеть мне китайско-русских граждан
И в океане не мочить сапог.
А что взревел Аэрофлот турбиной, —
Так и не счесть пробоин в облаках.
Я здесь свои замажу вязкой глиной
И понесу сосуд некрашенный в руках,
Где на краю двора, как раковина створки,

Сомкнет земля летучей кромки клеть,
И голубь, что с утра долбит сухие корки,
Похож на чайку, если сверху посмотреть.

ПОДРУГИ

Я знаю, что и ты, и ты,
Та, с кем сошлись мои печали,
Изменишь прежние черты,
Такие близкие вначале.
И беспощадная латынь
Перетолковывает фразу:
«Проходит все...», уйдешь и ты,
Хотя, наверное, не сразу.
Ну а пока дружи, держи
Не нами созданную близость,
Мы обе знаем — это жизнь,
Ее приметы и капризы.
Пока и повода искать,
Чтоб пересечься в центре зала,
Не надо, чтоб взалхлеб шептать,
Что он сказал, что ты сказала...
К тревожному звонку в ночи
Еще летят две наших тени,
Но все-таки уже горчит
Привычный привкус откровений.
И жало недоверий жжет,
И недосказанность маячит,
Все обозначив наперед
Своей поспешностью незрячей.
Я поворачиваю вспять,
Не понимая, в чем же дело?
Я так хотела не терять,
Но ты ведь тоже так хотела.

Игорь ИРТЕНЬЕВ

* * *

Между телом и душой
Промежуток небольшой,
И поди там разбери —
Что снаружи, что внутри.

Если душу не вложить,
Человек не станет жить,
Но без тела и душа
Не протянет ни шиша,

Это ж не хухры-мухры.
Мандарин без кожуры —
Уж на что он корнеплод,
Даже дня не проживет.

Этот странный симбиоз
Порождает в нас вопрос,
На который много лет
Не дает никто ответ.

...Завершив свой славный путь,
Человек прилег соснуть
Нездоровым вечным сном,
Но уже не два в одном.

Он лежит себе в гробу
С белой тряпочкой на лбу,
А внутри там — ни души,
В общем, оба хороши.

ДНА ГРАФСКИХ РАЗВАЛИНАХ

*Есть в графском замке старый пруд...
Юрий Ряшенцев*

Теряя голову и обувь на ходу,
Поочередно всё с себя срывая,
Графиня с изменившимся лицом
бежит к пруду,
Суицидальных планов не скрывая.

Не различить ее бессвязных фраз,
Обрывки их едва доносит ветер,
С ней так случается примерно восемь раз
В году, когда она за разум не в ответе.

С крыльца за нею наблюдает старый граф,
Из «Сильвы» про себя мотив мурлыча,
Давно супруги опостылел графу нрав,
К тому ж он сноб и не любитель кича.

«Хотя и нервный выдался денек, —
Он думает, — но всё пока идет недурно».
Меж тем, графиня, вдруг споткнувшись
о пенек,
На землю падает и там рыдает бурно.

«И в этот раз, похоже, недолет, —
Бормочет граф, скривившись от досады, —
Ужель опять ее Господь не заберет
В свои чертоги, полные прохлады?»

Любовный пыл во мне давно уже ослаб,
Нет прежней силы в признаках первичных,
Меня мутит и от простых-то, если честно, баб,
Так что уж говорить про истеричных...»

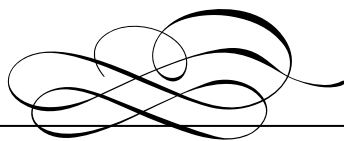
Но тут с земли графиня, отрыдав,
Встает и к дому направляет шаг неверный,
Где с каменным лицом ее встречает
молча граф,
Кляня в душе свой жребий непомерный.

Счастливый без пяти минут вдовец,
Лишь в двух шагах он был от доли лучшей,
Но нерушимый двух союз сердец
Разрушить помешал несчастный случай.

Когда бы не проклятый тот пенек,
Что так некстати на пути попался,
Как был бы граф теперь прекрасно одинок,
Как скорби он вольготно б предавался.

...Уж минул век с поры далекой той,
Покоится их прах под сенью пиний,
Лежат они под тяжкою плитой,
Плющом кладбищенским картинно обвитой, —
Несчастный граф с неистовой графинею.

Но, как и прежде, восемь раз в году,
Сорвавшись с места, словно по тревоге,
Графиня с изменившимся лицом
бежит к пруду,
Срывая с криком саван по дороге.

Егор ИСАЕВ

* * *

А вывод очень прост —
 чиновник вы иль витязь,
Уж раз вошли во власть,
 для виду не клянитесь
В хоромах ли Кремля
 иль в небе, на орбите.
Уж раз пришла любовь,
 то до конца любите,
Мужайтесь под огнем
 злокаверзных вопросов...
Ведь были же Джалиль
 и Александр Матросов.

* * *

— Добро — к добру, — мне мама говорила
И добрых всех добром благодарила
И, величая всех, всех горячо любила,
Всем находила место у огня.
И лишь себя повеличать забыла
За то, что в муках родила меня.

* * *

Как человек, я не свалился с полюса.
Имею право собственного голоса,
Имею право собственного шепота,
Сдаюсь мечте и поклоняюсь опыту...
А если что — иду с копьем на змея.
Я — гражданин. Я с детства честь имею.

ОДНОМУ АМЕРИКАНЦУ

Уже на старте ядерный огонь.
И не пора ль нам, друг мой дорогой,
С лукавых уст рывком сорвать печать
И с разных полушарий прокричать:
— Остановись, мгновенье, ты ужасно!
Добро, чтоб это было не напрасно.

ПАМЯТНИК

От песков и чуть ли не до полюса
Вдоль и поперек — лесные полосы.
Там тебе и гнезда, и грибы,
Там дубы и клены — на дыбы:
Держат щит и поднимают голос
За родной и полновесный колос,
За любовь от леса и до леса...
Вот он вам — живой портрет прогресса.

РУССКИЙ ЯЗЫК

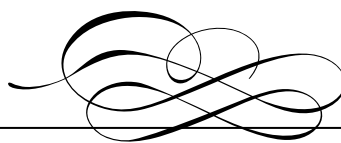
От неба над страной
И до тетрадки школьной
Он весь берестяной
И великоглагольный.
Смысл без него немой
И безымянны вещи...
Он с детства — твой и мой
И всенародно вещий.

СЫНУ

Все, как и прежде — эврика!
Все остается в силе:
Далекая Америка,
Родимая Россия.
И верится — не верится,
И знается — не знается...
А все ж планета вертится,
А все ж сердца сближаются.

* * *

«Ура» твоим ракетам
И космосу «ура»!
Тебе, моя планета,
Одуматься пора,
Не рисковать беспечно
Ученой головой...
Пусть Млечный будет Млечным,
Ну а трава — травой.

Елена ИСАЕВА

* * *

Я б из любых сюда вернулась стран,
Я б различала почерки в тетрадах —
Где Кулаков, где Ирка Кушельман,
Урбушкин, Кузьмин, Костюк, Калядин...

Где мы бредём по лужам вдоль весны,
И нам плевать на то, что жизнь фатальна.
Где мы ещё не разъединены
Ни социально, ни национально.

Хохочут одноклассники мои...
Кому на сколько выдали отсрочку?
А вспугнутые ими воробьи
Из стаи улетают в одиночку —

В Афганистан, в Америку, в тюрьму,
В болезни, в здесь ненужную науку.
Тебе бы было легче самому,
Когда бы Ты простёр над ними руку,

Когда б ты не оставил никого.
А мы идём с улыбкою дурацкой,
Не понимая счастья своего —
И Чернаков, и Якушев, и Шацкий,

И Шнеерсон, и Бердина... Слова,
Когда б могла, сложила бы в нетленку.
Моя пятиэтажная Москва —
Окраина на улице Дыбенко.

Я научусь смириться и терять,
Но на чело моё не ляжет тени,
Пока я не устану повторять —
Богатырёв, Минаева, Еленин...

* * *

Вот так меж картинами Зичи
По залам бродить не спеша...
Трудись, создавая обличье,
Которого стоишь, душа.

Все мысли, слова и поступки
Пребудут у нас на лице,
Когда беззащитны и хрупки
Пред Богом предстанем в конце.

Художник Суда не боится,
Он все подмечает штрихи.
О, как беспощадно на лица
Наносятся наши грехи.

Куда б мы ни двинулись дальше,
Он всё уже запечатлел.
Лишённые скорби и фальши,
В тумана январского мел

Мы выйдем и в сумерках белых
Ещё на крыльце постоим,
Где в необозримых пределах
Нам радостно быть не одним,

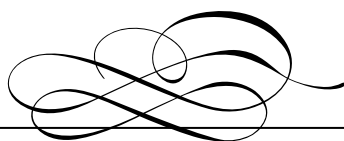
Где Высшего Ока слежение,
Где не утаить ничего,
Где жизнь — это лишь отраженье
Бессмертных полотен Его.

* * *

Да нет, я вовсе не пророчица,
Но, своего дождавшись часа,
Другая женщина закончится,
Как долгий привкус ананаса,
Который съели в прошлом месяце.
А я — с тобой останусь, милый,
И поплыву в метро по лестнице,
Где столько всяких женщин плыло
С тобою вверх и вниз, и снова я
Глаза в глаза тебя увижу.
И вот тогда я стану новая,
И вот тогда мы станем ближе.

* * *

Может, ты для меня только вымысел? —
Как одна из навязчивых тем,
Как в «Молчании доктора Ивенса» —
Дальше, дальше, исчез насовсем...

Или кровь от реального выстрела,
Или рана от сказанных слов,
Или сверхзвуковая, сверхбыстрая,
Непонятно откуда любовь...

* * *

Город с моря кажется отвесным —
Голову поднять и замереть.
Не смотри распахнуто и честно —
Только в детстве можно так смотреть.
А сейчас, когда уже полжизни
За спиной страданий и долгов,
Сделаться б умнее и капризней
В выборе каких-нибудь шагов,
Никогда не быть уже простою,
Просчитав ошибки наперёд.
Мне казалось счастья я не стою.
Я не стою... Но Господь даёт!
Становясь застенчивой и смуглой,
Шлёпанцы снимаю и иду
По песку — горячему, как угли,
Ждущие меня потом в аду.

Инна КАБЫШ

НОВОГОДНЕЕ

Лене

В далеком дачном городке
у разгорающейся печки
в гостях, а значит, налегке,
когда с собою только свечки,
шары, гирлянды, мишура,
для всех и каждого подарки.
Часы двенадцать бьют — «ура!»
На дачах фейерверки яркие,
при том, что в дефиците свет.
Мороз и елка. С виноградетом.
И может, смысла в этом нет,
Но смысла нет не только в этом.

* * *

Сыну

Но если нет у смерти жала,
то, значит, нам нельзя не быть.
Я не затем тебя рожала,
чтобы налил воды попить.

Я не затем стихи писала,
чтоб заглушить загробья тишь.
Ведь жизни не бывает мало:
её, брат, столько — не вместишь.

* * *

У меня, как у всех, нынче есть свой e-mail,
Нынче есть, как у каждой собаки, мобила.
Но кто письма писал, тот теперь онемел,
И ушёл, кто звонил, и кого я любила.

И уходит день за день земля из-под ног,
мои дети уходят — свои и чужие.
Только вскрикнешь по-бабьи:

«Куда ты, сынок?..»

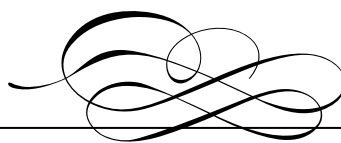
А они всё идут — все такие большие.

Даже буквы срываются нынче с листа
И летят словно клин, а потом —
словно точка.

Я стою на ветру, я совсем сирота,
одиночка ли мать, капитанская ль дочка,

хоть горшком назови, хоть совком —
не боюсь:
я как мёртвый, который не ведает сраму.
А ночами мне снится Советский Союз,
тот,
где мама моя моет вечную раму.

Сергей КАЗНАЧЕЕВ

Мой отец — не мастак вспоминать о войне,
Значит, было в ней нечто такое,
Что сегодня тревожит и ранит вдвойне,
А для нас непонятнее втрое.

И когда из окрестных домов пацаны
Любопытством своим донимают,
Он не в силах поведать им правду войны,
Лишь кривится да слезы роняет...

Но тоске и слезам мы дадим окорот
(Мало что на душе накопело!).
В День Победы не митинг у нас — огород,
Там позьмо уже к сроку припело.

Знать, донине воюет в душе ветеран,
И слышны ему взрывы, бомбёжки...
На Девятое мая осушим стакан
И как надо посадим картошку.

БАБУШКИНА ИКОНА

Дождь под Пятигорском
омывает рану.
Инстинктивно, скорбно
съёжились Тарханы.
Но в тоске смертельной
Бабушка не знает,
что её Мишеля
Нынче убивают.
Долго не ложится,
ночь лежит без сна,
крестится, божится,
молится она.
Полнится страданием
безутешный крик.
Тщетны упования
на пресветлый лик.
Захлебнувшись стоном,
вдруг произнесла:
«Вынести икону —
Мишу не спасла...»

Алла КАЛМЫКОВА

ГЕЛЯ

Рвут в куски. Изведёшься сердцем
всех жалеть и всем помогать.
Но таким уж меня наследством
оделили отец и мать.

И поныне снится избушка,
тесноватая для пятерых,
и дежурная раскладушка
у родителей молодых.

То ли пензенский, то ль тамбовский —
вошь в кармане, долги не в счёт —
помешавшийся пан Краптовский
без прописки у нас живёт.

Пана сбросили под электричку.
Балагур, доцент, шахматист,
он утратил к труду привычку
и как новорождённый чист.

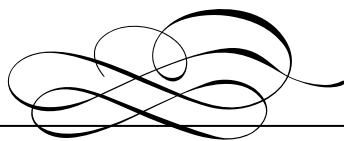
В «дурака» с ним играем чинно,
оба — дети. В порыве чувств
он мне дарит нож перочинный —
в этой школе я и учусь...

Геля сгинул. Отец нас предал.
Дом снесён, и вырублен сад.
Но я вижу в порядке бреда:
все опять за столом сидят

в нашей кухне странноприимной,
где натоплена жарко печь,
и бессилья привкус полынный
забывает горчить и жечь.

СТАРЫЕ СНИМКИ

Чему-нибудь и как-нибудь
учила я ребят,
избрав себе окольный путь,
который мне простят
в недостижимом РОНО,

в заоблачной Москве,
в стране, где все давным-давно
стоят на голове.

Тогда казались мне главней
больших снегов холсты,
полёт пугливых оленей,
как скажут якуты,
сиянья северного плен,
полярных выюг тесьма,
и простодушие — взамен
учёного ума,
и эти жаркие зрачки
в лукавых щёлках глаз,
и сердца гулкие толчки,
когда входила в класс,
не зная, что им говорить
про ямб или хорей,
но торопясь любовь избыть
счастливей и скорей.
Давным-давно растаял след
моих унтов в снегу,
давно меня в помине нет
на диком берегу
реки по имени Чондон,
но как секретный код —
слепые фото: дети, дом,
и я, и снег идёт.

в переписке состоя с Чарлзом Дарвином,
разъяснять ему его заблуждения.

Подмечать в его посылах утопию.
Ох уж эти либералов мечтания!
Толку что за правдой плыть в Эфиопию?!
В сапоге с гвоздями — всюду Испания!

То ли дело из Твери иль Кукуева —
по пути познания истины узкому —
в Бабен-Бабен уезжать неминуемо.
(Пусть в неметчине и смерть духу русскому!)

Там крутить роман с купчихой из Винницы,
животом с французской кухнею мучиться,
вырождаясь в захудалой гостинице
года три, а может, пять. Как получится.

И, вернувшись в Тверь с осанкой
английскою
и французскою женой, тем не менее
заниматься не жильем и пропискою,
а с вокзала прямо ехать в имение.

И, живя там посреди человечества
(да, присваивая труд, но без рвачества),
горячо любить народ и отечество,
и в народничестве видеть чудачество.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

От шумных улиц в стороне,
По проходным дворам и водам,
уже не нужная стране,
но все еще зовясь народом,

вдали от праздничных колонн,
как тень, восставшая из ада, —
старуха — выжатый лимон —
бредет, забыв, куда ей надо.

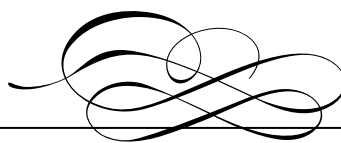
Пока великая страна
чеканной поступью шагает
по главной улице, она
все в ногу с ней не попадает.

Евгений КАМИНСКИЙ

Санкт-Петербург

Как хотелось бы дышать —
в девятнадцатом,
самодержцу другом быть и порукою.
За метраж и за надбавку не драться там,
а придиричиво следить за наукою.

«Будь хоть грязным мужиком,
будь хоть барином —
Царство Божье всем дается нуждением!» —

Что из того, что не жила?!
 Что из того, что отсидела?!
 Идет — не мать и не жена,
 а фигурант большого дела.

Что из того, что проклят век?!
 Зачищен от любого изма?!
 Бредет — не бог, не человек,
 а так, строитель коммунизма.

За то, что выплыла в Потоп,
 перемогла Содому пытку,
 страна обязана по гроб
 ей в День победы слать открытку...

«На завтрак — хлеба кус на рубль
 и все!», — хихикает наука...
 В себя старуха смотрит, вглубь,
 а там такая тьма и скука,

такая бездна пустоты!
 И ведь ни боли не осталось
 уже, ни жалости... А ты
 все о своем: «Еще бы малость...»

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Казахстан, Астана

ПЕСОК ВРЕМЕН

Там, у подножья Акрополя,
 видел я деву Эллады,
 Она улыбалась,
 как будто слыша мелодию улиц.
 Время ветром крошило
 камни холмов античного века
 И песком золотым осыпало
 плечи смуглые девы.
 Дева плыла по тропе,
 словно в галере, к амфитеатру,
 Где музыка древних руин
 сливалась с дыханием моря.

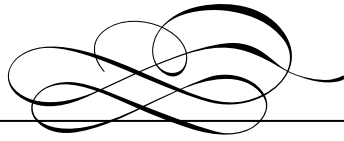
Извещала афиша,
 что гастроль скрипача-виртуоза
 Состоится в осенние дни —
 месяц и год нашей эры.

ПОСЛЕ ЗАКАТА

Мне неведомо, кто разжег о
 динокий костер вдалеке,
 Мне также неведомо,
 где усталое солнце садится,
 Мне бы понять, что ветер-пастух
 к притихшей выходит реке
 И что черные крылья
 расправляет над берегом птица.
 Что тень этих крыльев небесных
 ложится вдали меж холмов,
 Вновь настигая отару,
 плывущую вдоль по ущелью,
 Что дышит ночная прохлада
 в раскрытые окна домов,
 Спящую тронув листву,
 замирает над детской постелью.

КОЧЕВАЯ ЗВЕЗДА

Звезда кочевая моя,
 твой бег бесконечен по сфере.
 Отражаешься вновь в ладонях моих,
 что над спящим ручьем,
 Как будто бы знак световой
 о вечном кочевье поэта,
 Где встречным движением ветра
 космический гравий не спит.
 Что сердцу оставишь? — Только ли свет,
 что плывет по Вселенной,
 Иль в горном ручье, как в ладонях моих,
 лепестками дрожит?..
 Слушаю музыку неба
 торжественно и молчаливо,
 Испуганно, как жеребенок,
 что потерялся в ущелье.

ПОСЕЩЕНИЕ ДОМА ДЕТСТВА

Памяти няни

Спит няня моя —
Исакова Евдокия Михайловна,
Я помню, как в школу меня по утрам
она снаряжала:
Три учебника, стопка тетрадей,
в пенале ручка с пером —
Это во имя того, чтобы слово в душе
преломилось.
Чтобы, как яблоко осенью,
я чувствовал слово на вкус,
Как глубину глаз материнских —
я чувствовал слово на взгляд,
Как нянину песнь о России,
я чувствовал слово на слух,
Грозою набухшего облака
чувствовал слово на вес —
Это во имя того, чтобы слово
судьбу продолжало.
Спит моя няня — Исакова Авдотья,
дочь Михаила,
Жизни минувшей заботы
здоровье ее подорвали.
И я как сиделка сажу
у воздушной кровати ее,
Слово из детства буквами горло дерет,
воздух глотаю,
Няня откуда-то издали молвит:
— Твой раскрылся портфель.

МЕТАМОРФОЗЫ

В орнаменте ковра есть что-то
от арабской книжной вязи,
И в памяти встают потомками
разорванные связи,
И на Великом шелковом пути
не стерты города,
И дервиш у костра, купается
в глазах его звезда.
Орнаментом ковра эпох
связующая нить проведена —
Как будто за орнаментом
бетонная раздвинута стена.

По дневникам отца я букв латинских
горечь ощущаю,
И словно опиум — дух первых пятилеток
я впитаю.
От голода исчезнет пол-аула
и вымрет вся родня.
Камчой на мир взмахнув,
последнего в колхоз дед отдает коня.
В степных бараках стынут
беспаспортные граждане страны,
Когда всего четыре года
до новой мировой войны.
За проволоку колючую цепляясь,
рвется эбелек,
Вслед Алжиру и Карлагу атомный
встает из шахты век.

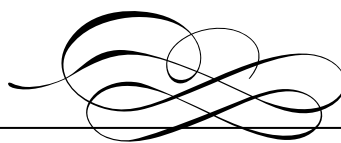
Валентин КАРАСЁВ

За днями дни который год уходят,
Но как понять, что жизнь даёт взамен?
Испуганная птица перемен
В забытых снах покоя не находит.

Кому-то зрелость дивную дарит
Осенняя пора простых мечтаний,
Продляя время тех очарований,
Которыми огонь души горит.

Иным уроки мудрости предложит,
Спокойствие дая и чистоту.
Увековечив светлую мечту,
Роман на две главы ещё продолжит.

Мою судьбу неосторожный ветер
Туманом скрыл в предначертаньях зыбких,
Взамен послав очей твоих улыбку,
Как милой жизни бесконечный вечер.

Сергей КАРГАШИН

* * *

У водки —
Четыре руки,
Три ноги,
Два языка,
Один глаз.
Выпил —
И ты Фантомас.

* * *

Я приехал к себе домой.
Вот мой дом и река под горой.
Вот и липы — на липах грачи...
До чего хорошо — хоть кричи!
«Э-ге-гей! — ветру я закричал —
Выходи и гостей встречай!»
Только это сказать и успел,
Ветер вдруг на меня налетел.
Этот ветер меня не узнал,
Этот ветер меня искушал.
Для него я теперь — чужой.
Вот и съездил к себе домой...

Татьяна КАРПАЧЕВА

ВЕСНА

Зависла в небе сонная луна,
Подсвеченная звёздной канителью.
Он всё читал... В квартире — тишина.
Лишь ходики частили над постелью.

Читал, вздыхая шумно у окна,
И матерился сдавленно-сердито.
В постели безмятежная жена,
Пужинав с великим аппетитом,

Досматривала сон очередной.
А он в страницы влип горящим взглядом.
«Так вот как, значит, быть должно со мной...
Так вот чего, выходит, бабам надо...»

И глазом на супружницу стрельнул,
Фантазией пройдясь по неким точкам.
«Нет, позже», — он к окну придвинул стул,
Поправил абажур, уткнулся в строчки.

Зевала утомленная луна,
И солнышко дремало. Слишком рано.
За окнами буянила весна...
Старик читал любовные романы...

БУРЯ В ПУСТЫНЕ

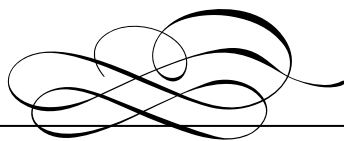
Замело Сахару снегом,
Хоть июль, но климат крут.
Бедуин ворчит на небыль,
Сокрушается верблюду.

Кораблю пустыни тяжело:
Прихватил радикулит,
Молча мается, бедняжка,
Плакать гордость не велит.

Летний день морозно-светел,
Разведён огонь с утра,
Наигравшись снегом, дети
Тихо сели у костра:

Вслух читает им девчушка,
Как укрыто небо мглой...
Александр Сергееч Пушкин
Для арабов тоже — свой.

Светлана КЕКОВА

Саратов

* * *

То, что жизни и смерти дороже,
Я сегодня куплю за гроши.
Что ж ты водишь ладонью по коже —
Шелковистой изнанке души?

Разбежались, вздохнули, застыли
Волны плоские цвета слюды.
Кто уснул или умер — не ты ли,
Царь речного песка и воды?

Бог приходит к тебе и уходит,
Сердце бьется и движется кровь.
Все, что в мире с тобой происходит,
Называется словом «любовь».

Проступает намеком на чудо
В мертвом дереве тело креста.
Жив Христос, и готовит Иуда
К поцелую сухие уста.

* * *

...и вот опять, на лете ставя крест,
идёт сентябрь на ярмарку невест.

Узор по лаку золотом, как Палех,
ведёт сентябрь. Его причудлив вкус.
И хоровод рябин в пунцовых шалях,
и гроздь рябины в нитках красных бус,
и стройность лип, листвою сердцевидной
украшенных, как шуткой необидной
украшена порой бывает речь, —
всё видит он. Всё хочет он облечь
в парчу и шёлк, в роскошные наряды.

А в небе облаков белеют гряды.

Мгновенные воздушные холмы,
они твердят, что жизнь, как осень, минет,
хоть тополь на ночь золотой чалмы
с лихой своей головушки не снимет.

Сентябрь, сентябрь...

В какую он игру
играет, и кому он шлёт угрозы?
Вот клёны, как татары на юру,
стоят вокруг красавицы берёзы.
Вот распластал багровый виноград
свою листву по старому забору,
опять сороки затевают ссору,
кропит металл кладбищенских оград
холодный дождь, и первому узору
морозному никто ещё не рад.

Бахыт КЕНЖЕЕВ

Канада

* * *

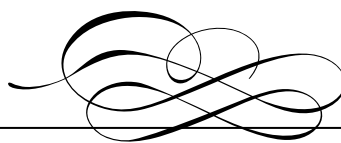
Сникнет ярость, выйдет дерзость,
а взамен придет
небогатая поверхность
подмосковных вод.

Эти омуты да ивы,
как пастух — овец,
созерцает терпеливо
сумрачный мудрец.

Он ни слова не уронит,
потерял он счет
дням, и мир потусторонний
перед ним течет.

То пескарь при виде щуки
вздрагивает вдруг,
и воздел бы к небу руки, —
только нету рук,

то пупырчатая жаба
выглянув на свет,
воспарить душой могла бы,
только крыльев нет.

Позабудь про долю рабью,
про свои года.
Теплой праздничною рябью
морщится вода —

это дар, твой дар убогой,
ускользает он
водомеркой босоногой
по ручью времен.

* * *

Где под твердью мучительно-синей
не ржавеет невольничья цепь
и забытая богом пустыня
по весне превращается в степь, —
я родился в окрестностях Окса,
чьи памирские воды мутны,
и на горе аллаху увлекся
миражом океанской волны.
Вздрогнет взрывчатый месяц двурогий,
сбросив пепел в сухую траву.
«Почему ты не знаешь дороги?»
«Потому что я здесь не живу».

Не имеющим выхода к морю
только снится его бирюза.
Пусть Эвтерпа подводит сурьюмою
молодые сайгачьи глаза —
есть пространства за мертвым Аралом —
потерпи, несмысленный, не пей —
где прописано черным и алым
население нищих степей —
и кочевник любит вволю
на своих малорослых коней —
солоней атлантической соли,
флорентийского неба темней.

* * *

Неслышно гаснет день убогий,
неслышно гаснет долгий год,
Когда художник босоногий
большой дорогою бредет.

Он утомлен, он просит чуда —
ну хочешь, я тебе спою,
Спляшу, в ногах валяться буду —
верни мне музыку мою.

Там каждый год считался за три,
там доску не царапал мел,
там, словно в кукольном театре,
оркестр восторженный гремел,
а ныне — ветер носит мусор
по обнаженным городам,
где таракан шевелит усом, —
верни, я все тебе отдам.

Еще в обидном безразличьи
слепая снежная крупа
неслышно сыплется на птичьи
и человечьи черепа,
еще рождественскою ночью
спешит мудрец на звездный луч —
верни мне отнятое, отче,
верни, пожалуйста, не мучь.

Неслышно гаснет день короткий,
силен ямщицкою тоской.
Что бунтовать, художник кроткий?
На что надеяться в мирской
степи? Хозяин той музыки
не возвращает — он и сам
бредет, глухой и безъязыкий,
по равнодушным небесам.

* * *

Зачем я пью один сегодня?
Как тридцать восемь лет назад,
вонзаясь в воздух новогодний,
снежинки резкие скользят,
все лучшее дается даром,
и пусть блуждает вдалеке
юнец гриппозный по бульварам
с бутылкой крепкого в руке

Пылай, закат — в твоём накале,
неопалимая, долга
жизнь. По зеркальной вертикали
плывут хрустальные снега.

Сто запятых, пятнадцать точек,
бумаги рваные края,
и кажется — чем мельче почерк,
тем речь отчетливей моя.

Зачем орфей в ночном аиде
 щадил обложенный язык,
когда в тревоге и обиде
 к ручью подземному приник?
Спит время: на огне окольном
 охрипших связок не согреть —
лишь агнцам, ангелам спокойным
 январским пламенем гореть

Что ж ты, клянчишь, попрошайка?
Мы не местные с тобой.
И признайся без утайки,
Устарели наши байки
В тихой келье гробовой

О высоком и прекрасном,
Шиллер-шмилер, ветхий Дант...
Твои хлопоты напрасны,
Твои происки опасны,
Мракобес и обскурант!

В общем, хрен те, а не грант!

ПОМАНС

Были когда-то и мы... Ну ведь были?
Были, еще бы не быть!
Ух, как мы пили, и, ах, как любили,
Ой, как слагали навзрыд!

О, как мы тайной музыке внимали,
Как презирали мы, о!
И докатились мы мало-помалу,
Не осознав ничего.

Логоцентризму и фаллоцентризму
(Дикие хоть имена)
отдали мы драгоценные жизни.
Вот тебе, милый, и на!

Вот тебе, бабушка, и наступает
Юрьев денек роковой!
К новому барину бодро шагает
Справный мужик крепостной.

Только Ненила, дурында, завыла,
Фирс позабытый скулит,
Ветхой музыки едритская сила
Над пепелищем гудит.

И не утнаться усталой трусцою,
Да и желания нет.
Опохмелившись с холодной зарею,
Смотрим в окошко на свет.

Тимур КИБИРОВ

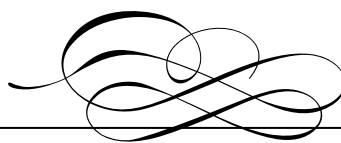
* * *

О высоком и прекрасном
Сердце плакало в ночи,
О насущном и пустяшном,
О всамделишном и зряшном...
Сердце-сердце, помолчи!

Сердце-сердце, что такое?
Эк тебя разобрало!
Муза-шмуза, все пустое,
Глянть-ка в форточку — какое
Там столетье подошло!

Не такое время нынче,
Чтобы нянчиться с тобой!..
Что же ты, сердечко, хнычешь
И, как тать в ночи, химичишь
Над бумажной мишурой?

Что ты ноешь, что ты воешь,
Что ты каркаешь в ночи?
Что канючишь, ретивое,
С бестолковой головою
Пакт мечтая заключить?

Сколь удивителен свет этот белый,
Он обошелся без нас...
Ох, как мы были, и сплыли, и спели —
Сами не верим подчас.

Что ж, до свидания, друг мой далекий,
Ангел мой бедный, прощай!
В утро туманное, в путь одинокий
Старых гнедых запрягай.

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Если ты еще не в курсе,
Я скажу тебе, читатель:
Все зависит от контекста,
Все буквально, даже я!

Все зависит от контекста,
Например, краса девичья
От количества «Столичной»
И от качества ея.

Так что качество мое
И количество твое
Уж никак не абсолютны
И зависят не от нас,

А зависят, повторяю,
От контекста, мой читатель,
Вне контекста, к сожаленью,
Не бывает ничего.

Абсолютно ничего,
Кроме Бога одного.

Это, в общем, очевидно,
Хоть досадно и обидно,
Оскорбительно зависеть
От такой вот хреноты!

Это все вполне понятно,
Хоть подчас и неприятно,
Но контекст не выбирают,
Так же, впрочем, как тебя.

Виктор КИРЮШИН

* * *

Остановлюсь и лягу у куста,
Пока легки печали и пожитки,
На оборотной стороне листа
Разглядывать лучистые прожилки.

При светлячках, при солнце, при свечах
Мир созерцать отнюдь не бесполезно:
В подробностях, деталях, мелочах
Не хаос открывается, а бездна.

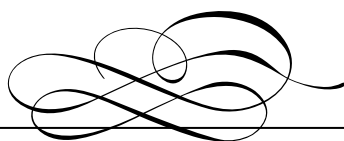
Вселенная без края и конца
Вселяла б ужас до последней клетки,
Когда не трепыхался у лица
Листок зеленый с муравьем на ветке.

* * *

Ледяная прозрачна заря,
В поле рыскает ветер-повеса.
Черно-белый пейзаж января:
Снег да кромка елового леса.

Сеет с тихого неба крупа,
Черно-белая дремлет сорока.
Как природа на краски скупа!
Как она бережлива до срока!

Так терпи, хоть узлом завяжись —
Ученик, подмастерье, подпасок.
Хороша черно-белая жизнь
В нестерпимом сиянии красок.

* * *

Дождик шепчет, ветер колобродит,
Гром гремит, ревмя ревет волна...
Музыка живет в самой природе,
Потому и вечная она.

Не нужны ни клавиши, ни струны
Там, где преломляясь и дробясь,
Из глубин восходят, словно луны,
Робкий лещ, золотобокий язь.

Луг звенит, над синей гладью плеса
Чаек крик захватывает дух.
В мире, где ничто не безголосо,
Как награда, абсолютный слух.

Без конца — в мажоре ли, в миноре,
Слушать эту музыку могу
В самой лучшей из консерваторий —
На речном покатом берегу.

Вертал назад со склянкой эликсира.
Он хаживал ко мне, и мы не раз
С ним предавались радостям запоя,
И грани оживляющий топаз
Входил в нутро безумца золотое.
С тех пор не пью, он раж во мне убил,
Не с Южиным же мне соревноваться,
Я для него «Чернаву» сочинил —
Вещь славную, он так и не признался.
Он был меня талантливей во всём:
Поэт, хотя не написал ни строчки,
Мудрец, в стакан смотрел, а жил не днём.
Проспиртовав искомость оболочки,
Земную жизнь сознательно губя,
Ничто не обойдя с улыбкой мимо, —
Он сам мумифицировал себя,
И плоть его в земле неразложима.
Не я, а он до ваших дней дойдёт
И явится весомо, грубо, зримо.
Как в наши дни вошёл водопровод,
Сработанный ещё рабами Рима.
Душа ж, я думаю, хотя в мирских делах
Он Вельзевул был сущий и татарин,
Обрящет с поллитровкой в садах,
Где с воробьём Катулл
И с ласточкой Державин.

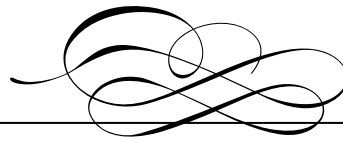
Александр КЛИМОВ-ЮЖИН

НА СМЕРТЬ ГАРИКА ХРУСТАЛЬНОГО

Хрустальный Гарик умер от вина,
Присел на стул, устал и не проснулся.
Так сообщила мне в письме жена
Евоная, короче — оттянулся
На всю катушку, алкоголь в крови
Сухой возни превысил допустимость.
Мин херц! Прими признание в любви,
Тем паче, без надежды на взаимность.
В ту пору я неподалёку жил
И знал его маршруты и повадки,
Когда к ларьку он линии чертил,
Как «ТУ» хетенским носом на посадке.
Ладощки, параллельные земле,
Отставив, что-то вроде балансира,
На босу ногу, но дезабилье

БАЛЛАДА О СОМЕ

Где свисают над омутом ветви чинар,
Где обрывист, лобаст крутояр,
В затемнённой колдобине выстроив дом,
Два столетия живёт себе сом.
Он бессмертен, понеже за семьдесят лет
Обретает бессмертие сом, смерти нет
Для него. Он минует барьер,
Не в пример ему сам Агасфер.
Повышается с весом его интеллект:
Вещь в себе, он уже не объект, а субъект.
Поздний Томаса Мура приветствует звон
В песнопеньях Козловского он.
Не квокченье, а пенье по лёгкой воде
Возбуждает его в умудрённой поре.
Пузырится тишайшая гладь кипятком,
Если сом подпевает: «Бом, бом».
Не идёт он в ячеи радушных сетей,
Отказался от мяса утиных детей,

И над плотью его доминирует дух,
 Как над зреньем ослабленным — нюх.
 Мастодонт и гроза облюбованных мест,
 Бывший хищник животную пищу не ест.
 Удручённый крючками, не сразу, но вдруг,
 Перешёл на молочный продукт.
 Бесплезно меняет пастух водопой, —
 Вездесущ и охоч до коров водяной:
 Раза в три уменьшая совхозный надой,
 Обработает всех до одной.
 И от губ его мягких бурёнки не раз,
 Закативши глаза, приходили в экстаз,
 А потом налегке, как с дырой курдюки,
 Выходили ни с чем из реки.
 Но увидеть его никому не дано:
 Чуть аврал, субмариной уходит на дно,
 И впадает в депрессию раньше, чем в сон,
 Как Битюг после Павловска в Дон.
 Иногда ему мнится молока с икрой.
 Или прадед на суше лежит под горой:
 В восемнадцатом веке — посол Апеннин,
 Тело меряет в девять аршин.
 И тогда пробегает тревожная рябь
 По воде, в небесах разверзается хлябь,
 Неизбывные волны крушат крутояр,
 Буря пестует гривы чинар.

* * *

Только к овершьям приблизится жар,
 Весь наготове,
 Около крови закружит комар,
 Около крови.
 Низкочастотно взрывая покой,
 Радиус чертит, —
 Около смерти кружишь, родной,
 Около смерти.
 Стоило в жизнь за единым глотком
 Эту явиться,
 Чтобы, вкусив, разрази тебя гром,
 с нею проститься?!
 Кровь ли пичуги, кровь ли быка,
 Кровь человека...
 — Видишь, по небу плывут облака,
 Зелень прекрасна,
 Вегетативная пища легка
 И безопасна.
 — Крови пичуги, крови быка,

И человека!
 Что ж, насладись, неуёмный, моей
 Первою группой,
 Раз между ступой и скалкой милей,
 Скалкой и ступой.
 Коль уродился ты с жаждой такой,
 Кровососущий —
 Всяк в этой малости краткой земной
 Нужный и сущий.

Алексей КЛОКОВ

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Падшим спасение было обещано,
 Избран народ и колено и в нём —
 Дева нескверная, Чьё Благовещенье
 С Вышними Силами ныне поём:

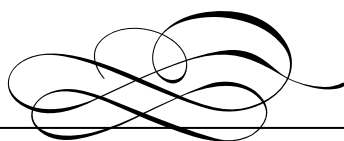
Радуйся, Дево святая, смиренная.
 Телом и духом чиста и светла,
 Ты, благодатная, благословенная,
 Слово Живое в себя приняла.

* * *

Лёгкий ветер на поле несжатом,
 А ты помнишь ковыль, не забыл?
 Этот день в триста восьмидесятом
 Тоже тёплым и солнечным был.

Только души не пели как прежде.
 Лишь одна молодецкая кровь.
 И горели, как свечи, надежды
 На Заступницы нашей покров.

Наступила лихая година,
 Русь могла бы лишиться всего.
 Матерь Божия Бога и Сына
 Упросила в Своё Рождество,

Вместе с Сергием, кротким и мудрым,
Свой народ уберечь от косы,
И оплакала павших под утро
Скатным жемчугом белой росы.

ПРОГУЛКА В НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ

Ветер колючий
Песню заводит,
Мнёт наверху сукно.
«Папочка! Папа!
Небо уходит!»
«Тучи бегут, сынок.

Небо над ними,
Синее-синее,
Цвета маминых глаз,
С нами всегда и ныне.
Будет и после нас».

БАЛЛАДА О КОРАБЛЕ

На холме как на гребне волны,
Путь нелёгкий сверяя по сферам,
На восток, от весны до весны,
Плыл корабль удивительной веры.

Билось море житейских забот
Как большое крикливое вече.
Непутёвых смывало за борт.
Оставались смотрящие в вечность.

Синим парусом, словно крылом,
Укрывались в любую погоду.
Кто-то спел о правах и свободах.
На команду затмение нашло...

...Холм угрюмый как проклятый остров.
В мраке ночи и в сумраке дня.
Всех пугает обглоданный остов.
Мачта сломана. Колокол снят.

Александр КОБРИНСКИЙ

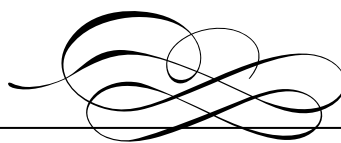
Израиль. Иерусалим

* * *

Итоговое было шатким,
за перевалами нули —
от основной черты, где хатки
в сугробы по уши вросли,
и те же повороты Вятки,
Уржума острые углы,
где белолицые солдатки
с утра к водоколонке шли —
их косы русые и темные
и ведер цинковое гrrру,
и чавканье оледенелой помпы
на бледно-розовом ветру...

СЛОВО СТАРЦА

Брагу мужики в тот день не пили —
Насупились не от гнилой погоды —
Враг идет! — в домах заголосили
Жены муторнее, чем «ду-ду» удода.
Весь апрель осада продолжалась...
Молодым теплом сменился холод
Не к веселью — где ты, Божья жалость?
Жителей схватил за горло голод.
И Перуну бьют челом, и Богородице —
Молятся, а лихо ходит щеголем.
Девкам жизнь походную придется
Услаждать поганцам — печенегам.
Главный вход старейшины решили
Отпереть — ждать помощи пустое.
Бесы город люто окружили:
Ждет чужбина пленных — все чужое.
Над рыданьем горестным, над всхлипами
Сквозь просвет в листве луна светила
И над вечем, собранным под липами,
Тень резная блики разносила.
Явлен был глазам людей столетний
Белобровый старец — волхв убогий.
Четко на земле клюкой наметил
Равных круга два и молвил строгий:
«Надобно, чтоб здесь две ямы вырыто
На две кадки было побыстрей:

В первой кадке приготовьте сыту,
 Во второй кисель из отрубей!»
 Нашкребли в медуше княжьей меду,
 Отрубей в амбарах нашкребли —
 Слово старца выполнили сходу
 И в надежде хитрость обрели:
 «Мы уйти вам с миром предлагаем,
 Потому что мором нас не взять;
 Как пришлете ваших, обещаем
 Им на деле это доказать!»
 И послы ответно приходили —
 С любопытством к кадкам подошли,
 Сыту и кисель хлебнув, решили,
 Что еда идет из-под земли.
 Приумолкли — спешно возвратились
 Вниз — к реке — к высокому шатру,
 На котором змейно колотились
 Ленты голубые на ветру —
 Доложили — и сказал, сжимая
 Плеть властитель: «С ними не берусь
 Воевать я!» Спасена святая,
 Только что крестившаяся Русь!

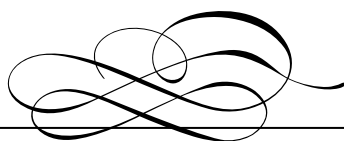
ЭХО

Клином сосны к небесам,
 клином ели,
 потому что только там —
 в глубине достигнут цели
 кроны.
 Кроны,
 кроны,
 кроны —
 королевские короны.
 Одноногие принцессы
 убегают от надзора,
 от фотографов и прессы...
 Очень скоро,
 очень скоро
 Анжелики и Агнессы,
 Золушки и баронессы
 огненные рассекут просторы —
 канут звёздно.
 Кронам нужен
 вольный воздух,
 а не тот,
 где шито-крыто

под орнамент малахита
 сумрак из палеолита
 меж стволами
 вдоль опушки
 смотрит стражно
 и острожно.
 Тут же шепот —
 осторожно! —
 цыц, замри:
 молчанью клёво
 наблюдать,
 как гибнет Слово.
 В обиходе только ахи —
 ахи жалкие
 и охи...
 Им подыгрывают
 вздохи.
 Но вне контура эпохи,
 возглас — ЕОН МЕЗЕНОХЭ!
 На холмах
 танцует хвоя.
 Близок март.
 Теплее стало,
 чтобы ЭХО НЕЗЕМНОЕ
 гнезда на земле свивало.
 Как свивало? —
 по земному.
 Ближе к собственному дому
 быть не может
 по другому.
 К ливням,
 к молниям
 и грому
 на краю воздушных ям
 пляшут сосны,
 пляшут ели...
 Вверх.
 Все выше —
 так, что корни
 прирастают к небесам!

* * *

Я убежден, что шиворот-тропинка
 Навыворот меж сосен в перелеске
 Приводит к зубчато-заборной арабеске,
 Поверх которой перевернутая крынка
 Торчит на фоне белой занавески.

* * *

В сумерках тонет иссохший колодец —
в глубине расходились когда-то круги
и луна колебалась, когда Богородица
набирала воды, чтоб испечь пироги.
Но ратно забвенье немотствует Леты
за Дитя супротив простиранию зги,
где в интеллигибельной тьме Назарета
ку-ка-реку истошно кричат петухи.

Провинция — бесстрашная провидица.
Когда в страну грядет недобрый гость,
когда в столицах мор едва предвидится,
провинция уже кроит погост.

Провинция — сердечная провидица —
в беде не поскупится, не предаст,
когда в нужде столица выжить силится,
с себя рубашку снимет и отдаст.

Провинция — тишайшая провидица.
Когда ее награда обойдет,
не шикнет на столицу, не обидится,
а дружно стольной славе подпоет.

Александр КОВАЛЕВ

Санкт-Петербург

ФИЗИКИ ДА ЛИРИКИ

И не то чтоб карман с прорехами,
и не то чтобы сучья жизнь —
просто физики тихо отъехали,
просто лирики дружно спились.

А без физиков да без лириков,
хоть деревню, хоть город спроси,
все равно, что на дно без пузыриков —
скучно вато у нас на Руси.

Вот сейчас загулять бы в беспечности —
хоть поминки, хоть праздник души...
Да в любезном моем Отечестве
вместо лириков — торгаши.

ПРОВИНЦИЯ

Провинция — великая провидица
всех завтрашних парламентских забот, —
когда в столицах грозы лишь предвидятся,
провинция уже шинели шьет.

Провинция — привычная провидица,
ей все всегда известно наперед, —
когда в столицах голод лишь предвидится,
провинция уже с сумой бредет.

Сергей КОВАЛЕВСКИЙ

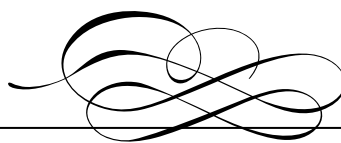
Санкт-Петербург

* * *

Машину бросить на обочине,
Ступить в незамутненный лес.
Нашупать просеку. Все прочее —
Святое таинство небес.

И что особого, казалось бы?
Мох клочьями, просевший наст,
Озябшей ежевики заросли
И дальше — кто во что горазд,

И — ни намека на движение,
Хотя бы шорох, тень, деталь!..
Нет логики стихосложения.
Есть зачарованная даль.

Я не стану пытаться птицу вешую,
Что предсказано мне, что обещано,
Да и где она там, невесомая,
В небесах угольком нарисована,
Мне достанет и перышка серого,
Рук озябших и запаха Севера
Угадать, где последнюю строчкою
Закачусь в ледяное бессрочное.

Видно лунное, горькое, хвойное
Стало жизнью моей беспокойною,
А душа стала снежной порошею,
Из карельских туманов проросшею —
За свое, за земное ответчица
То бесшумно крадется, то мечется,
То по синему мшанику волоком,
То над утренней Ладогой — в колокол.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Мне военная кинохроника
демонстрирует те года
черно-белыми, как похоронка,
как обугленные города.

Мы живее на цветной планете,
За палитру цветов в ответе!

Но когда тебя ставят к стенке,
то решительно черно-белым
мир становится — все оттенки
отменяются под прицелом!

Как из волн,
Афродитой выросла:
в баре
к столику визави
подошла и компьютерным вирусом
стерла файлы
прежней любви.

И СЕГОДНЯ

Мне почему-то припомнилась ты...

Владислав Ходасевич

В дом поднимаюсь ли
с трясущемся лифтом —
мне почему-то припомнишься ты,
выпью ли чаю зеленого «Lipton» —
мне непременно припомнишься ты;

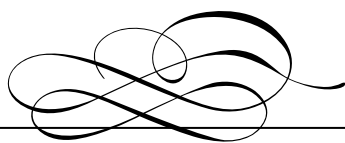
Пусть возрастные часы мы не сверили,
прав Владислав: несмотря на хиты,
чтоб не случилось на юге, на севере
или на сервере — вспомнишься ты!

окликал тебя —
оплеухой
возвращалось эхо ко мне
проклинал тебя —
хохотом
возвращалось эхо ко мне

А теперь — и тихо и глухо,
и черна моя тень на стене

Не простила? Да. Но не бросила,
очертила границы строгие ...
Горечь — нефтью по чистому озеру:
в женском сердце своя экология...

Разлюбила? Нет. Но замкнуться
легче ей, чем простить и проснуться.

Кирилл КОЗЛОВ

Санкт-Петербург

* * *

Биты стекла, на улицах грязно,
Предрекают к утру гололёд.
Я хотел бы прожить не напрасно
Этот час, этот день, этот год.

Я хотел бы успеть то, что начал,
Уголок мой немислимо мал...
Терпеливый Спаситель рыбачил
И проблему голодных решал.

Спросит он на суде оголтелом,
Неестественно хрипло дыша:
«Если слово расходится с делом,
Разойдется ли с телом душа?»

Вы сегодня наешьтесь, напьетесь,
Насладитесь телами подруг —
Вы ко мне чуть попозже вернетесь
И познаете Истину вдруг».

...Биты стекла, на улицах грязно,
Принял ставки костлявый крупье.
Но в том царстве греха и соблазна
Извивается змей на копье.

Это значит, что наши святые
Удержали свои рубежи
И вложили слова золотые
В кладовую бессмертной души.

Сергей КОЗЛОВ

Ханты-Мансийск

ЮГОРСКАЯ ВЕСНА

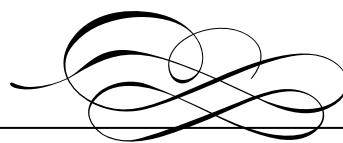
На берег выйду: синь и ширь,
Иртыш готов расправить плечи.
Почти оттаяла Сибирь
И изострила сосен свечи
Вглубь, в позолоченную высь
Расчищенного к Пасхе неба.
И гнёзда птичьи завились,
И плыл с пекарни запах хлеба...
Земля вот-вот вздохнёт травой,
А сердце — нераскрытой тайной.
Как хорошо, что мы с тобой
Так долго жили на окраине.
Имперских будней круговерть
Нас не лишила созерцанья.
Христос Воскрес! Исеяла смерть!
И обновилось мирозданье!

* * *

Ноябрём притворился апрель,
вот и снежная сыпь
На асфальте, как признак болезни,
как соли следы.
В небе хмарь разбухает и хмурится
долгая зыбь,
Нету — солнцу дороги, протоки —
для чистой воды.

Даже в Пасху Христову срывалась
с орбиты Земля,
И, казалось, в порывах теряла
условную ось.
То ли всадник на бледном коне,
устремлялся в поля.
То ли время, прикинувшись мёртвым,
за ним пронеслось.

Что мне ваш декаданс?
Мне хватает давно своего!
Брюсов мне не товарищ, и Скрябин
во мне не звучит!

Надо мною звезда Вифлеемская,
Слово Его,
Что над маковкой церкви мигает
в холодной ночи.

Нет тепла над Землёй? Но страшнее,
что нету в душе...
Будет первым последний, и Третьим
окажется Рим.
Пусть весна и душа толерантно
не лезут в клише,
Я, как мытарь последний, пойду
потихоньку за Ним.

РУССКИЙ ГЕНИЙ — АЛЕКСЕЙ КОЛЬЦОВ

*О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.
По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в златой ряднине
Твой Алексей Кольцов.
В руках — краюха хлеба,
Уста — вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.*

Сергей Есенин

Наследие поэта Алексея Васильевича Кольцова невелико по объему, но очень значимо по своей художественной ценности. И видное место в истории русской литературы он занял прочно и по праву. Иной читатель может счесть Кольцова анахронизмом, примитивом, позавчерашним днем. Ведь его стихи бесхитростны и естественны. Многие из них он сам пел на мотив крестьянских песен:

Не видал я красных дней;
Жил в степях с коровами,

Грусть в лугах разгуливал,
По полям с лошаdkою
Один горе мыкивал.

Но именно песенным народным складом, поэтической новизной, своей самобытностью поразили современников стихи Алексея Кольцова. И если бы не эта самобытность, имя Кольцова могло и не удержаться в памяти поколений. Как определилась оригинальность Дениса Давыдова в гусарской песне, так оригинальность Алексея Кольцова определилась в песне крестьянской.

Он творил поэзию, соединившую Пушкина и Лермонтова с Некрасовым. Россия ждала такого поэта. Об этом говорил Николай Добролюбов: «Нам нужен был теперь поэт, который с красотой Пушкина и силою Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую форму стихотворений Кольцова».

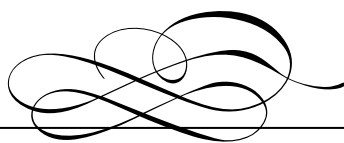
Поэт пришел в свой урочный час. За ним пришли Никитин и Некрасов. Без Кольцова немыслимо представить Клюева, Исаковского, Твардовского и других народных поэтов.

В поэзии Кольцова композиторы всегда находили неиссякаемые родники песенности и романсовости. Глинка и Варламов, Даргомыжский и Гурилев, Римский-Корсаков и Мусоргский, Балакирев и Рубинштейн, Рахманинов и Глазунов — вот далеко не полный список композиторов, обращавшихся к кольцовским текстам.

Жизнь Алексея Кольцова была столь же мучительна, сколь и прекрасна своими порывами и творческими свершениями.

В душе страсти огонь
Разгорался не раз,
Но в бесплодной тоске
Он горел и погас...

Многие земляки тягу Алексея Васильевича к сочинительству считали чем-то вроде сумасшествия. Так, приказчик семьи Кольцовых вспоминал: «Малый-то был ничего, да знаете, чудаковат был: в сочинители записался. Где бы делом заняться, а

он песни сочинять. Бывало, летом в степи, особенно по вечерам, при солнечном закате, уже смеркаться начнет, а он, сердечный, и ну писать, и ну писать. Мы его — Лексей Васильевич! Лексей Васильевич! Куды там, не слышит, глядит как истукан. В ту пору совсем чудачком глядел».

В знаменитом герценовском мартирологе, вслед за именами российских гениев Пушкина, Лермонтова, Веневитинова, сказано: «Кольцов убит своей семьей, тридцати трех лет».

«Гениальным талантом» назвал Алексея Кольцова и Виссарион Белинский, который обычно был скуп на подобные определения. До Кольцова он говорил о гениальности только Пушкина, Гоголя и Лермонтова.

В свое время Валериан Майков, почти современник Кольцова, попытался определить масштаб кольцовой поэзии в перспективе: «Он был более поэтом возможного и будущего, чем поэтом действительного и настоящего».

Еще через несколько лет в одной из своих поэм Некрасов назовет песни Кольцова «вещими».

Так кто же он — этот простой русский гений Алексей Кольцов?

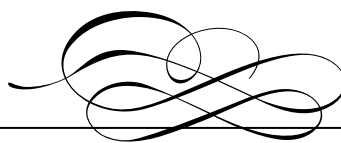
Выдающийся русский поэт Алексей Васильевич Кольцов родился в Воронеже 3 октября (15 октября н.с.) 1809 года в семье купца-прасола, торговца скотом. Учился в уездном училище, но, не окончив и двух классов, был взят отцом в помощники по прасоловским и купеческим делам. «Прасол — поясом опоясан, сердце пламенное, а грудь каменная», — говорила о прасолах местная поговорка. «В самом деле, — рассказывал Михаил де Пуле, — в занятиях и в образе жизни прасола было много увлекательного, много было трудов и опасностей, одно преодоление которых уже закаляло характер человека. В прасольстве было много казацкого, удалого, что так нравится русскому человеку. Прасол, прежде всего, лихой наездник. Он вечно на лошади, на лихом донском коне, который смело перепрыгивает через овраги, плетни, через всякую

деревенскую огорожу и несется вихрем в степях. Прасол такой же джигит, как казак, он на скаку хватает руками землю и бросает ее в деревенских красавиц, любующихся его удалью, он не остановится ни перед каким барьером. Он и одет по-казацки — в черкеске и в широких шароварах, опоясан ремненным поясом с серебряными украшениями, на голове у него барашковая шапка. У него и походка, и фигура чисто казацкие: сутуловатый, он ходит увальнем, с перевалкой и как бы с вывернутыми ногами». Сутуловатая фигура Кольцова была фигурой именно казака, кавалериста.

Перед взглядом Алексея Кольцова проходили гурты скота, он присутствовал на бойне, видел кровь, ездил по базарам, «обманивал людей и иногда подличал», как скажет он сам много позднее. Он отлично знал воронежскую губернию, нравы всех слоев населения, психологию пахаря-труженика, купца, мещанина.

Шестнадцати лет Кольцов начал сочинять стихи. В 1831 году стихи двадцатидвухлетнего поэта были напечатаны в «Литературной газете». В том же году, приехав в Москву, Кольцов познакомился с Белинским и нашел в его лице своего литературного учителя и друга. Великий критик написал две статьи — «Стихотворения Кольцова», «О жизни и сочинениях Кольцова» — статьи, сыгравшие решающую роль в творческой судьбе поэта. Вскоре увидела свет его первая книга стихов, состоящая из 18 стихотворений.

В начале 1836 году Кольцов снова поехал в Москву и оттуда в первый раз в Петербург — по тяжёлым и торговым делам отца. В Петербурге Алексей Кольцов приобрел много литературных знакомств; виделся с Пушкиным, радушно принят был Одоевским, Жуковским, Плетневым. На вечере у последнего его встретил Иван Тургенев, сохранивший для нас в своих «Литературных воспоминаниях» тогдашний облик поэта. Из новых отношений Кольцов сумел извлечь и практическую пользу для дел отца, получив поддержку князя П.А. Вяземского и князя В.Ф. Одоевского.

Когда в июле 1837 года в Воронеж, сопровождая наследника престола, приехал Василий Жуковский, он не раз виделся с Кольцовым и обласкал его на глазах у всех. Эта неожиданная честь подняла поэта в глазах и отца, и воронежских обывателей.

К самому началу 1838 года относится третья поездка Алексея Кольцова; сперва он пробыл некоторое время в Москве, где сблизился на этот раз с Михаилом Бакуниным, видался с Аксаковыми; затем побывал в Петербурге, в мае Кольцов снова был в Москве, а к июню возвратился в Воронеж.

Нам не известны подробности этой поездки и вынесенных поэтом впечатлений, но именно с этого времени начинается все сильнее звучать в письмах Кольцова двойная нота — недоверия к своим силам и отчуждения, даже озлобленности по отношению к среде.

Он мечтает изучить русскую и мировую историю, выучиться по-немецки, хочет прочитать Шекспира, Гете, Байрона, Гегеля, углубиться в астрономию, географию, ботанику, физиологию, зоологию и другие науки. Предполагает два года попутешествовать по России.

Он мечтает отделаться от замучивших его торговых забот и отдаться творчеству. Приходят разные планы: открыть книжную лавку, заведовать конторой «Отечественных записок».

В это время Кольцов все более отдаляется от своего старого окружения: «С моими знакомыми расхожусь помаленьку... наскучили все, — разговоры пошлые... они надомной смеются»...

В сентябре 1840 года Кольцов снова пустился в путь, на этот раз с особенно важными поручениями: надо было добиться окончания двух тяжб — одной в Москве, другой в Петербурге — и, кроме того, продать два гурта скота, которые стоили не менее 12 тысяч. В Москве он пробыл до октября, а затем два месяца провел в Петербурге, где остановился у Белинского. В Москву Кольцов возвратился 27 ноября и новый 1841 год встретил у писателя Васи-

лия Боткина в большой компании. Встреча была шумная и на широкую ногу.

В Москве Кольцов сильно издержался, бедствовал, не знал, как добраться домой, где его одно время считали пропавшим, не думали, что он возвратится.

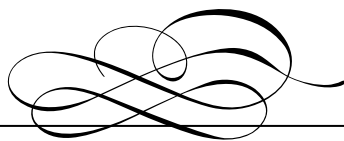
В Воронеже его ждал тяжелый разрыв с отцом и любимой младшей сестрой — на почве денежных счетов: из двух процессов один был проигран, гурты были проданы невыгодно, деньги были потрачены неразумно. Сложная личность поэта имела натуру по-народному широкую, толкавшую его на разгул и излишества. Кольцов оказался опутан долговыми обязательствами.

И в этот печальный период в его жизни разыгрывается еще одна драма, из-за чего он совершенно потерял голову. Это было увлечение бурно-чувственного характера — предметом любви оказалась женщина, давно отвергнутая воронежским обществом. Кольцов сам достаточно ясно обрисовал ее: женщина «для преступных наслаждений, для сладострастия без любви»; поэт обещает вывести ее «из бездны страшного греха», как бы тяжело ни было им «проходить перед язвительной толпой». Желание поэта исполнилось, но результатом связи стала тяжелая болезнь и мучительная предсмертная агония, длившаяся больше года. Больной и покинутый Кольцов остался на руках у родных, которым он совсем опостылел.

Это время — истинная трагедия в жизни поэта. Домашние, кроме матери, являлись первыми его мучителями. Даже любимая сестра Анисья в самый разгар болезни брата задумала выходить замуж и вместе с подругами, рядом с его комнатой, устраивала пародию в лицах на его похороны, а все другие поступали нарочно наперекор его просьбам.

«Сестре на свадьбу отец нашел десять тысяч рублей, а больному сыну нет двести — на лекаря», — писал поэт...

29 октября он умер внезапно, без страданий — в то время как старушка-няня поила его с ложки чаем: он был слаб как ребенок,

едва мог сидеть и говорил шепотом.

Смерть его, давно ожидаемая, была встречена семьей как освобождение. Крутой, неподатливый отец не подал вида, что сколько-нибудь тронут; но на скромном памятнике, который был им поставлен на могиле поэта, была сделана, вероятно, по его желанию составленная, очень характерная в своем безграмотном красноречии надпись: «Просвещенной безнаук природою награжден Монаршею милостию скончался 33 годов и 26 дней в 12 часу брака неимел».

От Алексея Кольцова осталось его творчество, которое оказалось бессмертным.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей.
Разрядись: уберись
В свой наряд голубой
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря,
Пусть сияет любовь
На устах у тебя;
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна, хороша
Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей!

ХУТОРОК

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.

В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову...

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил;
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

Опознился купец
На дороге большой;
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

Засветился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.

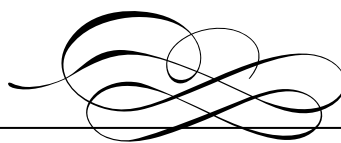
За столом с рыбаком
Уж гуляет купец...
(А в окошко глядит
Удалой молодец)...

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелся душа!
И — как глазом моргнуть —
Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Уж никто не живёт;
Лишь один соловей
Громко песню поёт...

Подготовил
Николай Сапелкин

Леонид КОЛГАНОВ

Израиль, Кирият-Гат

СНЕЖОК ИЗ ДЕТСКОЙ ПЕРЧАТКИ

Сокольники! Марьино Роща! —
Вы тяните руки ко мне,
И сразу становится проще
Во взрослой моей стороне!

Вы руки простёрли... И детство,
Придвинувшись, рядом стоит,
Щемящее ваше соседство —
Снежком из перчатки — сквозит!

По жизни идя, как по склону,
Лишь к вам я спешу, наугад,
Так птицы летят неуклонно,
Так рощи бредут под закат!

Сокольники! Марьино Роща! —
Из детской перчатки моей —
Глядят, словно стяги полощут,
Сожжённых былых кораблей!

Нелепых надежд и желаний,
Что спят, как царевны, в груди,
Но — свежую сыростью тянет —
Снежок из перчатки! Иди!

Тот давний снежок, как бывало,
Как в детстве спадая, манит
И гонит к ночному вокзалу,
И там — растворяться велит!

ИСТЫЙ ПУТЬ

На голом камне голой правды
Весной ничто не зацветёт...
Из вод Каялы и Непрядвы —
Княгиня-Истина встаёт!

Она колеблется меж ложью
И правдой, что у всех своя,

Она бредёт по бездорожью
Раздвоенного Бытия!

Она бредёт — среди лжи кромешной,
И мёртвой правды, гробовой,
Своей Землёй, — святой и грешной,
Своей стезёю — роковой!

Какие буйные пороги,
Какая мутная волна,
Все перепутаны дороги,
Правд — много! Истина — одна!

О, истой Истины истоки,
Начал исконных не найти,
«Святые черти», как пророки,
Встают, как прежде, на пути!

И туч лохмотья, как распутья,
Над затуманенной водой,
И кажется — то сам Распутин
Метёт по волнам бородей!

Заката огненные перья
Петушьим заревом горят,
И чудится — то вор Отрепьев
Кремлёвским пламенем объят!

Сползают сизые сутёмки
На Волги трепетную грудь,
И князь неистовый Потёмкин
В потёмках ищет истый путь!

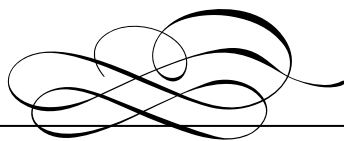
У ГИБЛОЙ ИЗЛУКИ

(В связи с Глобальным потеплением относительно не только к Святой Земле)

«Сухорук» — человек с высохшей рукой.

Толковый словарь

Сухую рукою — страна усыхает,
И сужено русло реки.
Последний оазис пустыня качает
На чаше песчаной руки!

И засуха дышит — египетской мукой,
И тлеет земля от огня.
И жар Суховея, как длань «сухорука»,
Быть может, задушит меня!

Иссохшей воды — пожелтелой излучкой,
Иль мумии — чёрной рукой...
А брал ведь когда-то сам Бог на поруки,
Склонясь над Великой Рекой!

А брал ведь когда-то сам Бог на поруки,
Как эти года далеки!..
И я задыхаюсь у гиблой излучки
Задушенной ныне реки!

ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ

Сознание дремное проснулось,
Как подколотая змея,
И — серым волком обернулось,
И дышит — смрадом бытия!

Ау, Алёнушка-сестрица,
Уйдёт твой братец в никуда,
И — в оборотня обратится,
Испив из волчьего следа!

И будет рыскать — в злобе лютой,
Как окаянный князь Всеслав
Или опричный пёс Малюта,
Тебя — в конце пути, сожрав!

Затем себя, — свой же пастью,
Клыками — дробно — кость круша,
И будет рваться на все части
Его пропадающая душа!

Надежда КОНДАКОВА

СВЕТ

— Ты куда?
— За кудыкину гору.
— А зачем?
— И сама не пойму.
Чтобы там тосковать по простору,
по любви, уходящей во тьму.
Мы с тобой уходящие люди.
Но у жизни, сходящей на нет,
разве кто отберёт и отсудит
этот тихий, сияющий свет?!

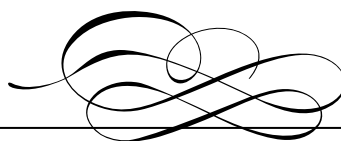
Словно тайное чувство свободы
и азартная прихоть игры,
он спасал нас во дни непогоды
и прельщал нас в иные поры.
И пребудет он с нами, покуда
есть надежда, что даже во сне
он хранит среди скверны, как чудо,
как Егорий на белом коне.

Ну а там, где замышлены танцы
на иной, закудыкинский лад,
мы с тобой чужаки, иностранцы,
мы не местные, как говорят.
Но поскольку и сам он не местный,
не расчётный на первый-второй,
он найдёт нас и за неизвестной,
за кудыкиной этой горой.

— Ты не веришь? Я тоже не верю,
что зазря в Гефсиманском саду
свет сиял за прикрытою дверью.
Ты уходишь? Я тоже иду.

* * *

Никто никому не нужен,
никто никому не брат.
И брошена горсть жемчужин,
и свиньи её едят.
О, как же они пируют,
(аж свински бросает в пот!) —
И те, что у нас воруют,
и те, кто в лицо нам врёт.
И пишут, перо макая,

то в желчь, то в бокал вина,
какая у нас, какая
нас любящая страна.
И даже во тьме оседлой,
где бьёт старика — урод,
все пишут про милосердный,
про жалостливый народ.
Никто никому не нужен,
никто никому не брат...
Но светится свет жемчужин
две тысячи лет подряд!

* * *

Хватит, с меня довольно
вашей слепой тщеты.
Бейте — уже не больно
даже от клеветы,
даже от замечанья,
брошенного тобой,
даже от умолчанья
в сытой толпе тупой.
Чем замещу потерю
связи или лица?
Только могилам верю
матери и отца.
Только от них навстречу
мне устремиться рад
розовый весь под вечер
девичий виноград.
Только от них ворона,
хитрая, словно тать,
будто во время Оно,
мне прилетит вещать.
Встанем у этой точки,
и от иных — уволь!
Вот вам и все цветочки,
жимолость каприфоль.

* * *

И вот стою у вашего корыта
непризнанная, странная, чужая.
Я не люблю пренебреженья к быту.
Я Пушкина на Мойке обожаю.

...Сейчас разрежут торт и расхватают,
потом разделят премии и гранты,
потом мелькнут, потом во тьме растают
Булгарины и прочие таланты.

Юрий КОНЕЦКИЙ

Екатеринбург

РЕДКОЗЕМЕЛЬНЫЕ МЕТАЛЛЫ

Л. Ладейщиковой

В мартенах плавилась руда...
А бесполезная порода
Копилась за грядой гряда
В отвалах старого завода.

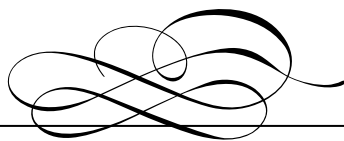
Преображённая в огне,
Спешила сталь служить России,
И лишь отвалы в стороне
В безвестной стыли летаргии.

Над ними беркуты-ветра
Кружились в зимы-снегопады,
Не веря, что придёт пора
Явить запрятанные клады...

Так в стол кладут рубины строк...
Но — воскресают из опалы
За век накопленные впрок
Редкоземельные металлы!

Неоценённые сперва,
Они в решительные сроки
Вступают в звёздные права,
Как поэтические строки!

...Пусть нас безвестность прознобит
В подвалах редких антологий,
Но, исходя из аналогий,
В эпоху новых технологий
Триумф поэтам — предстоит!

**ПЕРЕВОДЫ
французских стихотворений
М.Ю. ЛЕРМОНТОВА**

[Н. Ф. ИВАНОВОЙ]

Когда твоей улыбки свет
Пролился в сердце мне,
Хранить ли стану мой секрет
В сердечной глубине? —

Чтоб годы грешные меня
Не гнули, как лозу,
Молюсь и — прошлое кляня! —
Лью тихую слезу.

Был тёмн я, как мрак ночей,
Как твердь, где Бога нет,
Когда бы не твоих очей
Непостижимый свет!

Так чудно! — в странности самой
Тот день благословлять,
Когда меня ты, ангел мой!
Заставила страдать!

1831 г.

[М. А. ЛОПУХИНОЙ]

Не верю больше я надежде,
И что от будущего ждать?
Сквозь вёрсты пыльные — как прежде —
О Вас я стану вспоминать.

За Вами буду ежечасно
Следить с далёких берегов,
А грянет гром грозы ужасной —
Зовите, — я спешить готов...

1832 г.

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

Московская обл., г. Железнодорожный

ПРОЩАНИЕ

Листопад об осени вешает,
Замечает проторённый путь...
Уезжает милый, уезжает.
Встретимся ль ещё когда-нибудь?

Только ветер сырый, осень только...
Но в душе всё так же горячо.
Ничего-то не сказали толком,
Не договорились ни о чём.

Поезд уходил в земные дали,
Северного неба рвался лён, —
Только взгляды в радугу сплетались
И горел пристанционный клён...

Но пахнуло вдруг недалёким снегом,
Пронеслось над клёном молодым, —
И вздохнуло мудрое Онего
Над вокзалом, мокрым и пустым...

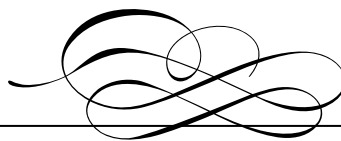
МАМЕ

Не хочу, не могу, не умею
Свою душу закрыть на засов.
Нет тебя — я и дома немею,
Не хватает ни духа, ни слов.

Только вспомню — и слёзы рекою
На краю пробежавшего дня:
Как махала ты слабой рукою,
Как крестила вдогонку меня...

Век пройдёт — эту боль не миную,
Не забуду о том никогда.
Обжигают твои поцелуи —
Те, прощальные, что навсегда.

Подожди же — у самого края,
Скоро небо споёт о весне...
Я молюсь о тебе, дорогая!
Помолись же и ты обо мне...

Владимир КОСТРОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как вступление к «Хаджи-Мурату»,
сторона моя репьем богата
(стойкий, чёрт, — попробуй, оторви!).
Да ещё грачами
да ручьями,
круглыми,
протяжными речами,
как ручьи, журчащими в крови...
Конский шар катну ботинком узким,
кто их знает, шведским ли, французским...
Дом родимый — глаз не оторвать!
Грустная и кроткая природа,
вот она —
стоит у огорода
маленькая седенькая мать.
Рядом папа крутит папиросу.
Век тебя согнул, как знак вопроса,
и уже не разогнуть спины.
Здравствуй, тётка, божий одуванчик,
это я — ваш белобрысый мальчик.
Слава богу, слёзы солёны.
Вашими трудами, вашим хлебом
я живу между землёй и небом.
Мамочка, ты узнаёшь меня?
Я твой сын!
Я овощ с этой грядки.
Видишь — плачу, значит, всё в порядке:
если плачу, значит, это я.

* * *

Терпенье, люди русские, терпенье:
Рассеется духовный полумрак,
Врачуются сердечные раненья...
Но это не рубцуются никак.
Никак не зарастает свежей плотью...
Летаю я на запад и восток,
А надо бы почаще ездить в Тотьму,
Чтоб положить к ногам его цветок.
Он жил вне быта, только русским словом.
Скитания, бездомье, нищета.
Он сладко пел. Но холодом медовым

Суровый век замкнул его уста.
Сумейте, люди добрые, сумейте
Запомнить реку, памятник над ней.
В кашне, в пальто, на каменной скамейке
Зовёт поэт звезду родных полей.
И потому, как видно, навсегда,
Но в памяти, чего ты с ней не делай,
Она восходит, Колина звезда:
Звезда полей во мгле заледенелой.

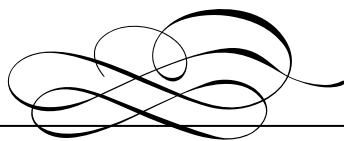
* * *

*Василию Ивановичу Белову
на 75-летие*

Понял я, твои книги читая,
И тебя наблюдая давно:
Для меня ты похож на Чапая
Из любимого с детства кино.
К деревням за лесами и мхами,
Как бы в дальней уже старине,
Привозил его киномеханик
И на белой крутил простыне.
На стене в вологодской конторе
Перед будущим временем чист,
Плыл под пулями Бабочкин Боря,
Твой любимый народный артист.
Пусть теперь седина и морщины
И нельзя воротиться назад,
Нам стрекочет динамо-машина,
Чёрно-белые кадры спешат.
Много что передумал я за ночь
И решил: сквозь свинцовую ложь
Так и ты, мой Василий Иваныч,
Через годы в бессмертье плывёшь.

* * *

Две берёзы над жёлтой нивой,
Три иконы на чёрной стене.
Я родился в земле несчастливой,
В заветлужской лесной стороне.
Деревянная зыбка скрипела,
Кот зелёно сверкал со скамьи,
Белой вьюгою бабушка пела
Журавлиные песни свои.

Отгорит золотая полова,
Дни растают в полуночной мгле.
Ничего слаще хлеба ржаного
Не едал я потом на земле.

Ухожу под другое начальство,
Только буду жалеть о былом.
Слаще русского горького счастья
Ничего нет на шаре земном.

* * *

Через окно убегала из дома ты.
Берег крутой. Да зеркальная влага близка.
Как нас с тобой привечали
ветлужские омуты —
Тёмный провал, золотая полоска песка.
К небу бросая свою тесноту сарафанную,
Лодочку-туфельку срывая с ноги,
Ты уплывала дорожкой лунной обманною
В звёздную осыпь, в несчастые рыбы круги.
И возвращалась назад, молодая и смелая,
С тёмными змейками мокрых волос
на висках,
Чтобы забиться, как рыба, могучая белая,
В жадных моих, ошалелых от счастья руках.
Слышу плескание, вижу мерцание,
По берегам огоньки деревень,
Слышу коня одинокое ржание,
Шорох Ветлуги, наполненной всклень.
Ох, глубоки моей памяти тёмные омуты,
Годы и воды бегут чередой.
Если ко мне убежать соберёшься
из дома ты,
Не поскользнься на росистой дорожке
крутой!

Лев КОТЮКОВ

* * *

Влюблённый — не совсем человек

И. Цейхонович

Душа обращается в плоть.
Влюблённое сердце звереет.
Людей пожалеет Господь,
А нелюдей кто пожалеет?

Такие вот строки в бреду
Роятся в сознание жестоко.
А где-то в закатном саду
Томится любовь одиноко.

Себя не жалеет любовь,
Не помнит, что вечность за нами.
И свет обращается в кровь,
И кровь обращается в пламя.

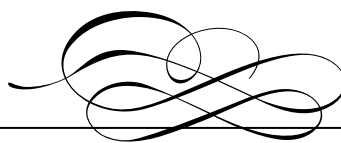
Я ринусь во тьму из огня,
Пусть сердце моё леденеет...
Авось, не жалея меня,
Любовь обо мне пожалеет.

Душа обращается в плоть.
Молчанье в садах опалённых.
Людей пожалеет Господь,
Но кто пожалеет влюблённых?..

* * *

Не ведаю: где нынче была и небыль.
Стою во тьме у замерших раки.
Снежинкою с невидимого неба —
В огонь времён душа моя летит.

А время — в бесконечном невозможном,
И время до рождения — во мне...
Но жизнь-снежинка на ладони Божьей
Не тает в грозно-яростном огне.

Поэт, как волк, напѣётся натошак...

Николай Рубцов

Как грустен пафос ложных чувств,
Грустней, чем водка без закуски.
Но всё никак не излечусь
От этой глупости по-русски.

И тороплюсь своё сказать
В словах до пошлости красивых,
Что смерти, в общем, наплевать
На несчастливых и счастливых.

Упорно говорю не то!
И не могу остановиться,
Что, повторясь в других, никто
В самом себе не повторится.

Я, может быть, к себе суров,
А, может быть, тщеславен вот как!
Но гнусен пафос ложных слов
Под водку в обществе погодков.

И не обманешь эту жизнь
В угаре самовосприятия...
Неверна сумрачная мысль,
Неверны братские объятья.

Пьют за меня, не видя дна,
Мои усталые погодки...
Но, Боже мой, о, как грустна
Закуска на столе без водки.

Валерий КРАСКО

Дождусь, пока стемнеет, и усну:
во сне увижу маму — я и мама,
Увижу чёлн, плывущий из тумана,
неся на алых парусах весну.

Дождусь, пока стемнеет, и весне
отдам все осени самообмана,
во сне увижу маму — я и мама,
себя и нечто новое во мне.

Дождусь, пока стемнеет —
бытия
боль отболит, сон утолит как манна:
во сне увижу маму — я и мама,
во сне увижу Бога — я и Я.

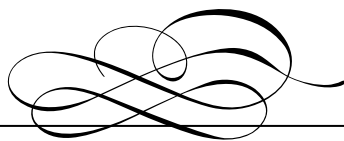
Осенняя синяя тьма
с одной стороны,
а с другой —
внезапно настала зима,
бубенчик звенит под дугой,

и жизнь, весела и светла
от холода и от пурги,
кружи т от села до села,

и слышится из-под дуги,
что даль, как весна, далека,
но сбудутся вешние сны:

с одной стороны — лишь века,
и Вечность — с другой стороны.

Геннадий КРАСНИКОВ

* * *

...И дольней лозы прозябанье

А. П.

* * *

*В. Набокову —
коллекционеру бабочек*

За день
тысячу раз взлетали,
за день
тысячу раз устали,
а ведь крылья-то
не из стали,
не из грубого барахла —
легче шёлка и мягче фетра,
облетающие от ветра,
словно слепленные из пепла —
всё, что вечность
для них нашла!..

...Вот и вечер.
Солнце померкло.
День окончился.
Жизнь прошла.

ДРУГУ-КРИТИКУ, ЛЮБЯЩЕМУ ТОЛЬКО ПОКОЙНЫХ ПОЭТОВ

Извини, что не повесился,
к пуле-дуре не воззвах,
оттого и не повысился
статус мой в твоих глазах.

Непростительные минусы!
Но решил я дальше жить,
оттого твоей мне милости
и любви не заслужить.

Только умный догадается —
жизнь какую я терплю,
если от неё стреляются
и бросаются в петлю.

Вот и думай, как я выгляжу,
и достоин кто венца, —
смертью жизнь поправший или же
претерпетый до конца?..

Явились незваны-непрошены
и судят грехи наши тяжкие —
пророки с биндюжными рожами,
оракулы с бабьими ляжками.

Шумят языки празднословные,
уста не смолкают лукавые,
и шьют нам судьбу уголовную,
и сны навевают кровавые...

Галдят о каком-то призвании,
что было-де им откровение —
и дольней лозы прозябание,
и ангелов горних видение...

...А листьев полёт всё летальнее,
и мысли приходят невольные,
что всё-таки дольнее — дальнее,
и не всякое дальнее — дольнее...

ПОВЕСТЬ

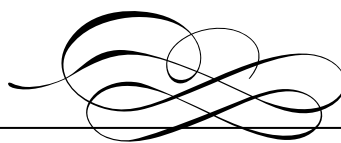
В каждом домишке — свои мышки,
свои кубышки,
свои воришки.

В каждом домишке — свои задвижки,
свои верижки,
свои припрыжки.

В каждом домишке — свои умишки,
свои мыслишки,
свои интрижки.

В каждом домишке — свои людишки,
свои одышки,
свои отрыжки.

В каждом домишке — свои делишки,
свои пышки,
свои шишки.

В каждом домишке — свои вестишки,
свои винишки,
свои смертишки...

В каждом домишке,
В каждом домишке...

Борис КРАСНОВ

Санкт-Петербург

* * *

Подобно течениям в океане
(четное — на запад, нечетное — на восток),
время течет в обе стороны. Заранее
не угадаешь, в какой попадешь поток.

Бросишь бутылку в быстротекущую воду,
думаешь: к потомкам отправил привет.
А она приплывет к какому-нибудь Гесиоду,
к самому началу дремучих лет.

И этот Гесиод, которому все известно,
будет ночами не спать,
расшифровывая мой бред.
А потом признается мудро и честно:
ничего-то нового на этой земле нет.

И он причислит меня к допотопным
шумерам
и опишет меня гекзаметром
в тысячу строк.
И рукопись свою, аналогичным манером
запечатав, бросит в другой поток.

* * *

У страха шаги широки...
Я вытряхну шум из дороги,
я выплесну боль из руки
и выйду за темные стоги.

Там месяца ржавый крючок,
там запах соломенной браги,
там каждый глазастый сучок
кричит о бревенчатом мраке.

Я вырву огонь из травы,
что Времени оси вращает.
Пусть ветер поверх головы
кочующих духов качает.

Пусть небом возвышенный страх
растет, полыхает, ветвится...
Пусть сердце на всех парусах
к бесстрашному берегу стремится.

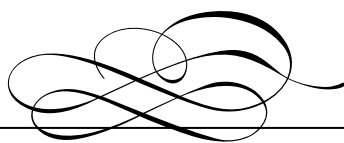
* * *

У морехода компас есть,
чтобы держать курс.
В море, где небо полно туч
и горизонт гол.

Есть у слепого посох-друг,
чтобы в тропу стучать.
Если твердый сухой звук,
значит — иди вперед.

Как же мне до цели дойти,
той, что мне Бог дал,
если компаса нет у меня,
если посоха нет?

Григорий КРУЖКОВ

ОДИНОКИЙ

Этот человек гуляет один вечерами.
Он неотличим от других прохожих —
Кеды, куртка, кашне в полоску.
Ходом шахматного коня он обходит доску:
Эту партию он может играть вслепую.
Приближаясь к очередному киоску,
Морщит лоб и достает папироску,
Дым пускает и держит ее в кулаке
как дулю.

Этот человек гуляет один вечерами.
Сколько лет ему, сколько зим неизвестно.
Хорошо, что никто не лезет к нему
в кастрюлю,
Не проводит пальцем по зеркалу гардероба.
Вечерами — в час, когда тени встают
из гроба,
Он выходит во двор, достает из кармана
пачку,
Огонек зажигает торжественно,
словно свечку —
И выгуливает свою невидимую собачку,
И пасет свою заблудившуюся овечку.

ЛЕБЕДЬ

Не люблю я природу, родную природу,
Мне не нравится лебедь, ныряющий в воду
С очевидною целью набития зоба;
Если лебедь с подругой — не нравятся оба.

Птица-двойка, невинного бич ангелочка,
Мне милей; подгребки к ней
ничтожная точка,
Плюсик маленький, крохотная запятая, —
Лишь зрачком поведет, никого не глотая.

Двойка мне симпатичней, чем лебедь, —
за то, что,
Как душа, с матерьяльного снятая кошта,
Незлобива, рассеянна и бескорыстна:
Птичка Божия, сушая ныне и присно.

Марина КУДИМОВА

* * *

Безлошадный топтатель обочин,
Путешественник в позавчера.
Хорошо августовские ночи
Вот с таким коротать у костра.

Хорошо, бестревожно, безвидно
Прижимать ягодицы ко дну.
И, пока еще лето ликвидно,
Он меня не оставит одну.

Хворостиной золу расшурует,
Отпустив золотые бразды,
И к рассвету, глядишь, расшифрует
«Черный ящик» упавшей звезды...

ОДНОМАНДАТНИК

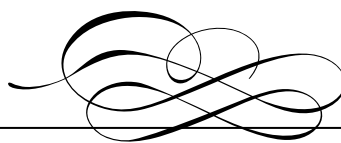
Ты подставляешь свой лопатник
И палачу, и щипачу...
О человек-одномандатник,
Как я тебя избрать хочу!

И округ свой ты знаешь дурно,
И нормы в очи не видал.
О если бы, как в шелку урны,
Ты пальцем в небо попадал,

То Богом, а не депутатом
Ты стал бы или стать бы мог,
Но ксерокс твой или ротатор
Не считывает слово «Бог».

Будь я удмуртка иль татарка,
Чукчанка или же эрзя,
Претила б мне мажоритарка,
Где быть единственной нельзя.

Так вечно мне мешает что-то —
То очередность на прием,
То переменчивая квота —
С тобою обрестись вдвоем

И раскумекать досконально,
Но не впадая в забытье,
Как впрямь непропорционально
Здесь представительство твое.

Людмила КУЗНЕЦОВА

Воронеж

Между Медовым и Яблочным Спасом
август прольёт благодать.
Яблоки с золото-рыжим раскрасом
стану в подол собирать.

И понесу их, сутулясь, до дома.
Сердце сожмётся в груди —
солнечный мальчик под вечер медовый
встретится мне на пути.

Яблоки рухнут на землю, а в небе
будет весь сад распростёрт...
Песня неспетая, ясная небыль,
не запылавший костёр!

Здравствуй, несуженый!
Здравствуй, неряженый!
Свет в окошке не мой.
Протуберанцами солнце наряжено
над твоей головой.

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Памяти Риммы Казаковой

Всю жизнь — как по лезвию бритвы.
Назад отводя локотки,
Ломала привычные ритмы,
Ловила движение строки.

И в страстном сражении с ложью,
Ее угадав за версту,
Одна, без страховки, без лонжи
Искала свою высоту.

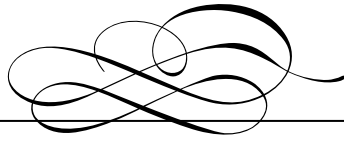
И жизнь свою неудержимо
Сжигала, пока не сожгла.
Любима была, нелюбима.
Но главное всё же — была.

Но главное — не изменила
Ни сути, ни цели своей.
И всех, кто обидел, — простила.
И всё раздала из вещей.

И там, у Святого порога,
От плоти освобождена,
— Грешна ли? — услышав от Бога,
Покорно ответит: — Грешна.

И прежде чем снова вернется,
Иные освоит пути.
А нам еще только придется
Всё это однажды пройти.

А нам еще словом и взглядом
Искать на земле её след,
И видеть, и чувствовать рядом
Живой и немеркнувший свет.

* * *

Меж каньонов, карьеров, откосов сыпучих,
Где, царапая дно, ветер гонит песок,
Где нависли жилища, как гнёзда, на кручах,
Где таинственной птицы звенит голосок;

Где нанизано небо на шпиль кипариса,
Где берёза роняет листву к декабрю,
Где листается книга цветочных капризов,
С лепестковым лепечущим лёгким
«люблю», —

Там моя, не привыкшая к вечному лету,
Оживёт, отогреется, дрогнет душа,
Этот путь, это время и эту планету
В триединстве вобрать безоглядно спеша.

Я как будто забуду студёные ночи,
Нежность снега и вьюги настой колдовской,
Но окажется слишком короток и прочен
Поводок. И тогда, возвратившись домой,

Я вмещу это лето в московскую зиму,
Я впущу его в сердце своё и жильё.

В нашей жизни, наверное, всё совместимо.
Но у каждого — время и место своё.

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Даниэле

О это превращенье вечное:
Ещё не сброшен детства кокон,
Но бабочкой трепещет женщина
Во взгляде, в том, как вьётся локон.

Ещё и замкнутость, и скованность,
И грусть, порой неодолимая,
Но видится сквозь замураванность
Та грация неповторимая,

Перед которой снег молитвенно
На землю падает усталую
И прикрывает нежно рытвины
Там, где ее стопа ступала бы.

И я стою смущённо около,
И я смотрю, замороженная,
Как крылья, влажные от кокона,
Расправленные, напряжённые

Вот-вот свободой наполнятся,
Подхватятся её потоками,
И небом трепет их запомнится
И звёздами, от нас далёкими.

И след светящийся останется
И, удаляясь ввысь, утончится.
Но только б крыльям не пораниться,
Полёту только бы не кончиться...

И долго — в голосе ли, в жестах ли —
Пускай пребудет сокровенное:
То — изнутри — свечение женское,
Во все столетия бесценное.

* * *

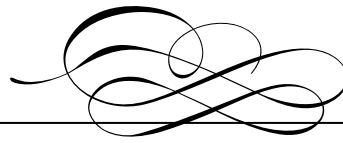
Я росчерком стрижа черчу твоё лицо
На фоне синевы, где облако белеет.
И ветер, налетев, берёт его в кольцо,
А стриж последний штрих никак
не одолеет.

Он в сторону стрельнёт и, вычертив зигзаг,
Уйдёт из-под руки и вырвется на волю.
Обидчица твоя, до слепоты в глазах
Слежу его полёт с раскаяньем и болью.

Зачем нужны слова? Зачем в короткий век
Мы гложем от обид? А стриж меж тем
мне чертит:
«Давно, усталый раб, замыслил
я побег...» —

Не удержать того, кто мыслит,
что бессмертен.

И трудно мне понять, во благо иль во зло —
Зачем последний штрих приладить
не умею,
Зачем тянусь к тебе под левое крыло,
Зачем казню себя, зачем тебя жалею.

* * *

Меж тайнами мрака и света
Есть поле особое — то,
Где Бога без Дьявола нету,
Где Дьявол без Бога — ничто.

Где Слово толкуется разное,
Где спутан порядок вещей,
Где преодоление соблазна
Бывает соблазна страшней.

Где сходятся грозные силы,
Но, их воплощая каприз,
Рождаются вдох легкокрылый
И выдох, и новая жизнь.

Станислав КУНЯЕВ

* * *

Когда мы вылетим в пространство,
отбросив тяготенья груз,
сперва покажется нам странной
потеря наших многих чувств.

Исчезнет столько предрассудков,
рожденных разумом земным!
Ведь, шутка ли, исчезнут сутки,
а с ними — суточный режим.

Исчезнут чувство горизонта,
власть горизонта над людьми,
и станет ощущение Солнца
сродни волнению любви.

И, где-то меж созвездий рея,
не зная, где тут верх, где низ,
мы ощутим, что даже время
сместилось со своих границ.

Но в этой небывалой жизни
забудем горечь всех потерь,

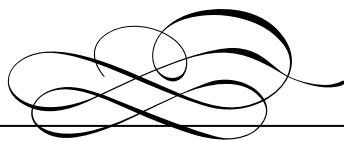
когда в иллюминатор брызнет
сверканье млечных пропастей.

И будет радостно расстаться
с привычками земных существ
за упоение пространством,
за этот бесконечный блеск!

* * *

Средь злых вестей
и невеселых слухов,
столь частых в мире,
думаю подчас:
детей почти не жалко,
жалко внуков,
жаль синевы их беззащитных глаз.
Зачем они бесстрашно доверяют
свои сердечки миру моему,
младенческие души отворяют
и, как слепые,
тянутся к нему?
Учились бы у деда,
чьи глаза

давно приобрели стальной оттенок
от дней войны,
от бед послевоенных,
так очерствел,
что не проймет слеза.
Беспечные чудные человечки!
Что значат ваши нежные словечки
и все мои суровые слова
пред безымянной и безликой мощью,
что белым днем и непроглядной ночью
калечит жизнь, покуда та жива.
Но им-то что!
Глядят во все глаза,
особо младший —
чистый одуванчик!
Гляди, гляди,
мой белокурый мальчик,
вдруг выживем — бывают чудеса...
Быть может, свет
твоих небесных глаз
пронизет тьму до самой сердцевины...
Быть может,
потому сильнее нас
те, кто чисты,
блаженны и невинны...

Вячеслав КУПРИЯНОВ

* * *

Птица еще поет
прекрасно и безмятежно
и девушки уже запели
свои песни
из которых они ни одну
до конца
не знают
и солнце застыло
никак не может зайти
заслушалось

* * *

Проблески мысли на горизонте
бессмысленно приводить
в боевую готовность
всепогодные истребители

Мысль может мелькнуть в глубинах —
бессмысленно заготавливать
глубинные бомбы

Мысль может разлететься белкой
по всем деревьям земного шара
и здесь бессмысленны
одиночные снайперы
а также танки артиллерия и вертолеты

Единственное что облегчает
борьбу с мыслью
это ее дислокация в голове человека
единственно чем человек может
защищаться

это скрывать
или не иметь своих мыслей

Вообще говоря мысль это не шутка
хотя в любой шутке уже проблеск мысли
и не на шутку смущают любую мысль
на все готовые пули бомбы ракеты

Вообще говоря мысль это дар
которым должно с другими поделиться
так было задумано на заре человека
и мысль человека никак не может
настаивать на закате
который бы не предвещал рассвета

Поэтому вечно
в глубинах и на горизонте
на закате и на рассвете
неистребимые
проблески мысли

Максим ЛАВРЕНТЬЕВ

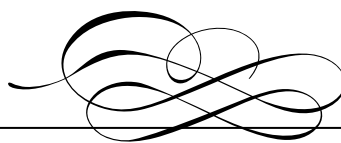
* * *

Нет, я ещё не свыкся
С маленькой ролью немого сфинкса.
Весь трепетанье плоти,
На берегу открываю рот —
А молчаливый плотник
Мимо меня по воде идёт.

Возле заставы горной
По вечерам надрываю горло.
Эвон моя таможня,
Кажется гробом издалека.
Если пойти, то можно
Встретить на буйволе старика.

* * *

Всё начинается с маленькой трещины,
Сущей безделицы, брошенной вскользь.
В чём-то не поняты, где-то не встречены —
И прошибает обида насквозь.
Всё начинается с глупости, с грубости,
Что по привычке прощаешь чужим,
И, принимаясь немедленно вглубь расти,
Скоро становится больше, чем жизнь.

Выжатые, бесконечно усталые,
И в захолустье, и в граде Петра,
Мы застываем на месте, как статуи.
Кажется: всё — затянулась петля...
Вот когда сила, что прежде так мучила,
Спать не давала, из сердца рвалась,
Вдруг исцеляет — волшебная музыка,
Будто впервые звучащая в нас.

Александр ЛАВРИН

* * *

Шекой к щеке — под шум дождя.
Сегодня ночью ветер с юга...

Ты забываешь, уходя,
Что мы любили не друг друга,
А шум дождя на чердаке,
Сухую пыль, матрац и стулья,
И жженье нежное в руке...

Как пчелы зимние из улья,
Слова летели невпопад,
Но в них угадывались губы,
И сквозь чердак светился сад,
И через дождь звенели трубы.

* * *

В Коломенском, где синь — легка,
А над крестами — просинь,
По клавишам осинника
Перебегает осень.

Звучит спокойно, сдержанно,
Но вдруг рванет аккордом
По зарослям прибрежным, но
Кровавым, как аорта.

И сразу все окрашено
Такою нежной горечью,
Такою бесшабашною
Полуденною полночью,

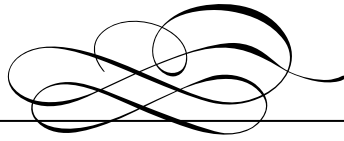
Что кажется — янтарный рай
Стал кольцевой дорогой —
Лети и разговаривай
С царевной-недотрогой.

Кружись бессонной птицею
Над храмом Вознесения,
Покуда время длится и
Пылает сень осенняя.

Здесь все когда-то сбудется,
Трава покроет трещины,
И сон реки заблудится
В глазах усталой женщины.

Здесь осень волоокая
В листве, как свет, сквозящая,
И ты —
такая легкая,
такая настоящая....

ЛЮБОВЬ ЛАДЕЙЩИКОВА

Екатеринбург

СИРОТЫ РОССИИ

[illegible]

Но девочка верит, покуда ей
отроду восемь,
Что мама найдётся... Вокзалы...
Подвалы... Детдом...
Живите спокойно, она ваших
денег не просит —
Стервозные дамочки
под бриллиантовым льдом.

...Покуда трясла я своей
 ветеранской сумою,
Пока сердобольную булочку
 молча пекла,
Покуда решилась: «Возьму,
 будет внучкой седьмою»...
Как вихрь, — неизвестность
 пылинку с дороги смела...

С тех пор по ночам меня ангел
ручонкою манит,
А я виновато шепчу: «Сохрани и спаси!»
...И скольких сирот ещё хищное
время обманет?
И скоро ль инстинкт материнский
вернётся к Руси?

ТРИ ВОЗРАСТА

Три возраста, три поля перешла,
Три памяти в себе соединила:
Свечой зажженной — в детскую вошла
И отрочество в юность проводила.

Взрослеют звезды... Молодость свою
Переживая заново и смело,
У изголовья вечности стою,
Чтоб жизнь во мгле погаснуть не посмела.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Юрию Конецкому

Откуда явилась — туда и вернусь,
Как сотни и тысячи звёзд,
Я знаю об этом — почти наизусть,
И время читаю насквозь.

Но сердцем к вселенским прильнув
воротам,
Отринув и ересь, и спесь,
Я вижу немало разумного — там,
И много прекрасного — здесь.

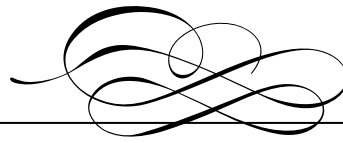
И бережно тронув летящий, земной,
Ещё не слежавшийся век,
Я чувствую, — рядом по следу, за мной
Охотник идёт, человек...

Мы стали, как пламя, объятые одним,
Одною укрылись судьбой,
Но нас выдаёт вулканический дым,
Рождённый любовной борьбой.

Тому, кто не ведал великую страсть,
Удар метеорный не снести.
Нам выпало счастье на Землю упасть
И райское яблоко съесть.

Сплелись наши корни, и кроны, и кровь,
Чтоб новую вечность зачать,
Но времени вызов призывно-суров,
И значит — пора помолчать.

Очнись, моя радость, к чему эта грусть?
Мы будем летать в облаках!
...Откуда явилась, туда и вернись,
Уснув у тебя на руках...

Елена ЛАПШИНА

* * *

С. К.

Я знаю эту хворь на грани невозврата,
когда с бельмастых глаз спадает пелена,
хотя ещё земли — не пять локтей на брата,
и воды — через край, и воздуха сполна,

и глохнет тишина от голосов утиных,
и пахнет первачом опавший прелый лист,
холодная роса висит на паутинках,
и яблочный послед скуласт и мускулист.

Тончает и сквозит всё зримое воочью,
но хочется ещё отодвигать итог,
и рано засыпать, и просыпаться ночью,
и слушать между стен мышинный топоток,

до ветхости носить простые плоть и платье,
и Бога не гневить, и бровь не гнуть дугой.
Надломленный ломоть, ездок
на самокате —
я всё ещё пылию, топчусь одной ногой.

* * *

Мне дашь ещё тридцать — к полудню,
но скоро — не дашь:
прошло, пролетело —
тщета-суета-камарилья.
Последняя хитрость, —
слегка полюбив карандаш,
оправить бровей отыгравшие
ломкие крылья.

И жить терпеливо,
и делать простые дела,
свой малый возок волочить
из безлюдного леса.
И брать эти скорби,
как лошадь берёт удила,
усвоив солёный устойчивый
привкус железа.

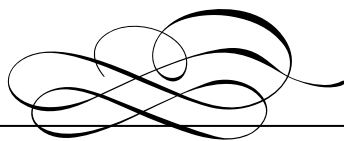
И ждать утешенья
под этой тяжёлой рукой —
за слёзы по нашей тщете
даже Бог не осудит, —
где только тупое терпенье
приносит покой, —
хотя бы немного покоя,
раз счастья не будет.

* * *

А жизнь, как ни спасала — не спасла.
И в темноте — далёкий плеск весла
да огонёк — чуть движущийся — дальний.
А там — страданья вечная страда,
и эта жизнь, идущая — туда,
уже не принимает оправданий.

А тут покуда — проводы зимы,
да молодые, взмыленные — мы, —
теряя оперенье в круговерти,
ни с тем, ни с этим светом не в ладу,
пленённые, как лебеди во льду.
И нам ничто не предвещает смерти.

Валерий ЛАТЫНИН

Красноярск

У РОДНЫХ МОГИЛ

У подножья скифского кургана,
Над которым ястребы кружат,
Меж крестов и звёздочек багряных
Дедушка и бабушка лежат.

Донник и чабрец медвянят горку,
Но полынь горчинку намела.
Вот такой же — сладкою и горькой —
Их судьба нелёгкая была.

Кто-то древом родовым гордится,
Чистотой породистых кровей.
Им неизвестно выпало родиться
В бедных хатах манычских степей.

Но на Божью волю не роптали.
И, по мере дара своего,
Сыновей и дочек воспитали
По высоким помыслам Его.

И хотя в безбожную годину
Дети отрицали эту связь,
Нить святая меж Отцом и Сыном
И бессмертным Духом не рвалась.

Потому в грязи вселенской смуты,
Средь соблазнов, сеянных не раз,
Разрывали дьявольские пути,
Отмывали жизненную грязь.

Длиться им в десятках поколений,
Чтящих родословную свою.
Я стою пред ними на коленях,
У истока вечности стою!

Валентина ЛЕЛИНА

Санкт-Петербург

* * *

Все тот же неба цвет, и непогода
всегда присутствует, и время года
неясно. И уже не снятся мне
ни в изумрудных зарослях дорога,
ни аист, циркулем стоявший у порога,
и ни дыханье дюны в вышине.

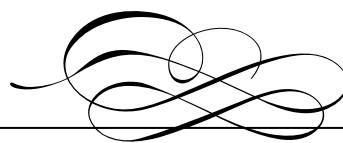
Все там осталось — в шуме волн и в пене,
и в гроздьях отцветающей сирени,
и лебеди летели поутру,
как рыбаков, пропавших в море, души...
О чем-то аист думал, что-то слушал.
Я там была. Я думала, умру.

Все корабли уснули у причала,
по рельсам все колеса отстучали,
и, как зима, душа моя бела.
И только ангел все меня тревожит
своим крылом невидимым и тоже
мне шепчет, что я там была, была...

* * *

Я приеду к тебе, когда зацветут фиалки
на холмах и в предместье.
И будет не жалко
собирать их в корзины, разбрасывать
и обниматься
на фиалковом ложе небесном.

И так может стать, что
вернется к нам молодость, крылья,
и мы полетим над сиренью,
над несбывшейся жизнью,
над странностями повторенья
всех раздоров, разлук и обид,
потому и глубоких, что кровных.
Может быть, нам простится все то,
в чем мы были виновны,
мир вернется к началу,
где тлеет огонь сотворенья...
Я приеду к тебе и закончу стихотворенье.

Евгений ЛЕСИН

ПАМЯТИ МУЗЫ

Музой звали собаку. Собаку Литинститута.
Она была очень старой. Сто или двести лет.
А, может быть, даже больше.

И Скуратов Малюта
Поил ее самогоном, чтоб она держала ответ

Перед Иваном Грозным.

И ведь она держала.
Жила-то в отделе кадров,
а там не всяк проживет.
Русская литература любила ее и знала.
Я тоже учился с нею,
но точно не помню год.

Собака Муза — легенда.

Вчера мы выпили водки,
Не чокаясь. За собаку.
Умерла ведь не так давно.
А у девки зато две юбки.
А под ними — чулки, колготки.
На колготки чулки надеты.
Очень глупо, зато смешно.

Девка шла, уезжал Данила,
на углу менялась валюта.
Мы бухали, о чем-то спорили,
жизнь, как девка, куда-то шла.
Музой звали собаку. Собаку Литинститута.
Она была очень старой. Теперь она умерла.

* * *

До помойки тихим шагом.
Молодец, еще чуть-чуть.
Светлым пивом, словно флагом
Приукрашиваю путь.

Путь неблизкий, путь тяжелый,
От ларька и до ларька.
Елы-палы, палы-елы.
Путь московского зверька.

То ли утро, то ли вечер,
То ли желтый самогон.
Только город, знать, и лечит,
Только город, только он.

НА ПЛАТФОРМЕ ТУШИНО

Какого поезда ни ждешь,
В другую сторону уж третий
Давно прошел, а ты похож
На вымирающего йети.

Вот всегда, вот так во всем.
И так становится привычкой,
Что жизнь, похожая на сон,
Уходит в небо электричкой.

* * *

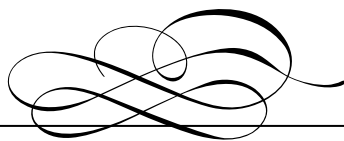
О. Р.

Он пришел к нему, а тот труп.
А на кухне приятель трупа.
Сел, подвыпили, выбил зуб
Трупов друг. Или оба зуба.

Или тот ему или ему другой.
Жизнь такая ведь: или-или.
Труп очнулся, трясет ногой.
Ну, ему, конечно, налили.

Хоть и жалко бухла — ведь труп.
А раз труп, так лежи не вякай.
И не нужно тебе ни бухла, ни круп,
Ни погулять с собакой.

А собака, сука, скулит.
Ладно, пошли, задрыга.
Он ушел. А Луна висит
И улыбается, как барыга.

* * *

Где-то возле «Сокола»
Ходят по аллеечке
Девочки Набокова,
С персиками девочки.

Кофточки сиреневы,
Стринги с мокасинами.
Девушки Тургенева
Ходят с апельсинами.

А ночами синими
Как-то одинаковы
С вот такими с дынями
Женщины Бальзаковы.

Годы не наладили
Радости финансовы.
И вокруг с оладьями
Сплошь старухи Хармсовы.

Александр ЛИСНЯК

Воронеж

ЭЛЕГИЯ

В одежде строгой и торжественной,
Так чинно — с именем и отчеством —
Меня друзья знакомят с женщиной,
Которой тоже счастья хочется.

А нам любви с ней не отпущено,
У нас глаза прохладней проруби,
И губы в уголках опущены,
Как крылья раненого голубя.

И жалко ей меня, несмелого,
И жалко мне ее, несмелую,
Но что любовь для нас не сделала,
Я, человек, уже не сделаю...

ПО РАЗНЫМ ДОРОГАМ*В.А. Добрякову*

На школьной лужайке звенят первоклашки.
И только один,
самый рослый из них,
В букетик собрал васильки и ромашки
И рядом с горбатой девчонкой притих...

...Сквозь долгую жизнь проведет их искусно,
По разным дорогам,
от счастья к беде:

Его —
преходящая искренность чувства.
Ее —
преходящая вера в людей.

А память однажды под сердце ударит —
Как вышло,
что в сутолоке городов
Ей больше цветов никогда не подарят.
И он никому не подарит цветов?..

ВСТРЕЧА*Г. Н. Троепольскому*

По склонам — голубой цикорий,
Небес весенних голубей.
Спешит мальчишка тропкой в гору,
А я спускаюсь вниз по ней.

От встречи никуда не деться,
Но он не знает до поры,
Что нужно было бы взглянуться
В лицо идущего с горы...

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

* * *

Листья палые жмутся к палым.
 Деньги шальные липнут к шалым, —
 Загребущая кисть велика.
 Хорошо обходиться малым —
 Чёрным хлебом, и снегом талым,
 И пакетиком молока.
 Хлеб обдирный. Дряхлое платье.
 Так и думаю доживать я —
 Феникс северных пепелищ,
 Помня, сколько памяти хватит,
 Что и в яслях, и в плотницкой хате
 Наш Спаситель был нищ.

* * *

Время разводит мосты, а я навожу,
 Вот и сейчас за чаем с тобой сижу,
 Нет между нами зияющей пустоты, —
 Только окно, за которым живут цветы.
 Ландыш цветёт в тени, незабудки во рву,
 Ещё ты не умер, и я покуда живу.
 Нас развести времени не удалось,
 Это ошибка, что мы существуем врозь, —
 Я подпираю небо своим плечом,
 Ты упираешься в землю лунным лучом.

* * *

Май задышал в дудули, в свистули,
в жужжули
 Птиц подмосковных и насекомых.
 Розы цыганской шали оставив цвести
на стуле,
 Выйду встречать случайных знакомых.
 Случай бывает счастливым. А вот события
 Чаще всего бывают печальны, —
 То увязают они в мелкохлопотном быте,
 То до брезгливости — эпохальны.
 Выйду-ка в лес, соберу еловые почки, —
 Хватит с лихвой стакана на поллитровку.
 Выйду-ка в лес я под дудки, свистульки,

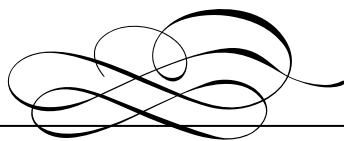
звоночки

И на знакомства сделаю установку.
 Дай, мол, тебе погадаю по зеркалу речки
 И по ладони земли, дай погадаю!
 Я — твой счастливый случай:
не красноречьем,
 А сновиденьем о будущем обладаю.
 Дай погадаю тебе, да не тут-то было.
 Как в лихорадке, на плечи
набросила розы, —
 Вдруг поняла, что и вещие сны позабыла,
 Ну а тем более будничные прогнозы.

Ярослав ЛИТВИНЕНКО

КОНЧИЛОСЬ ЛЕТО

Сад Баумана сценою эстрадной,
 Пельменнойю, младенцами в колясках
 Довёл почти до слёз, и я свернул
 К вокзалу неприметным переулком
 (Басманный, что ли, назывался он?)
 Я мать встречал. В Воронеже живёт
 Недалеко от центра, на Кольцовской,
 Сестра её со всем своим семейством;
 А больше никого у нас и нет.
 Мне тридцать два. Жена моя и дочка,
 Которая ещё не родилась, и мама —
 Тогда мне показалось — вчетвером
 Одни мы в этом городе вечернем.
 Так, к шумному вокзалу приближаясь,
 Я в стороне от насыпи шагал.
 И на углу увидел тот автобус,
 «Москва-Ташкент», весь ржавый
и облезлый.
 Как просто: сесть в пустынном переулке
 И вдруг уехать в сказочный Ташкент...
 Мне кажется, шёл дождь, хотя я помню,
 Что было ясно. Точно это знаю.
 И в то же время ясно вижу капли
 Перед собой на лобовом стекле.

Мы ехали Садовым от вокзала,
Точнее — пробирались сквозь заторы.
По радио «Кино» крутили, Стинга,
И шёл к концу последний летний день...
Уже горел на чьей-то бедной кухне
Инопланетный красный абажур...
И я подумал в этой толчее:
Всё впереди ещё, мои родные!
И та тоска, что вцепится порой
И долго нас потом не отпускает,—
Залог счастливых, светлых перемен,
Которые придумаем себе мы,
Которые придумали почти,
Которые пока нам только снятся...

Валерий ЛОБАНОВ

* * *

Мы шли по зеленеющему лугу.
От свежести кружилась голова.
Мы говорили миру и друг другу
простые и высокие слова.

Стучало сердце, словно пролетарий.
Стоял июль, и жизнь была легка,
и птицы певчие над нами пролетали,
и важно проплывали облака,

и даль переливалась и мерцала,
цвели обыкновенные цветы.
— Какой ковёр вокруг! — ты восклицала.
— Какое небо! — восклицала ты.

И всё кругом шуршало, шелестело —
словарь природы приглушён и скуп,
и тело твоё лёгкое летело,
и лёгкие слова слетали с губ.

И слово к слову, и рука к руке.
Мир держится на русском языке!

* * *

Это я с переполненной чашей,
с переполненной чашей зари...
Говори мне о юности нашей,
о высокой любви говори!

Русь! Кристаллики бунинской прозы,
пожилых деревень огоньки...
Не картонные эти берёзы,
не лубочные эти дымки!

Разрывается сердце на части
от преданий, страданий и тризн.
Это я — твоё женское счастье!
Это ты — моя взрослая жизнь!

Троекратно тобой переучен,
то я падал, то лез на рожон.
Я судьбою твоей перемучен,
я звездой твоей обожжён.

Раствори меня в сталинском гимне!
В допотопном отеле «Савой»
минеральной воды принеси мне,
принеси мне платок носовой!

СТИШОК

Созерцанье — удел королей,
тихой мудрости чистый источник.
Ну, хотя бы слезинку пролей
на берёзовый этот листочек!

Ты проснулся, встревожен и смят,
на большой деревянной постели,
там, где тёмные сосны шумят
и кричат по ночам коростели.

Что-нибудь сотвори, надыши,
соверши своим чувствам возгонку.
Ну, хотя бы рукой помаши
улетающей жизни вдогонку!

Хорошо в подмосковной глуши,
от восторга замрёшь, онемеешь...
Ну, хотя бы стишок напиши,
если ты рисовать не умеешь!

Игорь ЛОГВИНОВ

* * *

Радуйся, что ты еще живешь,
Что пешком по Невскому бредешь,
Что проходит жизнь — за годом год,
Без нужды, болезней и забот,
Что жена тебе еще верна,
И что дочь красива и умна,
И что крыша есть над головой
Радуйся, что ты еще живой

* * *

Была в ней колдовская сила,
И тело, полное огня.
Она безумно жизнь любила
А я-то думал, что меня.

* * *

Когда все не то, все не так, не туда,
Когда опускаются руки,
Прошу я друзей, что ушли навсегда,
Чтобы взяли меня на поруки.
И тотчас, без лишних вопросов и слов,
Тот в свитере, этот в рубашке,
Приходят на помощь мне Лешка Смирнов
А следом и Юрка Кондрахин.
Они мне навстречу из мрака летят,
Неся оптимизм и спасенье.
Опять голоса их звучат, но звучат
В каком-то ином измеренье.
К ним не прикоснуться. Но из пустоты
Ушедшие смотрят с участием,
И мне продлевают кредит доброты,
Любви, и надежды, и счастья.

Борис ЛУКИН

БАБЬЕ ЛЕТО

Дыхнул октябрь теплом последним
в дверь, отворённую тобой:
так озорно вбежит наследник —
он весь огонь и непокой.

На все небесные уголья,
на всю земную благодать
последний летний жар исходит,
как угли — яблоки в садах.
Летит искрою лист; и тают
узоры роши кружевной.
И что-то зреет там, за далью,
как летом в глубине земной.

И то, что зреет — будоражит
не менее чем твой приход.
Ты принимаешь взгляд мой жадный.
Я — понимаю этот вздох.

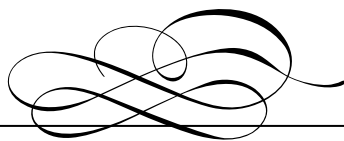
БОЛЕЗНЬ

Бог сна стоял у изголовья
и что-то вечное шептал..
Ко лбу болящего с любовью
так прикасаются уста.

Ты помнишь жар неугасимый
сквозь боль и страх, и суету, —
и кажется, что не по силам
всё это дотерпеть к утру.

Словно метелица заносит,
врываясь с улицы в дома..
...Всё медленней звучат вопросы,
ответы все лишь в слоге «-ма».

Терпи, запоминай, что шепчет
столь редкий гость в твоём дому
на том единственном наречье,
не данном смертным никому.

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

Теперь она часто смеялась,
Казалось бы, по пустякам.
Мне нравилось, что не стеснялась
Морщинок, бегущих к вискам.

«Да ну их...» — махнула рукою,
Как будто крылом над водой.
И боль устремилась к покою,
И счастьем звался тот покой.

Любимый домой возвратился,
Бег жизни зажав в кулаке...
Опять за оконцем синица,
И по небу клин журавлей.

Евгений ЛУКИН

Санкт-Петербург

САГА О КОЖАНЫХ ШТАНАХ (Из Бёрриса фон Мюнхгаузена)

Этот царский олень жил бы тысячу лет,
Но его подстрелил на охоте мой дед.
Его шкура была и толста, и крепка —
Можно сшить превосходную вещь на века.
Долго дед над оленьей шкурой мудрил,
Наконец он штаны из нее смастерил,
Потому что идут за годами года,
А штаны остаются штанами всегда.

Это дивные были штаны, и мой дед
Их носил, не снимая, почти тридцать лет,
А когда по наследству отцу перешли,
То стоять без труда уже сами могли.
Задубев на морозе, они вечером
Перед жарким камином стояли колом.
От колючих метелиц, от хлестких дождей
Становились штаны лишь прочней
и прочней.

Вот родителю стукнуло за шестьдесят.
Он решил починить свой любимый наряд.
Оказалось, что кожа все так же крепка,
Только пуговицы поистерлись слегка,
Как зубцы шестеренок в старинных часах.
И отец гарнитур поменял на штанах.

Не вернуться веселым денькам никогда:
Очертела отцу верховая езда,
Да и правду сказать, сумасшедший галоп
Разутешит едва ли почтенных особ.
Над подарком недолго раздумывал я:
Очутились штаны на зад у меня.

Был приказ воевать в кавалерии мне,
И штаны в тот же час подскочили в цене.
Во спасенье не раз на баталиях им
Приходилось сливаться с моим вороным,
А потом на просушке они вечером
Перед жарким камином стояли колом.

В тех местах, где я рос и мужал на глазах,
Сохранился от деда рассказ о штанах,
Что когда-то весенней цветущей порой
Отливали они изумрудной волной.
Но позднее отец подмечал между строк
Сероватый оттенок, мышинный намек.
А сегодня штаны эти выглядят так,
Как чуть-чуть побуревший турецкий табак.

Что ж, меняя хозяев, штаны каждый раз
Обретали внезапно и новый окрас.
И, как знать, не придется ли им покраснеть,
Если кто-нибудь вновь пожелает надеть,
Потому что идут за годами года,
А штаны остаются штанами всегда.
Сквозь далекую дымку все чудится мне:
Старший сын поутру скачет в них на коне.

Пусть он носит штаны круглый год
напролет,
Ни в дожди, ни в метелицу не бережет.
Их дубленая кожа, как прежде, крепка,
Только пуговицы поистерлись слегка.
По примеру отца, пусть мой сын дорогой
Гарнитур поменяет на них роговой.

Если будут штаны так и дальше служить,
Если будут штаны честолюбец носить,
Если будут штаны так же ездить верхом,
Если будут стоять так же сами колом, —
Мальчик мой, пусть идут за годами года,
Но не сносятся эти штаны никогда.

Игорь ЛУКЬЯНОВ

Воронежская обл., г. Борисоглебск

ЩЕГОЛ

Ничего он о смерти не знал.
Ничего он не ведал про небыть.
Тот щегол, что всюду щебетал
На кресте под кладбищенским небом.

Бор чернел. И белел березняк.
До весны все кругом посмурело.
Далеко грохотал товарняк
По свинцовым предзимним пределам.

Птаха милая светлой струной —
В этом сумраке необозримом...
Скоро встанут метели стеной.
Проживешь ли грядущую зиму?

ОЗЕРО

Дочери Ирине

Озеро, окруженное
Елью, березой, сосной,
Холодно, отстраненно
Блещет осенней волной.
Дремлют забитые дачи.
В лес предвечерний, чужой,
В лай отдаленный собачий
Вслушиваюсь душой.
Малость побуду. Уеду.
И не вернусь никогда.
В сердце заплещется следом
Озеро — небо, вода...

Виктор ЛУНИН

СЕБЕ

Когда тебя колотит изнутри,
Замри и жди минуты просветленья.
Несправедливого стихотворенья
Неверною рукой не сотвори.

Уйми озноб и силы собери.
Ещё придут покой и удивленье.
Ещё любовь и одухотворенье
В тебя вселят заветное: «Гори!»

Не торопись излить потоки яда,
Пока душа твоя полна разлада
И яростью захлестнут разум твой.

Погибельно идти такой дорогой.
Больным пером чистейший лист не трогай.
Сожмись и жди. Тебе ведь не впервой.

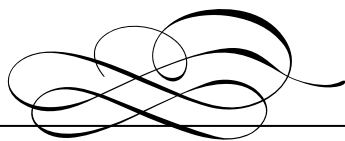
* * *

Свет солнечный. Стрекошет тишина.
Спокойствие разлитое повсюду,
Почти во мне. И всё-таки слышна
Мелодия как будто ниоткуда,

Как будто кто-то, неизвестно как,
Во мне её тихонечко играет,
И сердце в ожиданье замирает.
Я чуда жду? Какой же я чудак!

Я чуда жду, надеясь и боясь,
Как малое дитя боится мира.
Быть может, потому не рвётся связь
С тем, что стремится течь всё мимо, мимо...

Нила ЛЫЧАК

Ямало-Ненецкий АО, г. Губкинский

ОЖИЛА ЛЮБОВЬ

Подарил мне — ветер нежный,
Птицу счастья, иней снежный,
Алую зарю.
Окунулись в звездопады,
Закружились в листопаде.
Я тебя люблю!

Ты — надежда, откровенье,
Вера и любовь, смирение.
Радость и покой.
Подарил цветы и ласку.
Сотворил не жизнь, а сказку.
Ты — один такой!

За меня — в огонь и в воду.
Всё мне делаешь в угоду:
— И не прекословь!
Даже дышишь осторожно.
Люди смотрят: — Невозможно!
Ожила Любовь!

В счастье Путь ведёт нас Млечный.
Доверяю я беспечно
Жизнь свою тебе.
Благодарна бесконечно
За любовь, за нашу встречу —
Богу и судьбе.

Николай МАЛЫШЕВ

Ижевск

В ПРОВИНЦИИ

Просторные лежат снега в отчизне.
Среди лесов — широкие поля.
И думается: нет предела жизни,
Жить хорошо — и это знаю я.

Спокойные в полях мерцают дали,
Когда луна, когда сухой мороз.
И этот вид, как должно, чуть печален,
Но только чуть, а вовсе не до слёз.

Вон там огни далёкого селенья,
Где жители в своих делах мудры.
Они не знают праздности и лени,
Не грезят про заумные миры.

Они работают. Для них земля надёжна.
Им время есть. И думы их просты.
Да по-иному им и невозможно —
Земля не терпит лжи и суеты.

СОШЕСТВИЕ С ПАНТЕОНА

Мы были героями сплетен,
Мы пищу давали молве,
Мы жизнью играли, как дети
Играют мячом на траве.

С друзьями легко пасовались,
Легко забивали голы,
Куда не просили, совались,
И нас не пугали углы.

Мы против течения плыли,
Ходили, шутя, на руках,
Мы так безоглядно любили...
И всё же, увы, в дураках.

И свечи почти догорели,
И трепет уходит из рук.
Как быстро же мы надоели
Друг другу и всем вокруг.

Поблекли цветы на обоях,
И к ужину некого звать...
Вот так и уходят герои,
Что впору вослед им зевать.

Надежда МАЛЬЦЕВА

ЛЕСНОЙ МИНОР ДЛЯ ГУБНОЙ ГАРМОШКИ

Деревья ли входят в душу,
душа ли вступает в лес
и слышит сквозь трель пастушью,
как ивовый плачет срез,
как в ноги трава вырастает,
как в жилах журчит река,
как почкам Исход читает
ангел березняка.

Над ветками вскинет руки,
зависнет, что стрекоза,
и в слёзы! — давно от муки
не видят тропы глаза,
но в сумерках по осоту
нисходит, блажен и бос,
к берёзовому киоту,
что утром свечой обнёс,
и крестит подряд трикраты
лягушек, ежей, лосих —
молитвенник и прошатый
за сирых и малых сих.

Лоскутное одеяло,
лесного притвора тишь.
Завалишься где попало,
и тоже летишь, летишь —
за вербным, дрожащим дымом,
за дудкою пастушка,
за семечком, уносимым
навек из березняка...

Проспи же сто лет в дерюгах,
не дёргай за поводок!
Вон, ветры сидят на кругах,
как стайка ворон, в рядок,
и где-то во вражке лисьем
хоронят который век
клочки безутешных писем,
над общей могилой — снег.

Что ангел? Слепой от боли,
застрявшей ножом в стволе,
он снится тебе, не боле,
он прячет себя во мгле,
последний живой свидетель
безумья, в котором ты,
как заяц, по ходу петель
бежишь от себя в кусты.

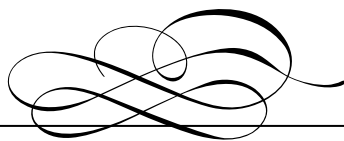
Он путает мох с периной,
он в лапах не видит рук,
он флейту и вой звериный
в один замыкает круг,
такому и топь — дубрава,
что смотрится в образа!
И ты не имеешь права
ему открывать глаза.

Новелла МАТВЕЕВА

ГЛОБУС

Уравновешенный, как голос
Без понижений-повышений,
Тоску с души снимает глобус
Разумностью своих решений.

На нём, — божественном, как логос! —
Ни бурь не видно, ни крушений,
Ни стран-стрелков, ни стран-мишеней,
Ни стран, — где злых лишений многость.

Не видно лавок с подлым зельем.
Вал моря сгладил память прытей.
Зато встречает нас весельем
Большая Синь морских открытий!

Земля сложна; ни ров, ни пажить...
Жаль, что на глобусе нельзя жить!

* * *

Художник, незнакомый с поощреньем,
А знаешь ли? В тени пожить не грех:
Не ослепляясь счастья опереньем,
Мир, как он есть, увидеть без помех.

Негромким смехом встретить грубый смех,
Злорадство — ледяным обдать
презреньем...

Нас невеликость наша высшим зреньем
Снабдит. И высший нам суждён успех.

Как хорошо, с победою помешкав,
С насмешливым поклоном взять реванш!
Так Гулливер — игрушка бробдинггежцев —
Мог разглядеть морщины великанш,
Чью красоту считали в Бробдингне
Вершиной безупречности и неги.

ЦЕПЕЛЛИН

В иллюзионе моих сновидений,
В моем кокстауне*
Прошлого мне серебристые тени
Были представлены.

Там дирижабли на сферах лежали
И видел их каждый будочник...
Чудилось нам, что они приближали
Светлую будущность.

Но, измеряя небесный полог
В портняжном «локте»,
Кто-то с высот, — как посуду с полок,
Убрал их вовсе...

А что-то в них было от сути мира,
От тайны Завтра!
И как вещественности мерило
И как метафора.

Кто их подверг мировому сглазу?
Какие заморозки их сразу
Оцепенили?

И никуда-то мы не уплыли
На цепеллине...

И только взгляд наш пыгливый, снизу,
Те дирижабли
Кабы сумел — привязал к карнизу,
Но удержал бы!

Немного жутко на них глядети,
Когда вы — дети...

Но без жемчужин их воспарений,
Без их бессмертных неустарений —
Скучно на свете.

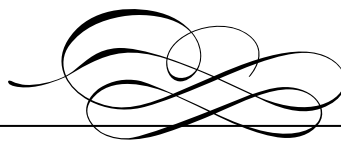
* Кокстаун — город угольщиков в романе Ч. Диккенса «Тяжелые времена». Здесь имеется в виду фабрика, где героиня жила в детстве.

Олег МЕЛЬНИКОВ

Ленинградская обл., г. Пикалево

* * *

Самой светлой, воистину чистой
Жизнь осталась за тою чертой,
Где девчонка с косой золотистой
Волновала ребят красотой.
Целый жгут золотой канители...
И поклонники этой косы
Каждый день на кулачной дуэли
Разбивали друг другу носы.
Ах, как мир был загадочно светел
В этой первой любви без затей!
Я девчонок других не заметил,
Поклоняясь богине своей.
Лишь одна после школьного бала,
Мне вручив треугольник письма,
Чуть не свергла ее с пьедестала,
Но бесследно исчезла сама!
И хотя велико расстояние
С той поры до теперешних дней,

Вдруг настигло меня покаянье,
Безысходность вины перед ней.
Как преступник, согласно поверью,
Возвращаюсь я сквозь забытие,
Где осталось за школьною дверью
Безучастное сердце мое.

Дмитрий МИЗГУЛИН

Ханты-Мансийск

* * *

Стремишься постичь мирозданье?
Скорбишь над народной судьбой?
Суббота. Натоплена баня,
Струится дымок над трубой.

Сегодня я — полный бездельник:
Привычно сижу на полке,
Пахучий березовый веник
Победно сжимая в руке.

Во власти туманного жара
Смирненное тело мое,
И мягким березовым паром
Струится мое бытие...

Эпохи восторженный зритель —
Спешу беззаветно поддать,
Не с этим ли жаром святитель
Однажды сравнил благодать?

От шума вдали и от гама
Вершу свой обряд не спеша,
А завтра под сводами храма
Вот так же отгадет душа.

ПТИЧЬИ ПРАВА

Не имею — как маленький птах
Ничего — только небо да ветер.
Я живу здесь на птичьих правах,
Улечу — и никто не заметит.

Самолеты летят высоко,
Неизбежно надежны турбины,
Бороздить им привычно легко
Высоты голубые глубины,

А меня — не встречают. Не ждут
Нет надежды — но нет и сомненья,
Не имеет значенья маршрут
И отсутствует пункт назначения.

Как мне дороги эти права.
Пусть они называются — птичьи!
Я лечу — и небес синева
Кружит голову вечным величьем.

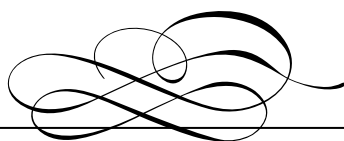
А когда я однажды умру
То душа рассмеется на воле,
Где печалью звенит поутру
Васильковое звездное поле.

Лариса МИЛЛЕР

* * *

Здесь мостик над речкой дощатый и узкий,
Здесь даже трава понимает по-русски.
Здесь так хорошо обо всём говорить
И в поле заросшем тропинку торить,
И кажется, могут и травы, и речка,
Едва я запнусь, подсказать мне словечко.

* * *

Они поют, а я молчу,
Хотя я тоже петь хочу,
Хотя мне тоже петь охота,
И чтобы слушал чуткий кто-то.
Так птичьи песни хороши —
Ведь их поют от всей души.
Живя в весеннем птичьем гаме
Я тоже шевелю губами.

* * *

А утром мокрая сирень...
И говорить и думать лень...
А утром мокрый куст сирени,
Сажу под ним, обняв колени,
И время больше не течёт,
Ничто не манит, не влечёт,
И всех желаний я лишилась,
Как будто всё уже свершилось.

* * *

Ни за что, ни за что, ни за что не уйду.
Ива грустные ветки полощет в пруду,
Отражает вода два весёлых крыла.
Ни за что не смирюсь
с горьким словом «была»,
Ни за что не уйду и, всему вопреки,
Здесь останусь навек с Божьей
лёгкой руки.

Евгений МИНИН

Израиль, Иерусалим

ОСЕННЕЕ

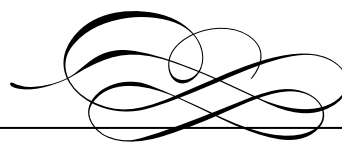
Как-то незаметно станет тяжело,
Вроде изменений внешних нет,
Кажется иной многоэтажка,
Где живу я столько долгих лет.
Настроенье пропадет и сила
В ожидание завтрашнего дня.
Это значит, осень наступила,
Наступила прямо на меня...

О КАНАЛАХ

Прошли сериалы любви.
Меняются в мире реалии.
Идут на каналах TV
красивые вакханалии.
Увидеть счастливый финал,
что воду найти на Юпитере.
Но есть и любимый канал —
Канал Грибоедова.
В Питере.

ИЕРУСАЛИМ

В этом городе высоком,
в этом климате неслыханном
Я живу, не уезжая, запершись в себе самом.
Это я к нему привязан —
и в прямом, и в переносном
Это он ко мне привязан —
в переносном и прямом.
И хотелось сильным словом,
не затасканным и косным
Мне в любви к нему признаться,
без свидетелей, вдвоем.
Это я в нем неразлучно —
и в прямом, и в переносном
Это он во мне навечно —
в переносном и прямом!

ВЕРНОСТЬ

Стая в небо взлетит и на юг,
От родимой земли, от зимы,
От суровых январских выюг,
Брать чужое лето взаимы.
А другим этот путь незнаком,
Что им лютой мороз-лиходеи.
Но на снег замёрзшим комком
С ветки падает воробей.
Ртутный столбик у сорока,
Как на траурном замер посту.
Все умеет природы рука,
Понимай её красоту.
Всё умеет — алмаз огранить,
Обучить полёту птенца,
Лишь одно не под силу — хранить
Тех, кто предан ей до конца.

ГОРОДИШКО

*Городу Невель
Псковской области*

Городишко — городишко,
пыльных улиц сладкий запах,
И речушка через город,
словно жилка на виске,
Я твой маленький мальчишка,
пробираюсь тихой сапой,
Чтобы после смыться-скрыться
с кислым яблоком в руке.
Времени и расстоянья
между нами много слишком,
И всё шире эта пропасть,
расставанием грозя,
Помнишь ли в краю далеком
обо мне ты, городишко?
О тебе всегда я помню —
мне без этого нельзя.
Городишко — городишко,
майским ливнем оглушённый,
Чувства путает и мысли ошалелая сирень.
Я пацан длинноволосый,
я — поэт, вопрос решённый,
Это ты лишь мог подслушать
первых строчек дребедень.
На краю судьбы и жизни
неприметный городишко,

Небо трубами коптящий на озёрном берегу,
Я не знаю, городишко,
может мною ты гордишься,
Но поверь, что я пытаюсь,
и стараюсь, как могу.

Сергей МНАЦАКАНЯН

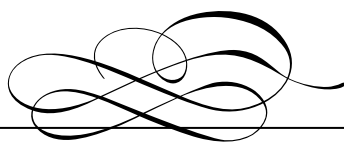
«РЕТРОМАН, ИЛИ РОМАН-РЕТРО»

Портреты
из книги воспоминаний

СНЕЖНАЯ БАБА (Римма КАЗАКОВА)

Римма Казакова умерла 19 мая 2008 года в подмосковном санатории «Перхушково» в час дня. Предположительно, оторвался тромб... А легла она в санаторий для профилактики остеопороза. Это болезнь, которой, в основном, болеют немолодые дамы. От недостатка кальция кости становятся хрупкими и легко ломаются. Римме Фёдоровне в январе исполнилось 75 лет.

А пару месяцев назад мы с ней в последний, как оказалось, раз говорили по телефону. Как обычно, обо всём на свете. Она была очень живая, подвижная и даже импульсивная натура. Десять лет после смерти Володи Савельева, своего товарища и мужа хорошей поэтессы Тани Кузовлевой, она работала первым секретарём Союза писателей Москвы, решала вопросы своих коллег и друзей, билась за то, чтобы отстоять помещение Союза, страдала, что организация, которая повела за собой две тысячи писателей, осталась на улице в результате бюрократической борьбы за ещё недавно общую писательскую собственность.

— Ты представляешь, есть люди в администрации президента, которые ко мне хорошо относятся... Для меня готовы сделать всё, что мне надо... Прошу о Союзе — ничего не получается.

Меня это не удивило. Новой российской власти мощный Союз писателей по образцу Союза писателей СССР был не нужен. Тем более демократическая его фракция. Такой парадокс, точнее, один из парадоксов нынешней российской действительности. Люди, которые в каком-то смысле привели к переменам в стране, оказались ненужными, выброшенными из реальной жизни. Многим остаётся только доживать... Впрочем, это не парадокс, это закон истории: гидра революции всегда пожирает своих детей и соратников... Просто делает это каждый раз непредсказуемым образом.

— Римма, — ответил я, — ну, зачем тебе всё это? Ты замечательная поэтесса, ты известна, даже знаменита, твои песни поют по всей России... Зачем ты тащишь на горбу эту организацию? Сиди в своей прекрасной квартире, пиши стихи, выступай — много денег все равно не будет, но ведь и нуждаться не будешь...

Но Римма не могла отказаться от своего участия в общественной жизни. Социально активная личность, она не могла не заниматься делами других людей.

Вспоминая Казакову, я называю её Риммой. Это не фамильярность. В течение почти сорока лет я называл её просто по имени. И не только я, а практически все, кто с ней общался.

Примерно тридцать семь лет назад, в начале семидесятых, когда моё поколение с опаской, но стали допускать в писательский дом на Герцена — в ЦДЛ, мы гудели в Пёстром зале: Володя Шлёнский, его первая жена, которая тогда пыталась писать стихи, ещё кто-то из тех, кто назывались «молодыми поэтами». Внезапно к столу подседа Казакова. Мы уже были знакомы по совещаниям молодых. Мы ещё были участниками, а Римма вела семинары. В

этот вечер в хмельном задымленном кафе она подарила мне свою только что вышедшую книгу «Снежная баба».

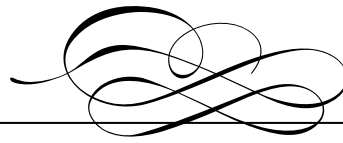
В конце прошлого, в начале этого века снежные бабы вывелись как класс: в Москве на них не хватает снега. А тогда эти существа скатанные обычно из трёх снежных шаров, с глазами из угольев и озорной морковкой вместо носа охотно населяли наши дворы и скверы. Название «Снежная баба» отсылало и к снеговикам, и одновременно несло ещё несколько смыслов, среди которых слышалось и «нежная баба» да и просто «баба» в самом бытовом — ни в коем случае не уничижительном смысле. Римма Казакова — тоже была этой Снежной Бабой, и хрупкой, легко уязвимой, и одновременно двужильной и талантливой женщиной из российской глубинки. Была она и дамой, о чём написала стихи, и матерью, и хорошим другом. Учила испанский язык, много ездила по стране, бывала за границей, в том числе и на Кубе, где испанский оказался очень кстати. Через много лет она написала о своих странствиях:

Я столько километров отмотала,
как птица, в долгих поисках тепла!
И поняла: от жизни так устала,
так я устала, что едва цела.

Она в те годы дружила не только с Володей Савельевым и Таней Кузовлевой, но обожала поэта Евгения Евтушенко, была по-товарищески очень близка с Инной Кашежевой. В семидесятые годы её часто можно было увидеть с Инной за чашечкой кофе и рюмкой коньяку в уникальном по составу своих посетителей Пёстром зале ЦДЛ.

Очень контактная, Римма вообще всегда была способна легко познакомиться и подружиться с самыми разными людьми. А в творческой среде дружить не так просто. У неё это получалось. Правда, получались не только дружбы.

В 1978 году незадолго до очередного съезда советских писателей она вступила

в партию. (Для тех, у кого короткая память или тогда не жил, напомним, что тогда в стране властвовала единственная партия.) Это была акция с далёким прицелом, и действительно, на очередном съезде Союза писателей СССР Римма Фёдоровна была избрана в секретариат Союза и стала рабочим секретарём по пропаганде.

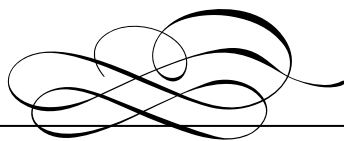
Любопытно, что тогда же заторопился вступать в партию Владимир Цыбин, он тоже рвался в секретари. Но без партийного билета попасть на эти должности было почти невозможно. Вот эта иерархия партийного и беспартийного и называлась номенклатурой. Вообще, когда сегодня говорят о тоталитарном режиме — отсчитывая с 60-х годов прошлого века, часто преувеличивают свирепость и жестокость этого режима. Никто никого не заставлял — всё делалось добровольно. Вы могли быть просто поэтом, ещё лучше хорошим поэтом, вас издавали и никто по жизни в общем-то вас не пытался обидеть. Но если вам хотелось подняться вверх по общественной и административной лестнице, то уж будьте добры!.. Ну, разве сегодня не так? А Цыбин вообще был властолюбив и к тому же ревностно соперничал с Казаковой. Тем более что она долгие годы дружила с его недавним другом, а вскоре — непримиримым противником, поэтом Владимиром Савельевым. Но партийность секретарём «большого Союза», как тогда называли все-союзное писательское руководство, Владимира Дмитриевича так и не сделала. Он стал председателем Творческого объединения поэтов Москвы и одним из секретарей Московской писательской организации. Также весьма заметные трибуны для литератора.

Римма Фёдоровна пробыла в должности секретаря большого союза несколько лет. Потом ей пришлось уйти. На неё «наехал» Володя Лазарев. Володя, конечно, был завистник. Он не понимал, почему песни на стихи Риммы поют со всех эстрад, а его песни едва звучат, да и то время от време-

ни. Также яростно он ополчился на песенного «чемпиона» — удачливого Михаила Пляцковского, автора текстов песен «Хмуриться не надо, Лада», «С голубого ручейка начинается река» и ещё полусотни шлягеров, не понимая, что песни Миши поют не только потому, что тот удачлив: у Пляцковского было невероятное песенное чутьё. Лазареву этого чутья явно не хватало. Так или иначе, Римму из большого руководящего кресла он выдавил. Припомнил он ей не только песни, но и многие другие «прегрешения». Ну и что? Она осталась замечательной поэтессой. Сам Владимир Лазарев сегодня очень стар, совершенно забыт в России, живёт в эмиграции — у своих детей в Америке. А может быть, уже и не живёт...

Мы не раз вместе выступали с Риммой, а в апреле 1998 года вместе ездили на два дня в Питер — выступить в Некрасовской публичной библиотеке. В купе нас ехало четыре человека — Казакова, мы с прозаиком и политтехнологом Игорем Харичевым и ещё какая-то поэтесса, никому не известная и также неприметно исчезнувшая с литературного горизонта. Римма взяла её, чтобы поддержать материально. Нам обещали заплатить по двести долларов. В итоге через три недели после поездки выдали по сотне зелёных. К сожалению, отношение к литераторам в новой России, как это обычно бывает, соответствовало отношению к ним властей. Деньги ушли в шоу-бизнес и в театры, то есть туда, где не надо много думать, а моментальный эмоциональный отклик сразу оправдывает стоимость билетов и затраченного на зрелище времени.

Но социальный темперамент Риммы Казаковой с годами не угасал. Она так же пламенно, как и при Советской власти, возмущалась бездушием чиновников, болела душой за писателей, которых новая жизнь отбросила на обочину. Когда один полубезумный издатель пригласил её дать стихи в его журнал, Рима ему отказала: за литературный труд надо платить, а редактор любил халяву — он не платил авторам.

В итоге придуманный им журнал приказал долго жить. Римму любили читатели, она много выступала, отвечала на вопросы в телепрограммах, приняла участие в создании Гимна России на музыку Глинки, писала тексты для песен — они звучали на эстраде, издавала книгу за книгой, короче, была востребована в новой российской реальности.

В конце 80-х — начале 90-х годов, когда порушились старые связи и отношения, мы несколько лет не общались. А впервые после долгого перерыва встретились в «Московском рабочем», издательстве, которое вскоре будет захвачено рейдерами и в итоге исчезнет под натиском вора и общего падения, как многое, что пришло из прошлой жизни. Помнится мне, это была презентация, может быть, даже первого номера альманаха московских писателей «Кольцо «А», потому что нас встречала Татьяна Кузовлева — главный редактор издания, которое продержалось лет пятнадцать, и Володя Савельев. На этой встрече я в последний раз виделся и общался с Юрием Нагибиным. Вскоре он, грузный, больной, обиженный всем на свете, ушёл из жизни. Сердце не вынесло нового миропорядка.

Тогда мы разговорились с Риммой, как будто последний раз виделись вчера. Она была очень контактным, лёгким, быстрым в общении человеком. Рассказала мне, что приходит в себя после инфаркта — была в тёмных очках. Очки, наверное, скрывали синие круги под глазами — свидетельство сердечной недостаточности. Стало понятно, почему её лицо, обычно очень живое, было словно задёрнуто серой тенью...

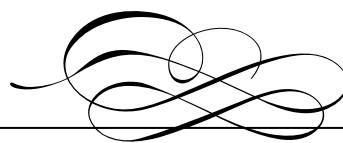
Но сердечная недостаточность — это одно, а сердечность человеческая, душевная — совсем другое, и её у Риммы хватало на всех. Не зря после смерти Володи Савельева она была избрана первым секретарём ныне полумифического Союза писателей Москвы, где, кстати, и сам состою, и стала заниматься делами своих друзей, знакомых ей литераторов и заодно своими.

Сердце временно пришло в порядок, но жизнь в порядок уже придти не могла. В Переделкине сгорела дача, где она жила... В многочисленных фракциях недавно могучего Союза писателей начались скандалы, разгоралась вражда, сведение счётов, сложности в Литфонде, приходилось брать сторону одних против других. Всё это, конечно, подрывало нервы, снова било по сердцу поэтессы. К этому можно прибавить и не очень-то скрываемые романы с временными или достаточно последовательными её поклонниками. Как и всякая женщина, — а тем более талантливая, красивая, страстная поэтесса, — Казакова искала своё счастье. Но счастья не получалось.

Римма была во многом человеком противоречивым. Например, в середине 90-х годов прошлого века она яростно защищала от нападок одного из кумиров и друзей своей творческой юности — поэта Евгения Евтушенко. А в новом веке сама нелицеприятно критиковала его — и не только приватно, но даже на поминках по Владимиру Корнилову в зале траурных церемоний Боткинской больницы прошла в надгробном слове по его адресу. Имени не назвала, но все поняли, а кто-то даже удивился.

Вместе с Игорем Харичевым мы не раз бывали у неё в гостях на улице Чайнова. Совсем недавно я заглядывал в книжную лавку РГГУ «У кентавра». Дорога вела как раз под окнами Риммы. И мне снова вспомнилось эти очень дружеские посиделки. Поэтесса не только стихи писать умела — была она прекрасной хозяйкой, умела пожарить картошку и посолить красную рыбу. Готовила вкусно, за столом в её кухне получался хороший разговор. Помню приготовленные ею закуски на огромных плоских белых тарелках. Сама Римма Фёдоровна не отказывала себе в удовольствии выпить пару рюмок водки. На застольях бывали разные люди. Как-то мы встретились в её доме с Таней Кузовлевой, в другой раз душевно общались с её сыном — Егором Радовым.

Совсем недавно, в декабре прошлого

года, она сидела в Малом зале ЦДЛ перед гробом Саши Ткаченко, как-то бесприютно нахохлившись. Рядом стоял Егор. Я подошёл к Римме — было безумно больно провожать Сашу. Теперь пришло время провожать в последний путь её саму. Нашу Снежную Бабу из поэтической юности. Для прощания гроб с телом поэтессы после отпевания в церкви Глеба и Дамиана на Маросейке выставили для прощания в большом зале ЦДЛ. В 12 началась панихида.

Давно на писательской панихиде не собиралось так много знакомых и незнакомых людей, в основном, литераторов. Смерть Риммы задела многих из тех, кто давно даже не появлялся в бывшем писательском Доме. Первым на панихиде выступил Сергей Филатов. Второй Таня Кузовлева, она прочитала стихи на смерть поэтессы и подруги, рядом с которой прошла жизнь. Распоряжался на прощальной церемонии Игорь Харичев. В зале я увидел многих давних приятелей и коллег — Гена Красников, Анатолий Салуцкий, Эдик Бобров, Галя Нерпина... Перечислить всех, кто заполнил Большой зал писательского дома, невозможно, да и ни к чему. Просто провожали одну из тех, кто внёс свою интонацию в советскую эпоху нашей общей жизни.

Захоронили Римму Фёдоровну Казакову на Ваганьковском кладбище. Думается, без помощи людей из президентской администрации не обошлось. О похоронах договаривался Сергей Филатов, бывший руководитель ельцинской администрации в начале 90-х. А мне вспомнились её стихи, написанные чуть ли не тридцать лет назад:

Поэзия — мужичье дело,
воловоий труд, солёный пот.
Зачем же
Орлеанской девой
в поэты девочка идёт?

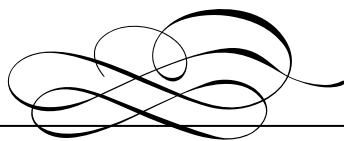
Именно вот такой мне запомнилась Римма Казакова — цельная и противоречивая,

дружелюбная и непримиримая, она всегда тянулась к молодым, старалась помогать — не только друзьям, но часто малознакомым людям и коллегам. Несколько раз она и меня просила поддержать кого-то, написать предисловие к книге или рекомендацию для вступления в Союз писателей. Для неё понятие «поэтический цех» было наполнено смыслом и делом.

P.S.

30 января 2009 года в ЦДЛ состоялся творческий вечер, посвящённый дню рождения Риммы Казаковой — исполнилось 76 лет со дня её рождения. Меня на этом вечере не было в силу целого ряда причин. Распространяться о них не буду, но отмечу, что я тоже не забыл замечательную поэтессу и своего старого товарища по жизни и поэзии. Просто я уселся за письменный стол и попытался воссоздать черты Риммы Казаковой, наши встречи, ту ауру, которая всегда сопутствовала ей.

После смерти Риммы Фёдоровны она осталась в памяти многих из тех, кто её окружал. В гламурно-поэтическом журнале «Поэтому» целая страница была посвящена поэтессе: воспроизведены обложки почти трёх десятков её книг. Одна из этих книг называется «Ломка», и название это не случайно. Сын Риммы Казаковой Егор Радов, своеобразный писатель, автор романов «Змеесос», «Якутия» и других, замеченных многими ценителями современной словесности, страдал трудноизлечимым недугом. К слову, отцом Егора был известный в своё время писатель Георгий Радов. В молодые годы Егор подсел на наркотики, и только героические усилия матери заставили его отказаться от пагубного пристрастия. Думаю, что и это отразилось в названии её книги «Ломка», которую она мне в своё время тоже подписала на память. В начале 2000-х об этом широко писалось в прессе, в том числе было интервью Риммы Фёдоровны в «МК». Но, отказавшись от наркоты, Егор уже был сломленным человеком — он выпивал, и

несколько рюмок водки просто валили его с ног. Однажды мне и Саше Ткаченко, который тоже вскорости уйдёт из жизни, довелось вывести его под руки из ПЕНА, с какой-то встречи, и мертвецки пьяного отправить домой на Сашиной машине. Ещё у Риммы была любимая внучка — Маша, дочь Егора от третьего брака. Вообще в начале этого века семью Казаковой постигли какие-то невозможные драматические ситуации. Одна жена Егора выбросилась из окна, другая — Тая — просто не проснулась...

А через несколько дней после памятного вечера в ЦДЛ, посвящённого его матери, 5 февраля 2009 года на сорок седьмом году ушёл из жизни и Егор Радов. В Индии, где он с дочкой отдыхал на Гоа, он, как свидетельствуют люди из его окружения, помянул Таю и, очевидно, перебрал вискаря. Писателю стало плохо. По одной из версий его нашли мёртвым в номере гостиницы, по другой — в тяжёлом состоянии доставили в местную клинику, где он умер. Он по своему состоянию мог умереть ещё при жизни Риммы Фёдоровны. Конечно, это мать охраняла сына своим активным присутствием и участием.

Судьба уберегла Римму Казакову от последнего удара её, по-своему нелегкой и даже во многом драматичной, жизни.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ (Игорь СОЛОВЬЕВ)

Как ни странно это вспоминать, одним из моих первых знакомых в поэзии стал Неизвестный поэт. Именно так — Неизвестный с большой буквы, но все же настоящий поэт Игорь Соловьев, которого сегодня никто не помнит да и не вспомнит, наверное, никогда, если не наткнется чудом на эту страничку моих разорванных и в чем-то ностальгических воспоминаний.

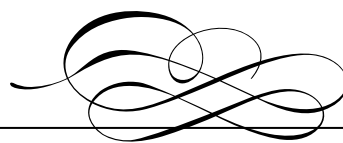
В начале нашего знакомства это был крепкий веселый темноволосый с лука-

выми глазами мужчина лет около сорока. Мне, двадцатилетнему, он казался почти патриархом. Все-таки почтение к возрасту — неистребимое в человеке качество, вбитое в мозги начальной школой и, возможно, обоснованное генетически. Но не буду отвлекаться от Игоря Соловьева. Он курил сигареты — дешёвые и крепкие типа «Памира» и «Примы», жил в подмосковной Баковке, занимал половину деревянного дома, держал несколько породистых собак — на развод, для заработка, был женат на некрасивой угловатой, но вполне домашней уютной женщине. Я сейчас даже не вспомню ее имени, но помню, что она не спорила со своим «хозяином», который принял в гости в своем полудеревенском доме молодых поэтов.

В этом доме отчаянно веяло бедностью — я тогда навсегда связал в своей душе занятия поэзией с нищетой, но и — одновременно — некоторым человеческим довольством. В соседней комнате играла маленькая дочь. В прихожей за загородкой хрипловато напоминали о себе соловьевские собаки — четыре или пять, по-моему, у него тогда были колли и борзые.

Он угощал нас кровавой колбасой. Колбасу нарезал крупными кусками. Это была по тем временам самая дешёвая закуска. Сегодня кровавые колбасы с зельцем почти деликатесы. Ну и, конечно, к угощению мы не преминули разлить в стаканы захваченный с собой портвейн.

Я даже не помню, кто познакомил меня с Игорем Соловьевым. Может быть, случайная встреча в знаменитом в те годы литературном объединении «Магистраль». «Магистраль» размещалась в Центральном доме культуры железнодорожников на значительно более знаменитой площади Трёх вокзалов. Сюда ходили уже известные в начале шестидесятых Булат Окуджава и несколько жеманная и одновременно изысканная Белла Ахмадулина, а Григорий Михайлович Левин, руководитель этого уже тогда знаменитого литобъединения считал

их своими учениками. В некотором смысле это так и было, неисповедимы пути господни, и кто поверит, что и поныне знаменитых шестидесятников вывело в люди железнодорожное начальство, которое не пожалело денег на финансирование никому не нужного «на земле железного режима» литкружка. Кстати, всех перечисленных я впервые встретил именно там — в ныне заросшей травой забвения «Магистрала».

Игоря я навел вместе с моей приятельницей Ольгой Нагорняк. Может быть, я расскажу о ней впоследствии. А сейчас вкратце. В конце шестидесятых-начале семидесятых на ее стихотворение композитор Игорь Шаинский написал песню, и эта песня стала шлягером — ее пели несколько месяцев, и можно было заметить, как кто-то мурлыкал в метро: «будь со мною ласковым, будь со мною прежним, будь со мною бережным, будь со мною нежным...» Наивные чистосердечные строки. Сразу же подчеркну, чтобы не интриговать никого приведённой цитатой, что строки эти относились не ко мне.

Немного захмелев, Игорь принялся читать свои стихи. Он любил не только похвастаться, но и прихвастнуть. Я воспринял тогда это хвастовство как свидетельство избытка сил и веры в себя. Сегодня понимаю, что дело обстояло с точностью до наоборот: хвастался Игорь Соловьев не от избытка, а от недостатка силы и уже полного в себя неверия. Не хочу обидеть его своим воспоминанием, просто от судьбы не уйдешь, как ни хорохорься.

В конце сороковых он учился в Литературном институте и пользовался среди однокурсников достаточной известностью, был своеобразным авторитетом. В те годы на младший первый курс поступил Евгений Евтушенко. Воспоминание о встрече с будущим мэтром советского «беспозья», как называл этот крупный представитель советской литературы собственное поэтическое время, словно бы взбудрило нашего гостеприимного хозяина.

— Я тогда среди студентов прочитал стихи, и они очень ему понравились...

Игорь прочитал нам эти стихи.

Интересно, что, со слов Игоря Соловьева, через десяток лет на одном из вечеров в ЦДЛ выступавший там Евтушенко узнал в кулуарах Игоря, который не то вылетел из института за какую-то провинность, не то тихо и бесславно закончил это своеобразное учебное заведение, и громко, простирая вперед руки, как он уже научился делать, прочитал автору эти стихи. Кстати, о памяти Евтушенко на стихи ходили легенды — надо отдать ему должное, он очень многое помнил наизусть. Ну, и сами строки были тоже весьма выразительны...

— Я был по-настоящему растроган тем, что он запомнил мимолётно прозвучавшие стихи, — закончил Игорь свой рассказ.

Сегодня, через сорок с лишним лет после нашего визита в «поэтическую Баковку», мне тоже хочется привести на память это четверостишие Неизвестного поэта Игоря Соловьева:

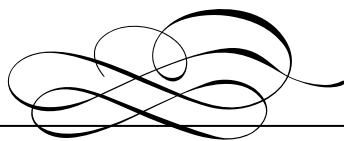
Когда весна стучится в двери
тугими лапами черемух,
мне хочется иному верить,
и жить и думать по-иному...

Помню, что тогда мне понравилось, как наш хозяин читал эти стихи, как бы отбивая в воздухе ритм ладонью.

Судьба второго стихотворения, которым он похвастался, тоже была удачна, их заметил и напечатал в первом — полулегендарном — выпуске альманаха «День поэзии» Владимир Луговской. До сих пор помню одну строфу из этого стихотворения:

Альбатрос над зеленым заливом кружил,
Уходил пароход из Тулона в Алжир,
А на палубе словно в припадке тоски
Недовольно и глухо ревели быки...

Здесь мне наперед хочется предупредить, что все цитаты своих ретро-сюжетов

я привожу по памяти и заранее приношу извинения за какие-либо неточности, тем более в расстановке знаков препинания. Точки, тире и запятые — свои у каждого поэта. И я намеренно не проверяю цитаты по источникам, так как они стали частью моей жизни именно такими, то есть именно в таком виде почему-то запомнились.

— Даю слово, — клялся Игорь, — что я не подражал «Лошадям в Океане» Слуцкого, я тогда этих стихов еще не читал. Правда, мне почти никто не верит, вот и упрекают в подражании...

Стихотворение повторяет сюжет знаменитого стихотворения Бориса Слуцкого «Лошадки в океане». Подбитый вражеской торпедой корабль «Глория» погружается в пучины океана, а лошади, что стояли на его палубе, плывут по волнам в никуда... Тот же сюжет у Соловьева, но у него вместо лошадей — быки, время другое, не война, а момент какого-то очередного французского колониального кризиса. Кто знает, может быть, и так. Есть в поэзии какие-то такие вещи — образы, интонации, представления, которые как бы витают в мировом эфире и зачастую в разные годы являются разным людям...

Еще Игорь в высшей степени гордился двумя своими «поэмами». Наверное, сегодня, когда аптеки перешли в основном на импортную продукцию, немногие знают, что в подмосковном поселке Баковка находился единственный на всю советскую страну Баковский завод резиновых изделий. Главной гордостью этого завода были отечественные презервативы, которыми он обеспечивал великую державу от Москвы до самых до окраин, — никуда не годные изделия №2 из грубой резины, скорее предназначенные для надувания воздушных шаров на демонстрациях в честь очередной годовщины Великого Октября, чем для изысканной роли посредника в борьбе между природой и стремлением человека к непродуктивному наслаждению.

Так или иначе в соловьевской поэме в результате использования советского ган-

дона вышла промашка, героям не удалось предохраниться, и на свет появился новый гражданин страны победившего социализма. В финале, то ли восхищаясь этим фактом, то ли иронизируя над некачественной продукцией, поэт возглашает:

Я славлю Баковский завод
резиновых изделий!

Это была такая эротическая пьеска, весьма смелая для того давнего времени, исполненная в чем-то незаурядной творческой отваги, как и другое творение нашего гостеприимного хозяина — «Баллада о попе» (ударение на втором слоге, то есть о священнике, а не о заднице!). В этой балладе герой — местный поп православной церкви заодно с партизанами борется против немецких оккупантов. Тогда в этих стихах звучала какая-то явно беспартийная крамола. Как сейчас, через десятилетия мне слышится хриловатый голос Игоря Соловьева:

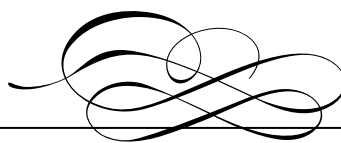
На площади у каланчи
Встал ящик на попу,
Взамен бежавших палачи
Повесили попу...

Это именно он отомкнул фашистский застенок и освободил пленных партизан.

Баллада заканчивается моралью на тему единения партии и народа, но в форме тоже нелепой в те годы. Вот краткое поэтическое резюме поповской жизни:

Он жил в неверии слепом —
Был путь его тернист:
Родился русским, был попом,
Погиб как коммунист...

Понятно, что «слепое неверие» относилось к вере в светлые идеалы советского общества. Напечатать эти стихи в условиях идейной цензуры было невозможно. Сегодня, через тридцать с лишним лет, то, что ка-

залось запретным, выглядит... почти смешным. А стихи все равно остались сильными, хорошо выполненными стихами.

В то время в Баковке жила еще одна поэтическая семья. Семья поэта Владимира Цыбина. Владимир Дмитриевич был родом из казачества, патриот-государственник, сильный талантливый провинциал, завоевывавший литературную Москву. Он в то время был женат на красивой женщине по имени Биана, растил сына. Понятно, сына звали Иваном. О Цыбине разговор отдельный, а Биана после развода, вырастив сына, в конце восьмидесятых уехала в Израиль на постоянное место жительства или, как это называлось в ОВИРах, — на «ПМЖ». Так, сын русского патриота Цыбина, Иван тоже стал израильтянином. Но вернемся к моему «первому настоящему поэту».

Его судьба в итоге сложилась весьма драматично.

Вскорости, после нескольких встреч в Баковке, я перестал бывать на соловьевской «даче», полной собак, паутины и разбросанных листков со стихами, и только через несколько мгновений десятилетий случайно встретил Игоря в ЦДЛ, где он с удовольствием называл меня своим «учеником». Конечно, это было не так. Но тогда многим хотелось иметь учеников, памятуя строки Евгения Винокурова — «художник, воспитай ученика, чтоб было, у кого потом учиться...» С этим у меня связана забавная история о человеческом чванстве и мелочном тщеславии, и может быть, я когда-нибудь поведаю ее, но в этом случае спорить мне не хотелось и я не стал возражать, чтобы не обидеть уже весьма немолодого человека, отмеченного — тут припоминаются строки Ахматовой — «клеймом неудачи».

А еще через несколько лет я снова встретил его со следами ожогов на лице, с еще розово-коричневыми от заживающих ожогов пальцами. Игорь поведал мне невеселую историю. Однажды ночью по непонятным причинам загорелся его деревянный баковский дом. Он попытался вывести

около десятка своих породистых собак, но перегородки в том помещении, где они содержались, уже пылали вовсю. На дворе Игорь понял, что рядом не видно его дочери-школьницы. Он бросился сквозь пламя в дальнюю комнату, но не обнаружил дочки. Дочери в доме он не нашёл. Уже обгорая, он с трудом вырвался из объятых пламенем строения. Потом оказалось, что дочь испугалась огня и от страха молча забилась под диван. Очевидно, что-то вроде шока лишило девочку дара речи.

Так заживо сгорела дочь Игоря Соловьева и свора его породистых собак.

Мой давний знакомец был неестественно оживлен, рассказывал, что ему с женой выделили квартиру на Мало-Грузинской, а сам он занят своим старым делом — разводит собак. А главное — несколько зарубежных издателей заказали ему книгу о том, как выращивать и воспитывать собак. Ну, и, конечно, о том, что будут крупные гонорары за этот труд, который он уже написал.

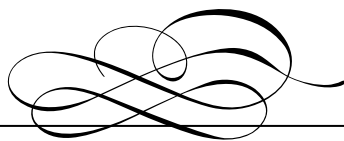
Я пожелал ему всего наилучшего в той ситуации, в которую его ввергла жизнь.

Больше я его ни разу не видел и не знаю, что произошло с ним, издал ли он всё-таки свою книгу или нет.

А ведь он был наделен несомненным поэтическим даром, мог стать известным поэтом, вписаться в идеологический истеблишмент и годам к семидесяти издать свой советский двух- или трехтомник. Но здесь уже начинаются таинственные причуды судьбы, и мне лишний раз хочется вспомнить стихотворение Давида Самойлова:

...не вспомнят люди о поэте,
как будто не было его...

А Игорь Соловьев иногда вспоминается мне, и перед глазами возникает его обожженное пожаром лицо и стиснутая в розовато-коричневых обожженных пальцах сигаретка, которая дрожит, когда он подносит ее ко рту...

ПРАВО НА ЭПОХУ
(Штрихи к портрету
Александра ТКАЧЕНКО)

Сегодня я снова вспоминаю своё знакомство с Сашей Ткаченко. Познакомил меня с ним Серёжа Новиков — коренной ялтинский житель, поэт и владелец половины дома и одноэтажного флигеля на Балаклавской улице. Тогда Саша ещё только начинал свою новую — литературную — карьеру. Спортивная закончилась. Но он был подтянут, стремителен, крепок, несмотря на недавнюю футбольную травму. По сравнению с ним полный, невысокий, с пивным животиком Серёжа выглядел рано постаревшим старичком. Он умер года три назад, и эта печальная весть пришла ко мне с опозданием в несколько месяцев: между когда-то близким Крымом и Москвой протянулись границы, пока ещё прозрачные, но уже затуманенные, едва подёрнутые колючей проволокой... И я вспомнил, как мы втроём гуляли по майской Ялте, где-то пили пиво, а потом с ознобным воплем входили в ещё холодную волну где-то в районе гостиницы «Ореанды»...

В Крыму Саша Ткаченко был своим человеком — футбольная юность не прошла напрасно. Его частенько узнавали на улицах, окликали и друзья и незнакомые люди.

Через много лет он написал книгу о своей спортивной жизни — «Футбол», преобразовав название игры в многозначный глагол. Это очень горькая и очень смешная книга, она не только о футболе, а скорее о том, как мы все жили в давние годы. Да и сегодня всё идёт по тем, неписанным законам, которые наш друг сформулировал в своей книге.

После давнего знакомства в Крыму мы время от времени виделись и на берегу Ялты, и в пёстром шуме ЦДЛ... Помню Сашу на одном из Всесоюзных совещаний молодых писателей в 70-е годы прошлого века. Мне довелось вести семинар вместе с Владимиром Цыбиным и Стасиком

Золотцевым, который тоже недавно ушёл из жизни. А Ткаченко принял участие в семинаре, который вёл Михаил Луконин. Чем-то они были похожи с Михаилом Кузьмичом — участником Великой Отечественной войны и тоже бывшим футболистом, когда-то игравшим за команду Сталинградского тракторного завода. Оба невысокие, кряжистые, крепкие ребята. Но ещё больше их сближал ритм стихов каждого из них — рваный, с переборами, с ломаным ритмом и такими же «нелинейными» строчками, похожими на неровный, зигзагами, бег опытного форварда... Может быть, поэтому Ткаченко так потянулся к Луконину, а тот признал «своего» в ещё молодом поэте. А потом мы встретились уже надолго и подружились больше четверти века назад — в сентябре 1981 года, когда начались занятия на Высших Литературных курсах. Саша приехал из родного Симферополя, я был москвичом, третий наш друг Бахытжан Канапьянов сорвался на два года учёбы — радости — творчества — познания — из ещё советской Алма-Аты. Хотя и до этого встречались и в ЦДЛ, и в Крыму, когда мне удавалось вырваться на пару недель в любимую чеховскую Ялту.

На ВЛК было много интересных курсов, но особенно привлекал творческий семинар, который вели замечательный поэт Александр Межиров и критик Станислав Лесневский. Я неплохо знал обоих. Лесневского как яростного борца за спасение блоковского Шахматова. А Межиров был одной из легенд современной поэзии — фронтовик, игрок, бильярдист, создатель многочисленных мифов о себе и своём окружении.

Когда обсуждали Бахытжана Канапьянова, его все хвалили, и я из какого-то дурацкого чувства противоречия, подверг его стихи критике. Разнёс, что называется, в пух и прах. Мне даже стало стыдно моего критического пыла. Но скоро мы объяснились и подружились. А с Сашей получилось так. Когда он выставил на обсуждение свою

странную дисгармоничную и частично непонятную поэму «Моль», на него накинулась половина поэтического семинара, выражая непонимание и неодобрение. Тут я напрягся и горячо поддержал его «нелинейное» произведение.

Наши дружеские отношения не прервались после ВЛК. Саша остался в Москве. Бахытжан время от времени появлялся в столице. Мы часто здесь встречались по разным поводам и просто так — безо всякого повода!

Вот одна из незабываемых наших встреч. Это было в постсоветское время. В 1997 году, насколько помню — в феврале, Бахытжан привёз в Москву изданную им книгу Ткаченко «Подземный мост». Привёз весь тираж — пятьсот экземпляров. Это был знак дружбы, которую не смогло прервать даже крушение нашей великой страны. Выход книги отметили в одном из буфетов гостиницы «Россия». Пройдёт ещё немного времени — и кто вспомнит, что была такая — самая большая в Москве гостиница, в которой в каком-то заштатном буфете пили за дружбу, за стихи, за будущее три неизвестных поэта. Наотмечались так, что утром перезванивались и выясняли, кто из нас ещё дышит.

Когда-то Андрей Вознесенский, сам ещё молодой, называл юного поэта Сашу Ткаченко крымским мустангом русской поэзии. Это было давным-давно. Ткаченко привёз его в степи под Симферополем — туда, где были захоронены в общей могиле тысячи крымчаков, евреев и других жителей Крыма, расстрелянные немецкими оккупантами в Отечественную войну. Но не только немцы совершили преступление против человечности — отечественные мародёры уже в наше время искали здесь ценности: золотые зубные коронки, сгнившие от времени бумажники с припрятанной драгоценной монеткой, золотые часы, срывали цепочки с шейных позвонков... Вознесенский тогда написал кровоточащую поэму «Ров». Наверное, тогда же Александр Ткаченко и

задумался о судьбах крымчацкого народа, к которому отчасти принадлежал.

А через десятилетия в среду 28 ноября 2007 в Доме русского зарубежья на Таганке Саша представил друзьям и коллегам свою новую книгу — потрясающую, невероятную. Книга о народе крымчаков, которых осталось не более тысячи человек в нашем огромном мире. На всём земном шаре!.. Горсточка трепещущих душ... Он оказался голосом и речью уходящего народа. К этой книге Саша шёл всю жизнь. Его книга стала памятником маме-крымчачке, всем тем, с кем он вступал в жизнь... В детстве он подсмотрел уходящие тени истории, услышал говорок своих земляков, впитал в себя память о быте и отношениях никем не познанного крымского захолустья.

Книга «Сон крымчака, или Оторванная земля...» стала высшей точкой судьбы замечательного поэта и прозаика Александра Ткаченко.

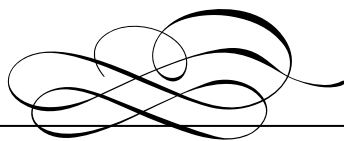
Он умер через неделю после этого вечера. Он, как и всегда, никого не просил о помощи. Он умел только помогать другим. Почувствовав себя плохо, заперся дома, умер в ночь с четвёртого на пятое декабря 2007 года. В среду об этом никто не узнал — просто Саша не подходил к телефону... Его нашли только в четверг.

Не выдержало сердце.

Меньше, чем за год до его ухода мы разговаривали в заваленном книгами и бумагами кабинете Русского ПЕН-клуба. Наверное, можно было бы и не повторять, что всем известно: он был генеральным директором, а последнее время ещё и вице-президентом российского отделения этой международной правозащитной организации писателей. Работал на износ. Был бесстрашен, когда защищал других.

Я время от времени заглядывал к нему на Неглинку.

В этом кабинете бывали самые разные люди. Здесь мы болтали с Генрихом Сапгиром, общались с безымянными писателями-беженцами из уже не совет-

ских среднеазиатских республик. Писатели спасались от деспотических режимов ближнего зарубежья. Сюда заглядывал Андрей Вознесенский да и кто только не появлялся в этой тесной от общения комнате.

Иногда Саша бывал замкнут, иногда открывался, бывал пронзительно открыт и тогда с горечью рассказывал о тщеславии и алчности иных из наших коллег, с которыми волей-неволей ему приходилось иметь дело. Сегодня не время пересказывать эти разговоры.

Примерно год назад Саша рассказал мне, что его прооперировали и установили «водитель сердечного ритма», электростимулятор — электронное устройство, которое подстёгивает работу пульса. Он как бы подталкивает ослабевшую сердечную мышцу, заставляя её биться с определённой частотой. А работает этот прибор от тоже вшитой в тело батарейки.

— Ты понимаешь, измерили пульс, а его практически нет... Сразу предложили операцию.

Меня поразило это откровение. Я осторожно поинтересовался:

— А как теперь? — спросил я. — И на сколько лет батарейка?

— Лет на десять, — ответил Саша. — Я думал, мне запретят всё на свете, оказывается, нет. Даже в футбол играть можно.

— А спиртное? — спросил я не самого выпивающего в этом мире поэта.

— Тоже можно. Красное вино. Конечно, в пределах разумного.

Вот они, эти пределы!..

Почему я так подробно воспроизвёл эту часть нашего разговора? Потому что это много говорит о характере Ткаченко. Он не задумывался о том, что жизнь может оборваться. Он и с «водителем сердечного ритма» был готов играть в футбол и пить красное вино.

К сожалению, природа не интересуется нашими планами. Она поступает по-своему. Неукротимый дух и брменная плоть человека с годами входят в противоречие. Я

не скажу, что Ткаченко переоценил себя. Просто он недооценил ту коварную непредсказуемость биологической составляющей человека.

Водитель ритма не помог — сердце оставилось.

Я даже представить себе не мог, что такое возможно: так крепок, бодр, неукротим был Саша в жизни, в творчестве, в обществе. Он так и остался тем степным мустангом, которого нельзя приручить к неволе.

Ткаченко был человеком, который осознавал себя в этом мире значительной личностью. Он знал себе цену и обладал чувством собственного достоинства. Его поведение, общение с людьми было лишено спеси, чванства, не задевало окружающих. В одной из своих поэтических книг «Игра на вылет» — я храню её ещё с тех «взлётных» лет — писал:

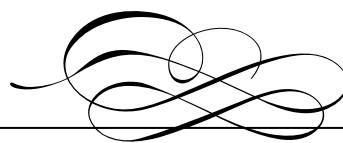
Как человек

Имею право на эпоху...

Он не только имел право на эпоху, он сам создавал эту эпоху, в том числе и для тех, кто его окружал. Эпоха Александра Ткаченко — это история правозащитной жизни новой России. Он строил русский ПЕН-клуб и сам рос вместе с этим клубом.

Не знаю, предчувствовал ли он, что скоро покинет этот мир? Скорее всего, нет. Но работал он жадно, бешено — и в Русском ПЕНе, и за компьютером, и встречаясь с друзьями, и мотаясь по белому свету. Где он только ни побывал — и в Мексике и в Финляндии, в Америке, в Анголе, далее везде... Всё это ложилось тайным грузом на сердце...

Не раз летал Саша на мировые конгрессы пеновского движения. Он провёл и свой — Международный конгресс ПЕН-клуба в Москве в мае 2000 года. В течение нескольких дней в пятизвёздочной московской гостинице «Редиссон-Славянская» словно сосредоточилась литературная жизнь планеты — её идеи, её бури, её протестные и стилистические противоречия. У меня со-

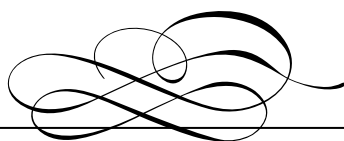
хранились фотографии, на которых мы остались под глянцем того времени вместе с Сашей Ткаченко, Борисом Месерером и Беллой Ахмадулиной, Бахытжаном Канаяновым, каким-то — сегодня уже и имени не вспомнить — японским писателем... В заключение конгресса в большом актовом зале гостиницы прошёл поэтический вечер. Здесь даже «нобелевский» Гюнтер Грасс вспомнил, что когда-то и он писал стихи, и рядом, после готической речи Грасса, эти стихи звучали в переводах Ткаченко, впрочем, им же и озвученные. Андрей Вознесенский нарисовал плакат поэтической встречи, которая состоялась 24 мая 2000 года. Он был издан и в большом формате и памятливыми книжными закладками. Одну из этих закладок-логотипов до сих пор храню в одном из сборников Вознесенского — белым фломастером на красном фоне в несколько штрихов он начертил силуэт обнажённой женщины и дату проведения встречи. Конечно, женская фигура исполнена весьма условно, а грудь её изогнулась как два рычажка старинной пишмашинки. Как мне показалось, эта женщина была задумана символом мировой литературы, которая, как ни посмотри, всё-таки женщина. Тогда я не успел поинтересоваться у Андрея Андреевича, правильна ли моя догадка, а сегодня спросить стало труднее — Вознесенскому 75 и он болен...

Саша Ткаченко любил гласность, любил, чтобы, как на стадионе, было много людей, голосов, застолий. Почти все свои книги он выставлял на дружеское обсуждение — в подвальном каземате Литературного музея на Петровке и том же Литмузее в Трубниковском переулке, в Доме литераторов и в «актовом» зале самого ПЕНа на Неглинке. Однажды он проводил презентацию книги рассказов в Малом зале ЦДЛ. Он прочитал рассказ из крымской жизни — о великовозрастном дебиле с феноменальными яйцами. Эта крымская картинка напомнила мне мощные латиноамериканские рассказы Габриэля Гарсиа Маркеса, с которым Саша

был лично знаком по мировым пеновским конгрессам. Я в своём выступлении подчеркнул как раз эту черту ткаченковской прозы — изобразительную силу, выразительность, яркие краски, крупные мазки.

Он дарил мне свои книги, одну за другой: «Избрань» — поэтическое избранное (на которое я смог написать и напечатать свой отклик в «ЛГ», перепечатанный затем в парижской газете «Новое русское слово»), книгу воспоминаний о спортивной молодости «Футбол», лукавый роман о любви «Левый полусладкий», свои «тёмные аллеи» страстей и страданий «Женщины, которых мы не любим, или Джентльмен на ночь», прекрасную книгу «Париж — мой весёлый жулик», в которую, в том числе, входил чудный цикл новелл «Записки проходимца». Стоят на моей полке и публицистические книги Саши Ткаченко, и последний — изданный за полгода до смерти — сборник его стихов и переводов... При жизни моего друга эта книжная полка только дополняла его — живого, порывистого, вдохновенного... Сегодня, увы, книги человека не заменят. Но хорошо, что они есть — написаны, изданы и, хочется надеяться, не пропадут в нашей литературной истории, в которой, в основном, всё как раз исчезает бесследно. Эти книги написаны так, что их можно читать, в них о сложных вещах говорится нормальным человеческим языком, а это нынче большая редкость.

Я не раз, помимо всего прочего, появлялся в русском ПЕН-клубе на Неглинке в середине весны, 19 апреля Саша обычно отмечал свой день рождения. Обычно пеновские дни рождения он отмечал с коллективом ПЕНа и с кем-то из приглашённых или случайно заглянувших на «огонёк» друзей и коллег. В 2008 году многие из тех, с кем он дружил и работал, снова собрались в конференц-зале ПЕНа, если таким торжественным именем можно охарактеризовать большую комнату, где собирались гости. Это тоже произошло 19 апреля. Мы отмечали день рождения Саши. Но уже без него. За большим столом в

чёрном одеянии уже бесслётно сидела вдова Саши и его сын Фёдор.

Саша Ткаченко был надёжным человеком в этом неустойчивом мире. В юности он научился «брат» мяч, бросаться с ним на преграды. С его уходом мир стал менее надёжен и более шаток. По крайней мере, для тех, кто знал поэта.

Саша Ткаченко умер на взлёте — жизненным, творческом. Это взлёт был так очевиден, что Андрей Битов, завершая своё скорбное слово на панихиде по Ткаченко в Малом зале ЦДЛ, сказал: «Его нет — он улетел...»

Андрей Георгиевич имел право на память о Саше. Увы, в своё время Булат Окуджава пророчески написал: «Все враги после нашей смерти запишутся к нам в друзья...». Меня поразило, что к микрофону на панихиде выходили если не враги, то люди по сути малознакомые с Сашей, которые говорили о «Ткаче...», каким для них он никогда не бывал. И я вспомнил, что он рассказывал мне в своём пеновском кабинете о некоторых из этих людей — его слова были целой энциклопедией, посвящённой мелочности, скупости, лживости иных из наших коллег. Что тут поделаешь? — таковы люди, такими они были тысячи лет назад, такими хотят остаться через тысячу лет.

А в самом ПЕНе при жизни его обычно величали Петровичем.

Трудно вспоминать о старом друге, пока ещё не улеглось ощущение преждевременного прощания. Конечно, это ещё не портрет Александра Ткаченко, а только подступы к нему, только отрывочные штрихи и заметки о человеке, с которым, как вдруг оказалось, дружил больше тридцати лет. Половину жизни.

P.S. Имя в рамке...

Свою последнюю прижизненную книгу стихов «Происхождение вида. Стихи. Переводы» (2007) он подарил мне с доброй надписью ещё 8-го июня 2007 года, вскоре после выхода её из печати. Она вышла незадолго до «Сна крымчака...». Мне понрави-

лась эта книга своими неожиданными, как всегда у Ткаченко, ритмическими ходами, отбором стихов для перевода в разделе «Отрывки неба» — среди авторов Роберт Фрост, Уильям Джей Смит, другие классики XX века. Я не буду останавливаться на её страницах — я пишу не рецензию, а воспоминание.

Но вот что меня поразило сегодня, когда я снова пролистал страницы последнего — предсмертного — поэтического сборника Саши. То, что я не заметил, когда принял подарок и когда поставил книгу на полку. И только сейчас даже не увидел — понял, что фамилия автора на обложке — Александр Ткаченко — странным образом заключена в прямоугольную горизонтальную рамку, точь-в-точь так, как обрамляют фамилии авторов посмертно. Вообще в судьбе нашего друга случались мистические совпадения и предзнаменования... Что за мистика открылась в этом оформлении? И была ли эта рамка в июне месяце, когда Саша подарил мне свою последнюю изданную при жизни книгу? Сегодня я начинаю в этом сомневаться.

март-июнь 2008 г.

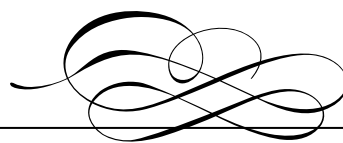
Екатерина МОСИНА

Воронеж

* * *

Там время, как паук, свои сплетает сети.
И пеленает мир хитонем паутин.
И стрелки на часах поникли, словно плети,
Засохшие в песках сахаристых пустынь.

И в склянке той песок — пусть время
отмеряет.
По ветру паучки отправились в полет.
Хоть солнце над землей по-летнему сияет,
Но жаворонок в небе давно уж не поет.

Отпустят летунцы в порывах ветра стремя,
Запнувшись о кусты, осядут на листьях,
Не ведают они, что ветер — это время.
А сами паучки — лишь стрелки на часах.

ЛИСТЬЯ

Журавлиным, печальным клином,
Тонкой ниточкой лебедей
Покидает лето долины,
И линяет ковер степей.

Пожелтевшие клювики листьев
Остро бьются в мое плечо.
Ветер вспыхнет, как пламя неистов,
От дыханья его горячо.

Листья тоже, как птицы, тоскуют,
Всякий раз отправляясь в полет.
Но Природа судьбу им иную,
Словно нищему грош, подает.

Подарила им легкость, летучесть,
Наградила мечтой о крылах,
Но оставила горькую участь
Трепетать на холодных ветрах.

Ямщик, постой, и я с тобою.
Я воду подносил коню.
Тут все — живущие гоньбою.
Так ведь и я себя гоню.

Возле коровинского дома,
Где тени трёх богатырей,
Удары дворницкого лома
И пар горячий из ноздрей.

И выплеснутые остатки
Из протрезвевших полпивных.
Со мною все мои манатки —
И нет давным-давно иных.

Я выкарабкался и вылез
И в сено рухнул на возок.
А у посудомойки вырез
Был вместе с крестиком глубок.

Владимирку мы поутюжим,
И глянут арестанты вслед
Всё с тем же конвоиром дюжим.
Ну что ж, другой дороги нет.

* * *

Жующие конские морды.
Луну утопивший Донец.
Цыганской гитары аккорды.
Повозки. Полынь. И чабрец.

Горбатая тень на баштане.
Акации приторный яд.
Наверно, сегодня цыгане
Прирезать кого-то хотят.

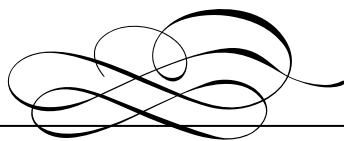
Что плачешь ты, мальчик-калека,
Лицом зарываясь в траву?
А я уж три четверти века
Той музыкой жуткой живу.

Владимир МОЩЕНКО

ЯМЩИЦКАЯ СЛОБОДА

Был снег и ноздреват, и плотен.
Вся слобода — и «Ну!» и «Гпру!»
Из продымлённых подворотен
Возки взлетали поутру.

Заря врасплох их не застала.
Не таял иней на узде.
Ещё Рогожская застава
Свет зажигала не везде.

ЧЕЛОВЕК — ЭПОХА

Памяти

Сергея МИХАЛКОВА

(1913-2009)

В августе 2009 года на 97-м году жизни скончался Сергей Михалков. Мало к чему так применимы слова «ушла эпоха», как к уходу этого великого человека. Поэт, драматург, публицист, сценарист, общественный деятель — он был личностью, которая всей своей жизнью отражала огромную и сложную советскую цивилизацию. «Я родился в царской России. В четыре года встретил революцию, наблюдал образование СССР, а в 78 лет — развал государства, которому верой и правдой служил всю жизнь», — написал Михалков в предисловии к одной из своих книг.

Он родился в 1913 году в русской дворянской семье, принявшей революцию. Его отец впоследствии стал одним из основоположников советского промышленного птицеводства.

Школу будущий поэт заканчивал в Пятигорске, а в Москву приехал, когда ему было чуть больше 20 лет.

В 1935-1937 годах Сергей Михалков обучался в Литературном институте. И уже на втором году обучения издал первую книгу своих стихов. В те же годы Михалков выступил как драматург и баснописец. Его басню «Лиса и бобер» опубликовала газета «Правда». В 1939 году он получил свою первую государственную награду — орден Ленина.

Как детский писатель Михалков стал известен благодаря трилогии «Дядя Степа» — книге о смелом и доблестном милиционере, которая была написана в 1936 году. Корней Чуковский, тонкий знаток детской души, не побоялся назвать поэму о дяде Стёпе бессмертной.

С этого времени Михалков стал пользоваться всеобщей любовью. Сам писатель говорил: «Мой голос всегда был эхом дет-

ских голосов, иначе столько десятилетий дети не читали бы моих книг».

Сергея Михалкова читали в детстве нынешние дедушки и бабушки, а теперь они покупают его книги для своих внуков. Многие строки из его детских стихов, например «Я уколов не боюсь», «А у нас в квартире газ», «Мы возьмем с собой кота» — давно стали крылатыми.

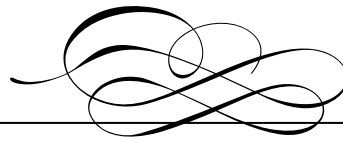
В 1939 году Михалков был призван в армию и в качестве военного корреспондента участвовал в событиях на Западной Украине и в Финляндии. В 1941-1945 годах он находился в рядах Красной армии, работал в армейской печати, побывал почти на всех фронтах. Знаменитая эпитафия Неизвестному солдату, выложенная на гранитной плите Вечного огня у Кремлевской стены: «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен», — также принадлежит Михалкову.

Но одним из самых главных его достижений является то, что он — автор слов к трём государственным гимнам — «сталинскому», «советскому» и «российскому».

Значительное место в жизни Сергея Владимировича Михалкова занимала общественная деятельность. Он последовательно занимал посты председателя Московской писательской организации, председателя правления Союза писателей РСФСР, секретаря правления Союза писателей СССР. С 2000 года и до последних дней жизни работал председателем Исполкома Международного Сообщества Писательских Союзов.

За высокое служение отечественной литературе и культуре Герой Социалистического труда Сергей Михалков награжден многими орденами и медалями СССР и России, орденами Русской Православной Церкви. Он удостоен трёх Сталинских премий (1941, 1942, 1949), Ленинской премии (1970), Государственной премии РСФСР (1977) и СССР (1978).

Общий тираж произведений Михалкова превысил 300 миллионов экземпляров.

ОТ КАРЕТЫ ДО РАКЕТЫ

Люди ездили по свету,
Усадив себя в карету.
Но пришел двадцатый век —
Сел в машину человек.

Тут пошло такое дело!
В городах затарахтело.
Шум моторов, шорох шин —
Мчатся тысячи машин.

В паровые тихоходы
Забирались пешеходы.
И могли они в пути
На ходу легко сойти.

А теперь под стук колес
Нас везет электровоз.
Не успел двух слов сказать —
Смотришь: надо вылезать!

Корабли такими были —
Как игрушечные, плыли.
Плыли месяц, плыли год...
Появился пароход!

А сегодня в океаны
Выплывают великаны.
Удивляет белый свет
Быстрота морских ракет.

Лишь одним ветрам послушный,
Поднимался шар воздушный.
Человек умел мечтать,
Человек хотел летать!

Миновал за годом год...
Появился самолет!
В кресло сел, завтрак съел.
Что такое? Прилетел!

Ну, а это, ну, а это —
Кругосветная ракета!
От кареты до ракет!
Это чудо или нет?

ЗАЯЦ ВО ХМЕЛЮ

В день именин, а может быть, рожденья,
Был Заяц приглашен к Ежу на угощенье.
В кругу друзей, за шумною беседой,
Вино лилось рекой. Сосед поил соседа.
И Заяц наш как сел,
Так, с места не сходя, настолько окосел,
Что, отвалившись от стола с трудом,
Сказал: «Пшли домой!» —

«Да ты найдешь ли дом? —

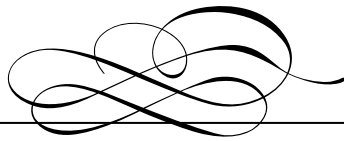
Спросил радушный Еж. —
Поди как ты хорош!
Уж лег бы лучше спать, пока не протрезвился!
В лесу один ты пропадешь:
Все говорят, что Лев в округе объявился!»
Что Заяца убеждать? Заячишка захмелел.
«Да что мне Лев! — кричит. —

Да мне ль его бояться?

Я как бы сам его не съел!
Подать его сюда! Пора с ним рассчитаться!
Да я семь шкур с него спущу!
И голым в Африку пушу!..»
Покинув шумный дом, шатаясь меж стволов,
Как меж столов,
Идет Косой, шумит по лесу темной ночью:
«Видали мы в лесах зверей почище львов,
От них и то летели клочья!..»
Проснулся Лев, услышав пьяный крик, —
Наш Заяц в этот миг сквозь чащу продирался.
Лев — цап его за воротник!

«Так вот кто в лапы мне попался!
Так это ты шумел, болван?
Постой, да ты, я вижу, пьян —
Какой-то дряни нализался!»
Весь хмель из головы у Заяца вышел вон!
Стал от беды искать спасенья он:
«Да я... Да вы... Да мы... Позвольте объясниться!
Помилуйте меня! Я был в гостях сейчас.
Там лишнего хватил. Но все за Вас!
За Ваших Львят! За Вашу Львицу! —
Ну, как тут было не напиться?!»
И, когти подбрав, Лев отпустил Косого.
Спасен был хвастунишка наш.

Лев пьяных не терпел,
сам в рот не брал хмельного,
Но обожал... подхалимаж.

Ирина НЕГИНА

* * *

...И я вошла неслышно и несмело,
Боясь нарушить сон твоих богов.
Прости, но я, как видишь, не сумела
Не покориться зову тихих слов.

Накрыв меня вуалью тёплой ночи,
Ты мне напишешь песню на песке.
И я пойму твой непонятный почерк
И запою на древнем языке,

О том, что здесь таинственно и влажно,
А сферы так прозрачны и легки,
Что нам с тобой, конечно же, не важно,
Что мы так безнадежно далеки.

...И на песке оставив стыд и негу,
Я растворюсь в лазуревой волне,
А ты, познав и альфу и омегу,
Забыть уже не сможешь обо мне.

* * *

«И вечность задремала у огня...»

И ангелы кружили у окна.
И тишина чарующе искрилась.
И нас с тобой коснулась божья милость
Последним взмахом белого крыла.

...Горел камин. Я пела о любви,
Доверчиво стоящей на пороге.
И мудро улыбались наши боги.
И плакали о чём-то соловьи...

И вечность задремала у огня.
И мир казался сказочным и хрупким,
В нём не было ни смерти, ни разлуки,
Был только ты... а может быть, и я.

о. Владимир НЕЖДАНОВ

Московская обл., п. Менделеево

ЗИМОЙ

У соседки сгорела изба.
По ночам вьюга печку топила,
И дымила туманом труба,
Снежным ветром в округе дымила.
С каждой ночью обугленный двор
Всё черней и пустей становился.
И соседки бездомный забор
К нашей яблоне притулился.
Мой отец выходил с топором,
Чёрный двор на дрова разбирал.
...Долго-долго ещё этот дом
В нашем доме зимой догорал.

* * *

Как небо есть на этом свете,
Так и на том — земля,
чтоб снова
И там, и здесь услышать Слово —
Живой за мёртвого в ответе,
В ответе мёртвый за живого...

* * *

Жаром пышет в саду от раскрывшихся роз.
В зной деревья трещат
как в крещенский мороз!
И гудит, словно улей, полдневное лето
В небесах добела накалённого света!
На меня тяжело дышит, как рыба, река.
Мреют запахи душной воды и крапивы.
Лишь в своих отраженьях живут облака
Да над небом огромно склонённые ивы...

СТАРИННАЯ УСАДЬБА

Здесь всё, как много лет назад
Забилось на одно мгновенье —
Окно, распахнутое в сад,
Руки твоей прикосновенье.

Пролёт осенней синевы —
Ночных небес застывший сполох,
И между шорохов листвы
Один запомнившийся шорох...

И так же в комнате темно
И дремлет лунная прохлада,
И так же трогает окно
То тень звезды, то ветка сада...

«...Всё это было так давно,
Что вспоминать уже не надо...»

* * *

В зеркале водном ели так черны,
Так чутко полон парус тишины,
И небеса так страшно догорают —
Что лист не сможет с дерева упасть...
Какая мука и какая власть
Послушными созвездьями играют!
В подземных тиглях движется огонь,
Перетекая в стебли... Только тронь —
И он тотчас же в кровь твою вольётся.
И травы дышат, ночь собой согрев.
И льнёт соцветьями к коленям львиный зев.
И вечность гулко в сердце отдаётся...

Памяти отца

**Мы всё ещё отбрасываем тени,
Сквозь прошлое пытаюсь посмотреть.
Есть право выбора
 меж этими и теми,
Единственное право — умереть.**

Галина НЕРПИНА

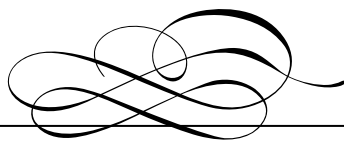
Татьяне Кузовлевой

Когда новогодняя елка
Последнюю снимет серьгу,
И тонко чернеют иголки
На хрупко-крахмальном снегу,
И утром как будто приснится,
Что свет расширяется вдаль,
Зима начинает двоиться —
И перетекает в февраль.

И в счастье впадаешь, как в детство,
И, сделав горячий глоток,
Забыв потеплее одеться,
С коньками летишь на каток.
Не чувствуешь легкие ноги.
(Ничто еще не решено!)
Скользить по зеркальной дороге
Таинственно, страшно, смешно...

А глубина негаснувшего неба?
А гром беззвучный среди бела дня?
Ты есть, ты был, когда-то были, не был...
Мой бедный, бедный,
слышишь ли меня?

Александр НЕСТРУГИН

Воронежская обл., с. Петропавловка

* * *

Вячеславу Лютому

Я живу на отшибе,
У высокой воды.
Сквозь речные изгибы
К сердцу вынесло льды...

От казённого сглаза,
От житейских прорех
Крайобрывные вязы —
Мой простой оберег.

Но саднит за грудиной
На обрыве сквозном
От строки лебединой,
Что, как жизнь, на излом.

* * *

В старом платье, простовата,
Поглядите на неё:
То ли участь, то ли плата,
То ли горюшко мое.

Прилепилась неотвязно,
Не пускает никуда.
Не даёт прожить мне праздно,
Не оставивши следа.

Есть вуаль — дождя капли,
Не могла другой купить.
Но ведь это — траты, траты,
А с лица воды не пить!

Я ночью с ней у стога,
Просыпаюсь — и опять
Непокрытая дорога
Робко тянется
Обнять...

Олеся НИКОЛАЕВА

БАЛЛАДА

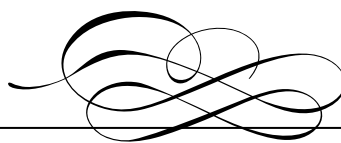
Этo умер дурень Юрка —
 не крещён и не отпет.
Чует только кошка Мурка
 в мире его смутный след:
И мятется, выгибает спину,
 и кричит своё,
Из-под шкафа выгребает
 пыль какую-то, тряпьё...

Есть у Юрки дочь Мария,
дочь Мария — так она
За пути его кривые горечь испила сполна.
За бесчинства роковые,
без креста чумной погост,
За грехи его Мария
принимает строгий пост.

...Так проходит время —
 Мурка помирает, туфли трут,
 Сверху слышится мазурка,
 снизу — дворники орут.
 Справа — кто-то колобродит,
 слева — завывает дрель,
 А Мария ходит, ходит
 среди мертвеющих земель.

В седине, почти без пищи,
в старом рубище, без сна
В царстве мёртвых ищет,
ищет папку глупого она.
Видно, он совсем в поганом месте,
в гуще темноты,
И Мария в платье рваном лезет,
лезет сквозь кусты.

Сверху слышится сюита,
 снизу — заунывный звук,
Справа — женский крик сердито:
 «Сволочь!», слева — бодрый стук.
Видно, он совсем в пропащем месте,
 посреди болот.
И Мария тащит, тащит ноги,
 падает, ползёт...

И внезапно видит — что там?
 Дуновенье ветерка,
 Свет как будто над болотом,
 словно голос свысока:
 «За любовь твою, за слово,
 за слезу твоих пустынь
 Я помиловал дурного
 папку твоего. Аминь».

Где-то снова — вальс собачий,
 где-то шум бензопилы,
 Кто-то воет, кто-то плачет,
 что-то там Бюль-Бюль Оглы,
 Рёв машины, скрежет, полька,
 скрип, кукушка на часах...
 Но Мария слышит только
 «аллилуйю» в небесах!

ИОСИФ

Когда б Иосиф, злыми братьями
 израненный, в пустынном месте,
 сжимая кулаки с проклятьями,
 роптал и вопиял о мести;
 когда б Иосиф, в рабство проданный,
 во тьме, к исходу первых суток,
 Нил проклинал со всеми водами,
 пустынями мучил рассудок;
 когда б Иосиф, опороченный
 клеветами, уже в темнице,
 на крюк в стене, на камень сточенный,
 на яд змеиный смог польститься, —

что было бы тогда? — инаково
 судьба пошла бы, и юродом
 смела б голодного Иакова
 и Ханаан с его народом?
 И подвиг Авраама-странника
 пошёл бы прахом?... Иль другого
 Бог создал бы себе избранника
 в часы смятенья рокового?..
 Иль все эти всхлипы с вскриками —
 души неверной вестовые:
 сиди во рву, мирись с языками
 да сны разгадывай кривые...

РОМАНС

Я пуговицу вдруг нашла в траве
 От платья белого — лет семь уже, как эта
 Смешная пуговка на пышном рукаве
 Оторвалась. Уже и платья нету.
 Но — пуговка! Как пели соловьи!
 Один — так прямо на сирени, с края.
 И в платье белом, как в пандан ему, — свои
 Слова подсказывать я стала, подпевая...
 И эти пышные вздымала рукава,
 Как будто дирижировала, — верно,
 С тревогой ночь следила, чтоб слова
 Ни тайн не выдали, ни лгали лицемерно.
 И вдруг, ревнивая, затеребила шелк
 И эту пуговку — а та не удержалась...
 И ночь прошла, и соловей умолк,
 И платье скомкалось и затерялось...
 И безалаберные потянулись дни:
 То дождь, то снег, то вороньё, то пусто...
 Так застегни скорее, застегни
 На эту пуговку расхристанные чувства!

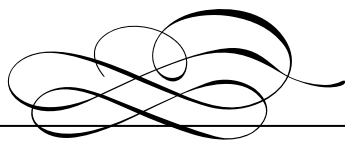
Станислав НИКУЛИН

Воронеж

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Речей и слов
 не надо броских,
 ты просто молча здесь постой...
 Не всем лежать
 у стен Кремлевских,
 но всем лежать в земле сырой.

Живут они в сердцах и песнях,
 ушедшие в последний бой.
 Россия,
 стала ты известней
 от неизвестности такой!

В твоих исканиях и взлетах,
в твоей судьбе так велики
и безымянные высоты,
и безымянные стрелки.

У времени на перекрестках
немало полегло солдат...
Не все лежат
у стен Кремлевских,
но все — за них в земле лежат.

НА ТИХОЙ СОСНЕ

В некошенных травах следы.
Кукушка гадает устало.
И мальчик стоит у воды.
И лодка стоит у причала.

На сердце тревога легка,
хотя тяжелей год от года.
И дышит свободой река,
и дышит рекою свобода.

И ты уж не так одинок,
и смотришь на землю влюбленно,
когда тебя каждый листок
встречает улыбкой зеленой.

И вот незаметно совсем
уходит душевная смута.
И хочется верить... Не всем.
А хочется верить кому-то.

Когда от тебя вдалеке
той веры останется мало,
к реке припаду, как к руке,
которая не отпускала.

И вновь уведут от беды,
помогут начать все с начала
тот мальчик у тихой воды,
та лодка его у причала.

СОЛОВЬИНАЯ МОЛИТВА

Вот и пришло откровение,
вот и вина прощена.
Словно само исцеление,
льется с небес тишина.

Вечеру этому тихому
рад, как и я, соловей.
Просит свою соловьишу он:
— О, пожалей, пожалей!..

От наплывающей свежести
кругом идет голова.
Как мы стесняемся нежности
в мыслях,
делах
и словах.

Долго друг другу заветное
мы не спешим говорить.
Так ведь нам скоро, наверное,
некогда будет любить.

Нам всё спокойнее дышится,
а под луной все сильнее
вечное-вечное слышится:
«О, пожалей, пожалей!..»

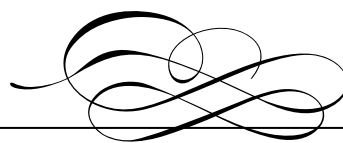
Николай НЫРКОВ

Рязанская обл., г. Спас-Клепики

* * *

В сухих руках ржаного поля
Дрожала зыбь от тишины...
Судьба моя, судьба и доля
Уже давно предрешены.

Я лет уже не помню сколько
В воспоминаниях храню:

Лаптежный след в песке проселка
И след тележный по жнивью,

И эту тропку на заречье,
Где после утренней косьбы
Выносит мать, сутуля плечи,
Воды холодной из избы,

Медовый запах сеновала
И вкус парного молока,
И речку в пятнах краснотала,
Где пили воду облака,

Чугун распаренной картошки
И хлеб горячий из печи,
И голос плачущей гармошки,
Мне не дававшей спать в ночи...

Я все храню светло и свято,
И жду: а может быть в ночи
Мелькнет в свекольной тьме заката
Огонь растопленной печи.

* * *

Я не знаю — что, но что-то пролито
В сердце мне с небесной высоты,
И звучит оно во мне, как золото,
И шуршит, как кожа бересты.

Что-то очень светлое и сладкое,
Как моя задумчивая Пра,
Вдруг приходит вечером украдкой
И дрожит на кончике пера.

И когда незримое свечение
Станет теплым пламенем зари,
Я свое пойму предназначенье,
Доверяя голосу внутри.

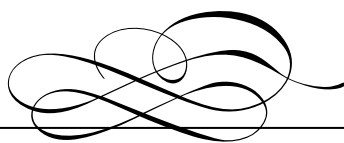
Василина ОРЛОВА

* * *

И что потом её состарит —
Бульдозер, школа, леспромхоз,
Начальство, кухонные свары,
Дрова, колодец, пыль, мороз?
Но летняя алеет лодка,
Пока его всерьёз влечёт
Неторопливая походка
И кружевной воротничок.
А что сегодня утешает
Под старость лет, в чужом дому —
Всего того никто не знает
И знать не надо никому.
Ведь нет торжественной закона
Над летней блещущей рекой,
Чем кумачовый плеск с перрона
Косыночки её простой
И взмах рукой в окне вагона —
Недосягаемой рукой.

* * *

Жёлтое, медное — всыпано в озеро,
Крупными жменями, взмахами быстрыми.
Кто-то растряс мимоездом, разбросано —
Мелочью, никелем, брызгами, бисером.
Столько богатства — на голые пустоши:
Втоплено в грязь, на земле позамешано —
Ветер срывает со стоном, без устали
С клёна, берёзы, рябины, черешни.
Ветру ни отпуска, ветру ни роздыха.
С этого берега мы не рыбачили.
А хорошо в остывающем воздухе
Быть как рябина — пустая, прозрачная.
И хорошо быть поблизости — около,
Но отстранённо слегка, разумеется.
И полюбить чьи-то руки и локоны,
Холодноватое, конечно, умеренно.
Так и шатает — вы пьяное, дерево!
Ножик потерял, колени испачканы.
Мы не рыбачили с этого берега —
Только с того. Да и то — не рыбачили.

Григорий ОСИПОВ

* * *

Рябина в багряной косынке,
Застыв у забытых ворот,
Печально глядит на тропинку,
Которая к дому ведёт.
В той дальней и дивной сторонке,
Затерянной в чаще лесной,
Где речка с названием негромким
Когда-то дружила со мной.
Где тянутся в прошлое годы
И дремлет сосновая быль.
Где так отстранённо и гордо
Стоят верстовые столбы.
Где сердце, в волнении дрогнув
У края родного села,
Вбирает любую подробность,
Которая жизнью была.
Совсем не так, как надо?!

* * *

Пускай на сердце давят годы,
Я буду петь, пока живой,
Под обновлённым небосводом,
Под вешней, волглою листвою.

Я буду петь об отчем крае,
Где сны хранит зацвётший сад,
О перелётной птичьей стае,
Что возвращается назад.

О материнском старом доме,
Где тишина грустит внутри,
О звёздах, что в речном затоне
Спят молчаливо до зари.

О ветре, что гуляет в поле
Близ одинокого села,
О бесприютной русской доле,
Что и меня в полон взяла.

Я буду петь, и песнь печали
Вновь будет таять в вышине,
И песнь мою услышат дали,
Ещё неведомые мне.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

* * *

Ну зачем это вроде мне —
всё снега да снега?
Как махновцы, по Родине
разгулялась пурга.

Мчится белая конница —
не рассмотришь копыт!
Только свист за околицей,
затухая, висит...

МОСКВА В НЕПОГОДУ*В.Г. Распутину*

Вьюга свирепствует. Ветер — ретив.
Стрелы летят из незримых тетив.
Колко нам в лица впивается снег
под сатанинский бичующий смех.

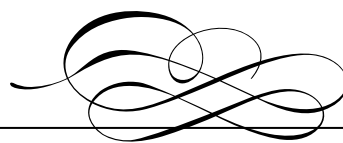
Бешеной конницей скачет пурга,
злобно кидает на город снега.
Выйдешь из дома, а дальше — куда? —
белая всюду кружится орда.

Мир обезумел! Покинув Сибирь,
тысячи вьюг пронеслись через ширь,
чтобы, навеки затмив синеву,
чёрною ночью ворваться в Москву

Город защиту не выставил впрок.
Сны безмятежные видит Боброк.
И не примкнули к оглоблям штыки
князя Дмитрия рати-полки.

В мутном сиянии жёлтых огней
мечутся призраки снежных коней,
чёрные окна в испуге блестят,
белые копыта вдоль улиц свистят...

Жадно гляжу я сквозь тьмы полотно —
чьё там за вьюгой мерцает окно?
Это — молитвенник в келье не спит,
молит о тех, кто в сражение разбит.

Тихо сочатся молитвы слова,
но — от тех слов оживает Москва,
и, совершая невидимый путь,
горные силы втекают ей в грудь.

Сколько б ни билась пурга о порог,
мир погубить не попустит ей Бог.
Утро — наступит. И солнце, восстав,
выбьет врага за пределы застав.

Ляжет на погранный мир тишина.
Станет ночная тревога смешна.
И — словно белые ризы Христа —
сладко заплещет в глаза чистота...

ЛИСА

...После Тарусы — вновь пошли леса,
мохнатые, густые, точно шуба.
Тут всё растёт — от сосен и до дуба!
А вон — гуляет рыжая лиса.

Плутовка и не думает бежать!
У ней, видать, уже вошло в привычку
встречать тут поезд или электричку...
Ну чем они ей могут помешать?

Пылает шёрстка рыжая, как флаг,
не опасаясь вражьей закулисы...
Россия! Русь! Храни себя в веках!
Пусть живы будут и леса, и лисы.

Пускай порой — хотя б со стороны! —
всем, кто спешит домой иль, может, в гости,
хотя б на миг окажутся видны
улыбка лисья или лисий хвостик.

В своей душе — мы дети до седин,
нам не хватает радости и ласки,
а лес с лисой, как блики из глубин,
выносят к нам воспоминанье сказки...

Живи, кума! Воруй на фермах кур!
Пускай твой запах бесит пустолаек.
Бог создал лис на свете — не для шкур,
им белый снег под ноги подстилая.

Мир красотой наполнен, чтоб душа —
не разучилась радоваться чуду...
Беги, кума... Ах, как ты хороша!
Так и пальнул дуплетом бы в паскуду!..

ШТОРМ

Чёрное море кипит, точно масло
в кастрюле,
гонит волну, как свирепого, злого быка.
А говорили — под Варной на пляжах в июле
можно до вечера нежить на солнце бока!

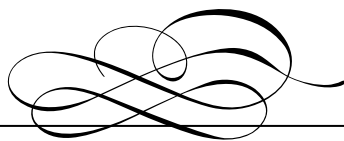
Я не в обиде на эти сюрпризы стихии —
пусть веселится, ликую и буйствуя вселась!
Сердцу поэта близки эти ритмы лихие,
разве прикажешь душе: умири свою
страсть?

Выйду на берег, где бьётся прибой
многогривый,
и вдруг пойму, что наш мир —
он совсем молодой,
ну, разве мог бы он быть,
как мальчишка игривый,
если бы был он старик —
весь больной и седой?

Пусть громыхает волна,
расшибясь у причала
на миллионы искрящихся
радужных брызг.

Жизнь — продолжается.
Мир — ещё в точке начала.
Шторм — лишь игруньи-природы
случайный каприз!

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН

Петрозаводск

* * *

От старых друзей — ни звонков и ни писем.
Закуталась в дождь безнадежная осень.
От воспоминаний

мы странно зависим —

Как талисманы, с собою их носим.
А мой талисман, как росинка, — бесцветен,
В нем что-то вздрогнет и сгинет из виду.
Выскоблит ветви начисто ветер,
Как время выскабливает обиду.
Спутаны дни, словно черные карты,
От несовпадения дат и пророчеств.
Я выдыхаюсь у линии старта.
Ночи — длиннее, надежды — короче.
Но и с надеждами — неотвратимость
Еще предстоящих падений, ушибов.
И как наказание — непоправимость
Уже состоявшихся слов и ошибок.

* * *

Терпкий листик от райского дерева,
Неподвластного мертвой зиме,
Ты скитаешься, Богом потерянный,
По измученной пыльной земле.
Ты свидетель чужой, неприкаянный.
Сильный спутник твой — ветра порыв.
Люди плачут в жилищах каменных,
На ночь наглухо двери закрыв.
Как хранитель благополучия,
Вдруг в проеме оконных рам
Погрозит тебе строгим лучиком
Голубой говорящий экран.
И тебе никогда не отважиться
Приоткрыть тот покой тиши...
То, что видимо, — только кажется
Сердцевиною живой души.

Юлия ПОКРОВСКАЯ

* * *

Пестрое лето — цыганская шаль.
Пляшут под окнами жгучие краски.
Не привыкай, чтобы не было жаль
с ней расставаться при скорой развязке.

Так обнимает, так нежит теплом,
так обещанием радости манит!
Если поверишь, дурак, поделом:
коль не сегодня, так завтра обманет.

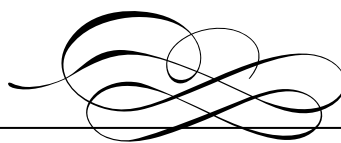
Страсть у цыганки с рожденья одна —
вольная воля. Не слюбится с пленом.
И не ее это вовсе вина:
карта такая у нас — к переменам.

НА РАССВЕТЕ

В темноте соломинкой повисла
тоненькая нитка золотая.
Может, в этом и не много смысла,
но прорехи все же залатаю.

Это правда, матерьял непрочный,
все вороны дружно крах пророчат.
Но ведь надо что-то делать срочно,
если жизнь по швам разлезться хочет.

Екатерина ПОЛЯНСКАЯ

Санкт-Петербург

Без обвинений и высоких слов
Мне воронённый ствол упрёт в затылок
Эпоха рынков, нищих стариков,
В кошелёки собираемых бутылок.

Эпоха, где уже не на кресте —
На поручнях промёрзлого трамвая
В раздавленной телами пустоте,
Распав, тебя сейчас же забывают.

Где, как во сне, без голоса кричать,
И погибать в слепом бою без правил,
Где горького безумия печать
На лоб горячий кто-то мне поставил.

Где полувчувства точат полужизнь,
И та привычно и почти не страшно,
С краёв желтея, медленно кружит
И падает в архив трухой бумажной.

Где время, обращённое в песок,
Сочится, незаметно остывая,
И отбывает слишком долгий срок
Душа — на удивление живая.

От любви, от печали, от жалости
Не взяла ни крупинки, ни малости.
Ни добра твоего и ни зла —
Ничего я себе не взяла.

Не кляла, не рыдала заученно,
Только крест на шнурке перекрученном,
Крест нательный на тонком шнурке
Крепко-накрепко сжат в кулаке.

Ольга ПОСТНИКОВА

Включила приемник — и нёбо болит
От мусоргских скорбных безумных низов...
А смена безгласная вышла в дозор,
И головы горное солнце палит.

Я знаю, сегодня в небесных штабах
Решается участь несчастных юнцов:
Кому возвращаться в казенных гробах,
Кому доживать с обожженным лицом.

А в школе запомнили наши сыны,
Что русский язык и могуч, и велик,
Но дымом войны и слезами вины
Мне застит глаза и глядеть не велит.

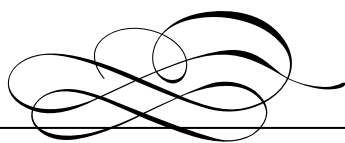
И руки в занозах, и губы в золе,
И глохнут ущелья от злобы погонь,
И снова, и снова звучит на земле
По-русски перуново слово «Огонь!»

Когда родные лес и поле
Дождутся зелени своей,
Не оттого ли столько соли
На стенах старицких церквей,

Не оттого ли столько влаги —
От материнских долгих слез,
Что снова к воинской присяге
Своих детей народ повез?..

И едут крытые машины
Под крик беременных невест.
Не оттого ль красу лещины
Печаль, как пяденица, ест?

Не дай вам Боже стран далеких!
Не оттого ли с городца
Вам вслед летят, летят сороки,
Вещуны счастья и венца!

Алексей ПУРИН

Санкт-Петербург

УШЕВТИ

Стихи мои, фигурки глиняные,
в ларе таимые от глаз
чужих! Зловредные эриннии —
зоилы позабыли вас.
И только десяти читателям
(и с каждым годом уже круг)
сундук, ничем не примечательный,
ваш виден: серп, тенета, лук...
Миролюбивые солдатики
(кто с топором, а кто с пилой)
из Нижней Мёзии, из Аттики,
из Тулы, скрытой вечной мглой, —
лишь вы на незакатных пажитях
трудиться будете — не я, —
мое единственное нажитое,
сухой остаток бытия.

* * *

То глаз янтарный тигра, то цветное
пятно Миров... О чем, слепец, ты! Здесь —
всё царство Веронезе неземное,
вся роскошь Тициана, Рембрандт весь.

Все опахала Бирмы и Китая,
всё оперенье рая. И уму
не постижимо: для чего такая
цветущая бессмыслица Ему?

И разве Он, бедняк из Назарета,
почти дальтоник, знавший десять слов, —
дитя Творца безудержного цвета,
раскрасившего тысячи основ?

Сомнительно. Но ты, плененный миром,
не видящий за бабочкою край
потусторонний, не мори эфиром
волшебную, иглой не протыкай!

Алексей ПЬЯНОВ**ШКОЛА БОКОВА**

Эхо давних тех уроков
До сих пор еще звучит...
Виктор Федорович Боков
Нас стихи писать учил.

Не за партами, не в школе,
Не у аспидной доски —
Брал с собою на приволье,
В Пастернаковское поле,
Где кипрей и васильки,

Колокольчики и кашки,
И ромашковый уют,
Где проворные букашки,
Сенокосцы, таракашки
По делам своим снуют...

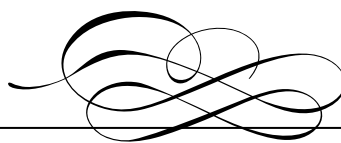
Говорил нам: «Не спешите
Доставать карандаши,
Походите, пошуршите,
Полной грудью подышите,
Порезвитесь от души...»

Школы этой нету боле,
Мы остались на бобах:
Пастернаковское поле
Всё в коттеджах, как в грибах.

ЮННЕ МОРИЦ**1.**

Заведенная Юла
Нашей жизни — вертится...
Ты по-прежнему юна,
Дорогая сверстница.

И не властны над тобой
Ни года, ни даты,
Хоть нелегкий бой с судьбой
И вела всегда ты.

Для души своей уют
Честно заслужила...
Дети песенки поют
Те, что ты сложила.

И, светя издалека,
Греет наши души
Та прекрасная строка
О прекрасной чуши.

2.

Катит жизни колесо,
След его — в твоих тетрадах,
На твои рисунки глядя,
Отдыхает Пикассо.

ДАВИДУ САМОЙЛОВУ (ИЗ ПУШКИНА)

Поэт Давид был ростом мал,
Но он — без ахов и без страхов —
Спокойно на лопатки клал
Литературных Голиафов.
Хоть были те в больших чинах,
При званиях и орденах.

ФЕТ

1.

«Тихий лирик»
Афанасий Фет
Тихо излучает
Вечный свет.

2.

...И заходится
Сердце в груди,
Словно в бездну
С разбега ныряем...
«На заре ты ее не буди» —
Третий век
Мы уже повторяем.

Николай РАЧКОВ

Ленинградская обл., г. Тосно

НА ЗАКАТЕ

У какого ты, счастье, порога?
Но об этом молчат словари.
И куда бы ни ехал, дорога
Приведёт его к этой двери.

Засмеётся звонок, захлебнётся,
Взмает с криками стая ворон,
Даже огненный клён встрепенётся:
«Это он, — зашумит, — это он».

«Тороплюсь, но не мог же я мимо,
Не чужая, поди, сторона...»
Как же всё-таки неотразима
В новом ярком халате она!

Разве это глаза? Это книга.
Не прочесть невозможно никак.
Для него пироги и брусника,
И бутылка с названием «Коньяк».

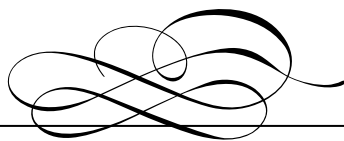
Разве только она виновата,
Разве сердце о том не болит,
Что одна,
что на пламя заката
Её молодость грозно летит?

«Не смогу без тебя, не сумею», —
Так сияет от счастья лицо.
Всё трудней разрывать, всё труднее
Милых рук роковое кольцо.

Всё трудней...

Он с тоскою бормочет,
Хороша, мол, ну просто беда.
Он и вправду отсюда не хочет
Вот сейчас никуда, никуда.

«Я приеду, — он скажет, — приеду,
Подожди, вот чуть-чуть разберусь...»
Только листья рванутся по следу,
Только эхо одно. Только грусть.

Только выдохнет горько: «Эх, Лёшка...»
И потуже затянет халат.
И пылающий клён у окошка.
И в полнеба закат...
И закат...

* * *

Он говорил, что видел Барселону, —
Испания! Страна сплошных чудес...
А я глядел,
как медленно по склону
Спускался к долу порыжевший лес.

Он о Париже говорил с тоскою,
А здесь сплошная серость, мол, и сыр...
А я глядел,
как светит над рекою
Неугасимо белый монастырь.

А я глядел,
как полз туман к воротам,
А я всё слушал около пруда,
Как плачут журавли перед отлётом...

И не хотелось ехать никуда.

Александр РЕВИЧ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Владимиру Летучему

Напойте за стеной старинную
про ветер, солнце и орла,
чтоб дрема теплою периною,
как в детстве, душу обняла.

Вы пойте. Я усну, как велено,
ведь все мы живы в том краю,
где ложе жаркое постелено,
где я вам тихо подпою.

Там целы зданья, целы хижины,
шумит листва, растёт трава,
кварталы и сады не выжжены,
и храм не тронут Покрова.

Спят краны, красные пакгаузы,
и мачты дремлют над рекой,
и выдох музыкальной паузы
таит и вечность, и покой.

СТИХИ О ДОМЕ

М. Р.

Ты мой ангел в дымчатой короне,
страж моих ночей, хранитель дней,
в нашем доме даже посторонний
самых близких родичей родней.

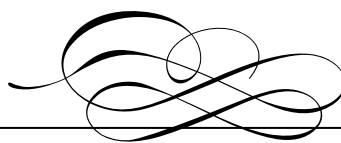
Дом наш тихий, тесное жилище,
где мы на последнем этаже
не были богаты или нищи,
но всего извели уже.

Там ночами мгла прядет волокна,
дымчатая, виснет с потолка,
но огни ночные в наши окна
звездный свет струят издалика.

Нет небес в созвездьях и кометах,
скрыто все туманной пеленой,
но холсты в некрашенных багетах
видятся, как окна в мир иной.

Но и этот мир наш зааконный,
ангел мой, для нас открыт всегда,
где ночные светятся вагоны
и бегут куда-то поезда.

Валентин РЕЗНИК

* * *

Та женщина не ангел и не клад,
И молодости далеко не первой.
Но если я пред кем и виноват,
Так это только перед ней, наверно.
О, как она мой быт бедой заполнила,
Та женщина — палач мой и судья!
Но ничего худого не запомнила
Душа неблагородная моя.

* * *

Очень хочется вырастить дочку,
Очень хочется сдержанным стать
И с друзьями контакт не терять,
Чтоб под старость не быть в одиночку.
Доживая свой век равнодушным
К заскорузлomu миру вещей,
Очень хочется сделаться нужным
Непутевой Отчизне своей.

* * *

Спасибо и на том, что не забыла,
А если и забыла — не беда.
Спасибо, что меня ты не любила,
А просто покуражилась тогда.
Теперь-то мы вполне с тобою квиты —
Простила все беспечная душа,
Теперь-то мы с тобою оба биты,
И оба мы не стоим ни гроша.

* * *

Концы отдают мои сверстники,
Уходят поближе к траве.
Открытые ими америки
Храню я в своей голове.
К чему умножать междометия
По поводу ранних смертей!
Стыжусь своего долголетия,
Живучести алчной своей.

* * *

Религиозные регалии,
Тысячелетний ритуал.
Какими набожными стали
Вдруг те, кто веру разрушал.
И первый секретарь обкома,
И новоиспеченный дьяк
Коптят церковные хоромы
Свечой, зажатою в кулак.

* * *

Придется быть с тобою до конца,
Не потому, что некуда податься,
А потому, что в роли подлеца
Надеюсь никогда не оказаться.
Какой державой ни была бы ты,
И дров каких бы ты ни наломала,
Придется за тобою жечь мосты,
Чтоб от меня ты вдруг не убежала.

Александр РОГОВ

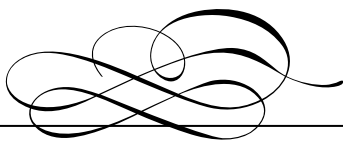
Московская обл., г. Красногорск

ДРУГУ

В запой уходишь как в забой:
ни дня, ни света;
всегда рискуешь головой,
душой поэта.

Тебя взрывает не метан —
стихи взрывают.
На сердце — гибельный туман,
и силы тают.

В запой уходишь точно в бой —
долой приметы!
В глухую ночь, на звездопой
бредут поэты.

ХРОНИКА

Все куда-то спешат.
Люди, кто вы такие?
Где же ваша душа?
Все друг другу чужие.

Все куда-то спешат
в жажде зрелищ и хлеба
и при этом крушат
воплощение неба.

Еще исходит аура от стен,
и эхо: на полтона в третьем такте,
фойе, аншлаг, партер и страпонтен,
наполеон или эклер в антракте.

Не позабыт набор особых слов,
помечена мелками мизансцена,
но это все для старых дев и вдов.
Мели, мели, родная Мельпомена.

Еще твердятся роли от и до,
но за окном гудит другая раса.
Вы не дождетесь вашего Годо,
ни варваров, ни даже Фортинбраса.

3.

В железнодорожной раме
без звука, вприглядку,
рубашки машут руками,
портки летают вприсядку,

порывами обуреваемы,
стремительны и неловки,
оставленные хозяевами
на бельевой веревке.

В осеннем свете желтея,
ты проплываешь мимо.
Твоя веревка длиннее,
твоя прищепка незрима.

Михаил РОДИОНОВ

Санкт-Петербург

ТЕАТР ТАЕТ**1.**

В облаках витает лира:
Полно, полно, Терпсихора,
примеряться к мере мира,
умиляться вере вора.

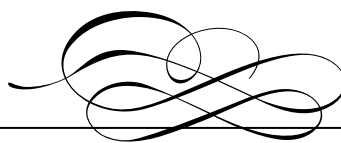
Не терпи в небесном хоре
психов бесовские хари,
позабудь о Беломоре,
Черноморе и Пиаре.

Не рядись под звон бандуры
в Че Гевары и Бандеры.
У небесной диктатуры
злые умники и дуры —
все достойны высшей меры.

2.

Театр тает — этот палиндром
его приговорил. Сплошная кривда:
речистые Гоморра и Содом,
кулис нечистых Сцилла и Харибда.

Наталья РОЖКОВА

Пустая квартира, и рамки пустые
На стенах обшарпанных молча висят,
Вот так и живёт — посредине России
Любимый художник — товарищ и брат.
Пустые бутылки стоят, как солдаты,
Из рук от усталости падает кисть.
Дыши и рисуй! И сосед твой хрипатый
За стенкой споёт: «Я люблю тебя, жисть!»

Пусть будет так, как хочется зиме.

Борис Поплавский

Пусть будет так, как хочется весне,
Хотя вороны съежились от стужи,
Растаял лёд кружочком на окне,
Как будто кто-то подышал снаружи.
Всё будет так, как хочется весне,
И о зиме прошедшей не жалея ты,
Дотронусь я до блика на стене,
И печку растоплю обломком флейты.
Когда поёт огонь — печали нет,
Гляжу, как прежде, весело и смело,
Дыхание жильцов иных планет
Мне на стекле кружочек отогрело.
Душа парит легко, как в детском сне,
И мотыльком белёсым в пламя рвется,
Да будет так, как хочется весне,
И сдержанно мне счастье улыбнётся.

Кусты, деревья — неприлично яркие,
Чехольчик инея на ветке поутру.
Я с дочерью гуляю в старом парке,
Согнувшись, её за руку беру.
Учу ходить. Осенний воздух звонок,
И все вокруг, смирившись, отцвело.
Мне кажется, что я сама — ребенок,
Земля так близко! Небо так светло...

Полина РОЖНОВА

Москва–Вологда

Я расту из глубины Глушицы.
Я давно укрыта тишиной.
Берег в травах, как отрезок ситца,
кажется мне с небо шириной.

Так красивы были бы рубахи
и платки... Но не скроить, не сшить.
И приходят тучи, словно свахи,
на смотрины... Но кого любить!

В подолах у туч — сокрыты свитки,
в свитках тех — сокрыты имена.
Справлены по женихам поминки,
выпит кубок горького вина.

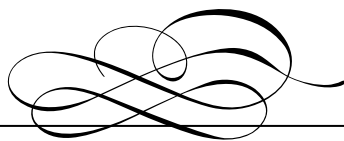
Не прильнёт никто к тропе-убруссу.
Ветер, словно Ганина гармонь —
лемеха растянута над Русью,
до иных, до праведных времён.

*Моей маме
Августе Александровне*

В одиночестве — память легка,
и так коротко лет расстояние...
Как от маминого платка,
пролетает над полем сиянье.

С вами тоже так было: страда,
бильца в зорьке в поля зазывали...
Приходила святая пора —
травы силы и сок набирали.

В сердце — звонкое время косьбы.
Сенокос — не окинешь глазами.
Мама, в синем платке — от росы
подбирает сиянье граблями.

А зимой, притомится в печи
молоко, в кринке пенкой займётся —
и на детских губах — калачи
запылают молочного солнца.

Я вдыхаю далёкий дымок,
тот, печной, тот, берёзовый самый!..
На губах, как молочный припёк,
имя Августа — имя мамы.

Андрей РОМАНОВ

Санкт-Петербург

* * *

Ну, давай, в одночасье решимся
На двоих разорвать горизонт,
Кропотливым дождем освежимся,
Позабыв про спасительный зонт.

Что нам стоит, взмахнув занавеской
И высотный балкон оседлав,
Повернуть и Литейный, и Невский
В недоступный балтийский анклав.

Засоряя земное пространство
Фантастической звездной крупой,
Мы тараним Нептуново царство
Озорной нефтеносной трубой,

Что нам вечный покой постамента,
И маршрутка в гранитном краю,
И печальный Указ Президента,
Подаривший мне юность твою!

Синева растворяется в лужах,
И с мостами общаясь на «ты»,
Ни скворцы, ни синички не служат
В департаменте нашей мечты,

Что им зимние сказки о лете,
Медный всадник с двуглавым конем
И число на счастливом билете,
Не совпавшее с завтрашним днем.

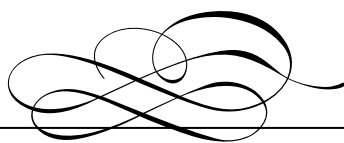
* * *

Ты не верь синеве:
там ликует апрель-вокалист,
Но пока он печет куличей
восхищенную почту,
Придорожная верба сорвет
прозревающий лист,
И воскреснет Христос, возвратившись
на грешную почву.

То-то праздник начнется!
Пусть колокол грянет впотьмах,
Пусть рождественский торт
прихожанам суёт коробейник,
Ты летишь над Землей,
Млечный путь обращая во прах,
Я с тобой расстаюсь,
опрокинувшись в звездный репейник.

Протодьякон глаголет,
у паствы стяжая успех,
А Пречистинский батюшка
крестит младенца в купели,
Безвоздушная служба
с небес накатила на всех:
— Выносите святых, коль дожить
до Суда не успели!

Пусть галактика снова
штурмует погост рядовой,
Но, душой прозревая
на третьей от солнца планете,
Ты едва ли себя осознаешь моею вдовой,
Не поверив ни мне,
ни брехне в летописном ответе.

Инна РОСТОВЦЕВА

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ЭЛЕМЕНТ

*Достойны ль мы
священного залога?*

Ф.Т.

Отдавая «поклон былому», «на далёком полустолетнем расстоянии» русский критик Георгий Адамович высказывает неожиданную мысль: девятнадцатый век «как духовное целое» вольно или невольно закончил с собой не в 1917, а в 1914 году.

Если вдуматься в мистику этого числа, то память неминуемо подскажет год 1814-ый — год рождения Лермонтова, и только по одной этой дате уже можно с полным правом говорить о том, кто «держал» столетие и удержал его золотую славу, будучи самым молодым в русской литературе поэтом...

«Двадцать пять лет!..» — восклицает Адамович. — Мы держим в руках «полное собрание сочинений» — и забываем, что это почти сплошь «проба пера», опыты, черновики, обещания — именно обещания, заставившие Белинского воскликнуть:

— О, это будет поэт с Ивана Великого!»

Неистовый Виссарион не ошибся. Но пророчество сбылось не только в оценке Лермонтова, но и в объяснении природы таланта, редкостных свойств его, с такою силою проявившихся уже в первых опытах поэта: «...тут было много чего-то столь индивидуального, столь тесно соединённого с личностью творца, много такого, что мы не можем иначе охарактеризовать, как назвавши «лермонтовским элементом».

Лермонтовский элемент! Воистину, «как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нём отозвалось!» Но попробуйте его уловить!

Лермонтовское эхо отозвалось на огромном пространстве русской поэзии, но оно было гораздо более труднодоступным, чем

пушкинское, и гораздо менее поддавалось оформлению в научные понятия: традиция, направление, стиль, эстетика.

Но «лермонтовский элемент», — как ни парадоксально это звучит — всегда безошибочно чувствовался нами в творчестве последних русских поэтов.

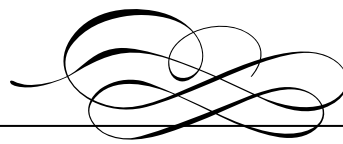
Но где именно его искать и в чём?

Гениальную подсказку на этот счёт мы находим у того же Адамовича, посмотревшего на проблему глазами человека из другого века, XX-ого. В эссе «Лермонтов» он, в частности, пишет: «Кто привык представлять себе Лермонтова «байронёнком» или доморощенным демоном, пусть вспомнит «Люблю отчизну я...». Стихи неровные, как неровно всё у Лермонтова. Начало не без декламации. А к середине, в пейзаже, в напеве, в эпитетах — «дрожащие огни печальных деревень» и другое, — звучит что-то непостижимо русское с предчувствием знаменитых тютчевских «бедных селений» и всего того, что в нашем искусстве по этой линии прошло».

Критик обращает наше внимание на ту, как он выражается, линию в отечественной лирической поэзии, где заметнее всего проявилось национальное сознание: «что-то непостижимо русское». И вслед за Лермонтовым сразу же называет имя Тютчева — стихотворение «Эти бедных селенья...» (1855 г.) отстоит от лермонтовской «Родины» всего лишь на 14 лет..

Бывают странные сближения... Но то, что в какой-то особо важной точке русского национального сознания и самопознания «лермонтовский элемент» становится отчётливо виден в тютчевском магическом кристалле, прокладывая — через него — путь в новый XX век (ведь не случайно и сам Тютчев был по-настоящему открыт именно в начале XX века символистами), не кажется сегодня странным, а скорее закономерным.

Замечается другой, не менее выразительный, пример «сближения», когда на одной художественной «оси» оказываются и лермонтовское, из числа последний, сти-

хотворение «Выхожу один я на дорогу...» и тютчевское «Вот бреду я вдоль большой дороги...» (Накануне годовщины 4 августа 1864 года). Только ли это случайность, — один стихотворный размер, этот гениально почувствованный напев, торжественно-замедленный и глубокий, один эпитет — тихий. Лермонтовская ночь уже наступила: «Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, // И звезда с звездою говорит», тютчевская — ещё только метафорически наступает: «Улетел последний отблеск дня». И там и тут земной человек приостанавливается, замирая, в конце жизненного пути, пережитых страданий и изжитых страстей, чтобы задать простые и одновременно великие вопросы, обращённые к Богу и Космосу. Именно туда обращает свой мучительный вопрос тютчевский человек, «мыслящий тростник», в надежде получить ответ от рано ушедшей возлюбленной: «Ангел мой, где б души ни витали, // Ангел мой, ты видишь ли меня?»

Обращение к любимой женщине как ангелу, не исключено, стало возможным в тютчевской лирике после открытого и одухотворённого лермонтовского космоса, где «и месяц, и звёзды, и тучи толпой», а «по небу полуночи» летит один ангел: «Он душу младую в объятиях нёс // Для мира печали и слёз».

Кто знает, быть может в таком полёте (и с такой целью полёта) лермонтовского ангела было заключено предвиденье возвращения души на землю, жизни после жизни — и что будет, если — «Звуков небес заменить не могли // Ей скучные песни земли»? Что, если лермонтовский «ангел» уже персонафицирован, слит в едином образе с той «душой молодой», которую он нёс — «Кто ты? Откуда? Как решить // Небесный ты или земной? // Воздушный житель может быть, // Но с страстной грешною душой?» (Тютчев «День вечереет...»)

...Современный фантаст, вооружённый новейшими знаниями науки о мире, озабоченный необходимостью сохранения универсализма мысли, считает, что «космос в действительности такая бесконечность,

всю глубину которой невозможно измерить нашими человеческими, земными — среди людей и на земле — возникшими мерами». Или ещё безнадежнее: «...будучи мерилom земных вещей, человек не является мерилom всего космоса».

Но как же быть тогда с великими поэтами, открывшими нам глубину и красоту бесконечности, нашедшими художественные мерки — слова, равноценные для её описания, разве они не были земными людьми? И разве поэтическое исключает человеческое, слишком человеческое, а не возвышает, одухотворяет, преображает его?

Да,

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

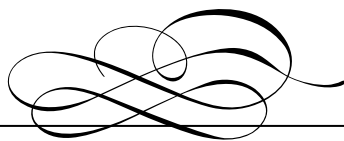
Но это — тоже Лермонтов:

Послушай, быть может, когда мы покинем
Навек этот мир, где душою так стынем,
Быть может, в стране, где не знают обману,
Ты ангелом будешь, я демоном стану! —
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежнего друга всё счастье рая!
Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный,
Тебе будет раем, а ты мне — вселенной!

А вот Тютчев, замороженный и замораживающий нас по сей день видением представшей его поэтическому взору величавой картины открытого космоса, в который человек уже бесстрашно входит, ощущая его и свою «неизмеримость». И движется вместе с ним:

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывём, пылающе бездной
Со всех сторон окружены.

«Тютчев ощущал вечность движения, движение вечности, то есть вечность, переходящую из точки в точку и из мига в миг; вечность, сущую в пространстве и во времени. Его прозреющее созерцание мироздания не разрешилось ни во что иное, как в это зияющее из века в век мыслящее противомыслие».

И по-лермонтовски мятежный, подостоевски срывающийся в тревожной неуспокоенности «противомыслия» голос (вот они — звуки, мелодия, напев!), волнуемый страстями роковыми, не могущий справиться с двойственностью природы человека, перешагнуть через границу двух миров — земли и неба, дня и ночи, страдания и смирения:

О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги, —
О, как ты бьёшься на пороге
Как бы двойного бытия!

Так ты — жилища двух миров...

Историческая заслуга Тютчева как поэта заключается, быть может, в высшей степени в том, что он явился связующим звеном, посредником дня вчерашнего (прошлого, классического) русской литературы, во всём блеске наполненных его «элементов», в том числе и лермонтовского, — с днём современным и будущим. Когда каждое последующее поколение отечественных поэтов могло сказать: «Наш современник Тютчев». И — говорило...

...Если вернуться на «линию», обозначенную Г.Адамовичем, то можно невзначай заметить: «что-то непостижимо русское», выразившееся в лермонтовском образе — «дрожащие огни печальных деревень», то неудержимо приближается к нам в начале XX века (в поэзии Блока и Есенина), то надолго исчезая из виду (30-50-е годы), вновь появляется (в 60-70-е) во всплеске лирики, получившей название «тихой»:

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звёздами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

(Н.Рубцов. «Зимняя песня»)

Окраина, ты вечером темнеешь,
Томясь в большом сиянии огней.
А на рассвете так росисто веешь
Воспоминаньем свежести полей.

(А. Передреев. «Окраина»)

И я опять иду сюда,
Томимый тягой первородной,
И тихо в пропасти холодной
К лицу приблизилась звезда.

(А. Прасолов. «И я опять иду сюда...»)

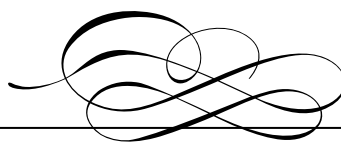
Вглядываясь сегодня, с высоты сегодняшнего дня, в эту недавнюю, ставшую уже прошлой, страницу отечественной поэзии и её «тихих лириков», занявших своё заслуженно-почётное место во многих антологиях (достаточно назвать знаменитые, кожиновские «Страницы современной поэзии»), видишь не только общие, типологические черты стиля, как то неяркие, блёклые краски (в пейзаже, напеве, эпитете), отсутствие пафоса, декларативности, конкретность детали и т.д., позволившие критикам выдвинуть новый термин.

Но всякий термин, как мы знаем, страдает искусственностью и однобокостью. «Тихая лирика» не составляет исключения. Она не была столь однородной и монолитной, как тогда казалось многим деятелям литпроцесса: слишком разные «тихие лирики» входили в неё. И слишком заметны, спустя полвека, их несходство, непохожесть, различия. И в плане индивидуальных особенностей, творческих установок, эстетического отношения искусства к действительности. И в плане окончательных результатов, весомости вклада в русскую словесность.

Два имени явно «выпадают» из «обоймы», где А. Жигулин и А. Передреев, Вл. Соколов... ещё соседствуют друг с другом на основаниях общей описательно-повествовательной эстетики — конкретность, точность, реалистичность.

Рубцов и Прасолов, хотя и причислены к «тихой лирике», но уже выходят из неё как сильные потенциально-другие творческие индивидуальности, со своим «лицом необщим выраженьем».

Как-то непривычно ставить эти два имени вместе — сложилась слишком устойчивая тенденция говорить о каждом поэте отдельно, порознь друг от друга. Хотя при

жизни они были современниками, шли в большую литературу почти рядом — из провинции: из Вологды и Воронежа. Прасолов — на 6 лет старше Рубцова, но первые книги выходят почти одновременно: рубцовская «Лирика» — в 1965 году, прасоловский сборник стихов «День и ночь» — в 1966.

Так же — след в след — идут и скорбные даты: в 1971 году погибает Рубцов, в 1972 г. кончает жизнь самоубийством Прасолов: оба трагически. Настоящее признание начнётся после смерти — вместе с осмыслением и пониманием читателями и критикой их небольшого, но столь весомого, творческого наследия...

Стало ясно: и Рубцов и Прасолов не просто внешне приблизились к Традиции, как другие собратья по «тихой лирике», они поэты — в Традиции, внутри Традиции, с Традицией; они тянут дальше, как бурлаки, по слову Евгения Винокурова, канат преемственности, а это значит, баржа движется, значит, происходит развитие...

В случае этих поэтов необходимо, на наш взгляд, говорить об осознанном выборе Традиции русской классической поэзии в те оттепельно-застойные годы, когда она, традиция, уличалась «новаторами» во всех грехах, а следование ей автором расценивалось как постыдный уход, бегство от современности.

Алексей Прасолов с документальной точностью воспроизвёл этот момент из своей творческой биографии. Когда на обсуждении его стихов на «вторнике» в Воронежском отделении Союза писателей (это было в сентябре 1964 года, сразу же после выхода новомировской подборки из 10 стихотворений), основная критика свелась к такого рода упрекам, озвученным одним местным поэтом: «— Мы запустили спутник, а тут добротный сделанный дворянский дом с колоннами. Мастер — молодец. В своё время ему бы за работу — три бочки вина. А сегодня — это устарело. Есть что-то от Тютчева и Блока, но лучше — Блок и Тютчев на досуге, чем Прасолов. Я получу удовольствие от оригиналов. Но — видите — Пра-

солов въехал сюда на белом коне. Ну что ж сказать? Хорошо. Но где — глубина?»

Отвечая приверженцу «новизны» в поэзии и обвинителю устарелости всего того в ней, что отдаёт Тютчевым с Блоком, Г. Троепольский буквально взорвался:

«— Шевченко, а что такое глубина? Конкретно — в поэзии? А что такое — современность? Прасолов — от XIX века? Найди у Тютчева, у Блока: «И душу я несу сквозь годы» до конца:

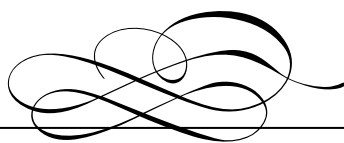
Весна — от колеи шершавой
До льдинки утренней — моя.

«Моя — весна», моя земля (вся), кто это так говорил: где это — «как сердце маленькое — лист, где — «стынет он — по-человечьи». Вы что, вы зачем сюда пришли?»

Однако потребовались многие десятилетия, подвижническая работа критики (и Кожина прежде всего), смена поколений, борьба с догмами и стереотипами научно-наивного самосознания, чтобы читателю открылась глубина таких поэтов, как Рубцов и Прасолов. Понимание того, что она не заимствована, не одолжена «напрокат» у классиков — Лермонтова — Тютчева — Блока, — а здесь — своя, добытая своим, самостоятельным, единственно-возможным путём.

Впрочем, удивительно-точно и проникновенно сказано об этом у Рубцова: «Но я у Тютчева и Фета // Проверю искреннее слово, // Чтоб книгу Тютчева и Фета // Продолжить книгою Рубцова».

Продолжить — не значит повторить, значит отыскать — своё, достойное «священного залога» (Ф.Тютчев). Это становится возможно при условии личного отношения современного автора к классическому поэту, читаемому не для получения «удовольствия от оригиналов», а сопереживаемому в жизни, творчестве, судьбе. И это переживание слова носит святой, сакральный характер. Не случайно же эта рубцовская обмолвка в «Вечерних стихах»: «Как живые в разговорах Есенин, Пушкин, Лермонтов, Вийон».

Имени Тютчева нет в этом ряду имён, но как живой он чаще других поэтов возникает в поэзии Рубцова.

«Приезду Тютчева» в Россию посвящено отдельное одноимённое стихотворение, где о нём сказано: «И сны Венеции прекрасной, // И грустной родины привет — // Всё отразилось в слове ясном.» Как это отразилось у Тютчева — бесконечно близко и дорого Рубцову.

Именно через Тютчева он ощущает стихии — ветер, грозу, непогоду; таинственную душу природы («Как человек богоподобный, // Внушает в гибельной борьбе // Пускай не ужас допотопный, // Но поклонение себе!..»), историзм русских видений.

Именно через Тютчева он осуществляет выход, выходит на связь с теми «живыми» классическими поэтами, среди которых назван и Лермонтов. «Лермонтовский элемент» присутствует в рубцовской поэзии в особом, пронзительно-щемящем, эмоционально-лирическом восприятии родины, её непоказной красоты: «О, вид смиренный и родной!» и одновременно божественно-возвышенной: «О, сельские виды! О, дивное счастье родиться // В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!», в ощущении себя романтическим всадником-вестником ли, героем ли, впитавшим вольнолюбивый дух свободы: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны, // Неведомый сын удивительных вольных племён!» и тайных, пророческих признаний о будущем: «Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы, // Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом, // Что, всё понимая, без грусти пойду до могилы... // Отчизна и воля, — останься, моё божество!»

Самое заветное желание лирического героя Лермонтова — «Надо мной чтоб, вечно зеленея, // Тёмный дуб склонялся и шумел», которым заканчивается, как мы помним, знаменитое стихотворение «Выхожу один я на дорогу...», оживает в поэзии Рубцова не как метафора или центон, а — как память по сходству, по духу, традиции,

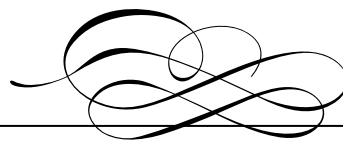
где оказался удивительно устойчивым этот образ: «Высокий дуб. Глубокая вода. // Спокойные кругом ложатся тени. // И тихо там, как будто никогда // Природа здесь не знала потрясений».

Конечно, знала (однако, как тонко и выразительно это «как будто»!), как и вся Россия, как и её человек, «мыслящий тростник», посетивший мир в его «минуты роковые». Гигантская тень Тютчева вновь наплывает на Рубцовское стихотворение, взрывая контекст изнутри скрытым напряжением философской мысли под маской созерцания и покоя...

Нельзя не разделить исторической правоты наблюдения Ивана Коневского в статье «Мистическое чувство в русской лирике», отметившего: «...весь ход образной чуткости к таинственным делам и сторонам сознания у русских поэтов последовавшего времени приходится поставить в связь с мысленными формами одного Тютчева, выводить их единственно из его исходной точки».

Критики любят говорить о том, что для Алексея Прасолова, этого, по определению, «философского поэта из провинции» (Алоиз Волдан, Австрия), Тютчев — та же исходная точка. В отсчёте традиции, мироощущения, «ходе образной чуткости». Но всё это лежит на поверхности вещей. Ведь не случайно же первую книгу стихов поэт назвал — по тютчевскому стихотворению — «День и ночь» и не раз открыто признавался в своей расположенности к Тютчеву. Он его высоко ценил.

Между тем, любимый, если не любимейший поэт Прасолова — Лермонтов. В его письмах рассыпаны те или иные признания, свидетельствующие о том, что лермонтовская поэзия была неотъемлемой частью сокровенного духовного опыта, глубоким камертоном, по которому он выверял слух: «Я молюсь той мудрой прозрачности, что, например, у Лермонтова:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.

Что это? Не строка, а гранёная плита над погребённым заживо поколением» (В письме к Инне Ростовцевой от 21.05.62.)

Размышляя о том, как «быть собой, а не казаться» (это — главная забота поэта, особенно в начале пути — 1962-63-и годы), Прасолов строго и придирчиво присматривается к современной ему поэзии и к тогдашним модным лирикам: «Броскость, отрывочность, суматоха — вот что в журналах. Прочитал «30 отступлений» (Вознесенского — И.Р.) словно шёл босиком по резкому стеклу. Думал, почему так? У Пушкина, у Лермонтова редко встретишь даже эпитет, не употреблявшийся другими, а в целом — такая сила. А тут такая изощрённость — и пустота, и пустота. У других — есть точные слова, конкретный, точный образ, а тепла нет, того ощущения, как после молитвы, исповеди — нет. В чём дело?» (в письме к И.Р. от 5.10.62.)

Мучительно ища ответа на этот вопрос, пытаюсь определиться в сложной, не всегда видной ему за тюремной решёткой (Прасолов находился там в 1962-1969 годы), далёкой столичной литжизни, он приходит к выстраданному окончательному выводу: «Новизна, современность, яркий наряд и т.д., да не заглушает главного, если оно есть, а если нет, так не надо прикрывать бескрылость души крылатыми, неистовыми словесами... Найди у иных слово, чтоб применить к жизни — чёрта с два!» (в письме к И.Р. от 5.10.62.)

Прасолов искренне радуется, если находит такие слова в «Днях поэзии» 1962-1963 гг. у молодых поэтов и со вниманием отмечает каждую находку: «У Голубкова [Дмитрия Голубкова (1930-1972), тонкого русского лирика, безвременно ушедшего из жизни — И.Р.] понравилось: «Ты знала время, ты ушла впаад...» О Лермонтове — «окаменелое восстание» (перекличка с тихоновским

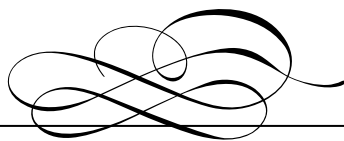
«окаменелым гневом» гор). Многие стихи — лёгкие акварельки, загородные видики, молодость, пытающаяся сказать мудро. Вот молодость — это хорошо. Она сквозит непосредственностью в отдельных местах.» И так по-человечески вздыхает: «Господи, я становлюсь желчным критиком!» (в письме к И.Р. от 12.10.62.)

Конечно же, Алексей Тимофеевич преувеличивает — он никогда не был таковым — злым, брюзгливым, ... но он не отказывал себе ни в хлёсткой эпиграмме на воронежских литераторов-борзописцев (на Ф. Волохова с романом «Не шути ты, рожь!», например), ни в откровенном сарказме, особенно если это касалось профанации святого для него имени:

«Кстати, о Лермонтове. Не найдёшь ни одного сборника, где бы не было стихов о нём. И все берут одно внешнее, сам факт — трагическую гибель, затравленность и грядущее бессмертие, всё — на грозовом фоне и т.д. А внутреннего родства и духа ни у кого не чувствуешь. Есть что-то у Симонова в лирике военных лет — о боевой дружбе, о любви, есть у Тихонова в поэме «Киров с нами» и его кавказских стихах. А у остальных — ничего от его могучей мысли и чувства. Понятно, это трудней грозовой бутафории, мартиновского пистолета, привычной манеры показа этой трагедии» (в письме к И.Р. от 4-6.08.63.)

Сказанное Прасоловым почти полвека назад не утратило своего значения и по сию пору: штампы в показе лермонтовской трагедии ничуть не выветрились со временем и сегодня продолжают жить разве что в более блестящей, гламурной, оболочке.

Приближение к образу Лермонтова по-прежнему трудно. А «лермонтовского элемента» в новой современной поэзии по-прежнему мало. Прасолов понимал под ним «могучую мысль и чувство». Он глубоко переживал, что говорить о личном, о тоске, о «глухих закоулках» души в наш век стыдно. Подай общесоюзное чувство — тогда это будет ново, хоть и наиграно. А остальное — «старо, камерно, альбом-

но». Разве только что в камерном письме уместно».

Для него Лермонтов — прежде всего был человек, «горько и зло» сказавший об этом. Он цитирует строки из лермонтовского стихотворения «Не верь себе» о «тяжёлом бреде души твоей больной иль пленной мысли раздраженье» и, прочитывая их применительно к самому себе и своему творчеству, с горечью признаётся: «...если бы я определился в этом, увидел свою человеческую цель, а не литературную — не метался бы в стихах от сурового слова до романсовой слякоти» (в письме к И.Р. от 21.03.63.)

Трезво анализируя свои неудачи и просчёты на этом сложнейшем пути, Прасолов пишет, что «ему не хочется быть рабом довлеющего факта, не дающего простора основному», а хочется находить «стерженую мысль», которая была бы слита с чувством. В качестве примера он приводит в письме от 7.05.63 года набросок стиха: «Стою, не ведая границы, // На час, ушедший от людей, // Чтоб снова преданно открыться // Земле — праматери своей...» И здесь же — четыре строки из другого, как он сообщает, стиха, оставшегося нам неизвестным:

И выйдет из арки ворот
Подёнщик с глазами пустыми,
Когда обыденность убьёт
В работе значенье святыни.

Образ подёнщика «с глазами пустыми», лишёнными небесного огня — это образ, таящий в себе «лермонтовский элемент», облитый «горечью и злостью». Символ всего того, что более всего ненавидел Прасолов в творчестве. Литературное ремесло и мастерство не должны быть привычкой и самоцелью, иначе можно убить в процессе труда смысл и святое назначение поэта и поэзии.

«Значенье святыни» неизменно и прочно сопрягалось у Прасолова с именем Лермонтова.

В 1964 году в стране широко отмечался юбилей — 150-летие со дня рождения

поэта. «Вечером будем смотреть юбилей М.Ю. Лермонтова — в 7.30», — сообщает он в письме от 15.10.64 года.

Для него это встреча с тем, что он давно знает и любит, и повод ещё раз сказать «коротко — и всеобъемлюще», назвать свои дорогие лермонтовские строки: «Я не унижусь пред тобою...», «Так храм оставленный — всё храм» — это не круг моих умонастроений, а это — моё бытие. И что люди вспомнили в связи с 150-летием — это закономерно: совесть (нездоровая) утешает себя 50-100-150 и т.п. — летиями». Написано 26 октября 1964 года в сутолоке вокзала, «на той дольке стола», где человеку с подорожной по казённой надобности отводит судьба. Вокзалы рожают афоризмы: «А Россия, стихия жизни — за мной».

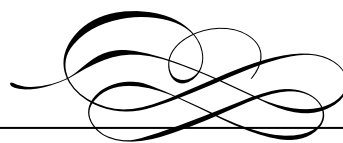
К названным лермонтовским произведениям, составлявшим духовное бытие Прасолова, принадлежали также «Дума», которая неотделима для него от оценки Белинского: «Кто же не услышит в ней своего стона, своего крика!», и «Демон».

В неоконченном рассказе [«Постоялец»] герой Дмитрий Баженин, alter ego автора, ночью, в чужой комнате, наводя страх на хозяйку, кому-то говорит, «сводя голос до жгучего шёпота», строки из поэмы:

Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру,
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня,
И мир, в неведение спокойном...
Пусть! Расцветает без меня!

Демон Лермонтова — «весь он — вывернутая мука» — приводит за собой «Демона» (сидящего) Врубеля. «Царевну Лебедь» — «Чисто, глубоко и...страшно. А почему — не знаю». А если бы увидеть оригиналы ещё? Забраться бы в Третьяковку» (в письме от 31.07.64.)

«Следы небесного огня» как символы всего «чистого, глубокого и...страшного» вели Прасолова к Блоку — «К Блоку — через Лермонтова» (это его самого слова в

письме от 11.03.63 г., а не литературоведческие построения и домыслы критиков. Точно так же как — к Тютчеву — в сторону направления философской поэзии, поэзии мысли прежде всего.

Именно эти три поэта оказались знаковыми в поэтической судьбе Прасолова, определившими для него столбовую дорогу русской классической традиции, по которой он следовал до конца своих дней.

Сумевший самостоятельно зажечь свои, прасоловские, огни во времени («День и ночь») и пространстве («Земля и зенит» — название второй книги, 1968 г.), увидевший в небе «разветвление огня» как символ движения, покоя, тревоги, набирающего высоту и снижающегося, идущего на убыль любовного чувства: «Огонь высокий канул в тень, // В полёте превратившись в камень...», он сумел оставить нам и неповторимый, пластически-осязаемый «слепок» со своего голоса:

А голос в пространстве вечернем,
Какою-то силой гоним,
Метался — огромный, пещерный,
Не сходный с ничтожным моим.

И бездна предстала иному:
Я чувствовал близость светил,
Но голос, исторгнутый мною, —
Он к предкам моим восходил.

В том же 1970-ом году, когда были написаны эти заключительные строки стихотворения «В ковше неотгруженный щербень...», за 2 года до трагического ухода из жизни... Алексей Прасолов, осмысливая свой творческий процесс, в письме к Р. Андреевой-Прасоловой скажет: «Снова кидаюсь в свой мир, а потом оттуда — на лист бумаги, разрывая его — это хороший признак, который даёт мне движение в моём всегда. Мой девятый вал уже захлёстывает меня — внутри, а внешне — не так уж много. Всё ведь идёт только полтора месяца. Я не скопидом — увы! — Бог отнял у меня даже чувство сохранения моего — стихов, писем, дневников, самой своей жизни.

Быть может, я поэтому только и живу — хотя бы так...»

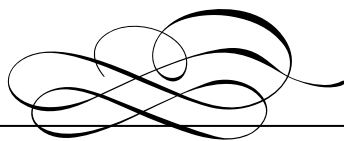
Говоря об особенностях утверждения в своём, и учителях в поэзии, он здесь же заметит: «С детства — устный (от окружающих) Шевченко, школьные — Пушкин, Лермонтов (ставшие сразу нешкольными для меня), позже, по мере моего углубления — рембрандовский мрак от Лермонтова (даже от глаз его на портрете и от букв его поэзии), идущий к нежному, но такому же (только больше) мрачному Блоку, к ночной душе Тютчеву и дальше...» (Прасолов цитирует по памяти тютчевские: «О, вещая душа моя! О сердце, полное тревоги...» И блоковские: «Благославляю всё, что было, // Я лучшей доли не искал...» строки). И заключит своё размышление следующими словами: «Всё — как бы я о себе, и тебе. А Блок. И это для меня — препятствие. Слишком близка жизнь моего сердца и разума его жизни, их жизни. Значит, чтобы по-своему писать — надо по-своему жить: не изменяя, а углубляясь в современную мне жизнь, какой они знать не могли. А ведь она, не повторяясь, повторяет в тебе то, что вечно».

Лермонтов не повторится. Второго Лермонтова не будет. Однако в приведённых словах нам важно выстраданное понимание поэта постклассической эпохи: писать по-своему — это надо жить по-своему.

Нельзя взять напрокат, одолжить у классиков, как внешнюю одежду, их символы, метафоры, образ жизни — вплоть до судьбы. Как же тогда нужно жить поэту наших дней, чтобы, не повторяясь, не копируя, не одалживаясь у великих, сохранить и развить дальше в своём творчестве тот художественный «элемент» — лермонтовский ли, тютчевский ли, блоковский, — который мы называем вечным?

Будут ли достойны в будущем русская поэзия и её читатель того «священного залога», что нам оставлен? Хочется надеяться.

Как говорят о погоде, она переходит в область положительных значений.

Переход в область классических значений даётся нашей поэзии, пережившей торнадо постмодернизма, сошедшего на убыль, с огромным напряжением сил.

Но «следы небесного огня», оставленные классической поэзией XIX века и лучшими поэтами второй половины века двадцатого, продолжают звать нас.

Лермонтовский элемент — отнюдь не «окаменелое восстание», это — живой, мятежный, неуспокоенный дух.

Временами он вырывается из книжных фолиантов собраний сочинений, волнуя нас глубиной мысли и чувства, красотой непредсказуемых противоречий человеческого «я».

Алексей РУДЕВИЧ

Хотя, если подумать, всегда есть выход,
И каждый вдох таит в себе выдох.
Пора перестать покупать одежду на вырост.
Роста уже не будет. Один лишь выхлоп.

Роста уже не будет. Сними с косяка
линейку.
Буксиру не хватит соляры стать
кораблем линейным.
Всё-то мы знаем, но каждый мечту лелеет,
Пусть в глубине души, но каждый —
такое племя.

Такое вот племя людей.
Венцов (венцов ли?) творенья,
С надеждой глядящих вперед
(насколько хватает зренья),
Но будь ты хоть гением, прачкою или царем
Взгляд всё равно упирается в окоём.

Вот так и живем, а потом уходим в рассвет,
А может — в закат, но разницы,
в принципе, нет,
Разница есть только здесь,
только здесь и сейчас,
А после — играем не мы. Играют нас.

Геннадий РУСАКОВ

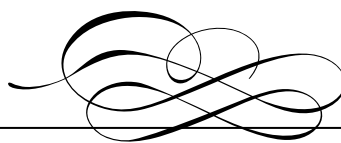
Мой друг, пустых примет забудем ритуал.
Мир прочен, в нём живут надёжные
предметы.
Всё снова на местах. Твой рот,
как прежде, ал,
хотя Ватто его, увы, не рисовал,
и контуры бедра достойно не воспеты.

И я не о тебе на скомканном листе
пишу, не зная, чем закончится начало:
ведь начинаешь здесь, а кончишь в Элисте,
где снова, по своей природной простоте,
увидишь то, чего там сроду не торчало...

Эпический настрой мне нынче по душе:
про оные года, где бегали амуры,
французский был в ходу и реплика
«туше!»,
дуэли, сватовство — плезир на барыше...
И Тютчев-краснобай девицам строил куры.

А нынче воспаришь — и с кем поговорить?
Грассировать и то, похоже, перестали.
Мой друг, на этом я смирю на время прыть:
ведь я славянофил и лучше мне сокрыть
сегодняшнего дня нескромные детали.

А всё же не пойму, за что я так любил
спряжение чужих неправильных глаголов,
аксаны и трема, их гальский порх и пыл.

И сукин сын Дантес — ведь всё-таки убил!..
Ох, эти времена драчливых балаболов!

* * *

Мы стоим на плечах у отцов,
чтобы дети нам встали на плечи
сочлененьем начал и концов
непутёвой судьбы человеческой.
Чтобы тяжко запойный поэт
с неумелой улыбкой блатняги
устрашился непрожитых лет
и себя записал на бумаге.
Чтоб, неловко влезая в петлю,
как птенец на просевшую ветку,
с опозданием крикнул: «Люблю!»
и носком оттолкнул табуретку.
Чтобы жить, умирать, воскресать,
сотворенью не зная резону.
И писать, и писать, и писать —
словно пропуск в запретную зону.

Над солнечною пылью.
И пролетает стая
Над речкою игривой,
И ветры гасят ивы,
С листвою облетая.
И над покоем вечным,
Приблизившись устало,
В ракитах небо стало
Прохладно бесконечным.

* * *

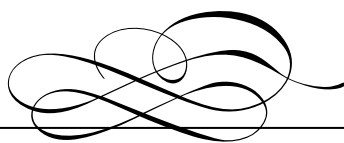
Где же ты, неутомимый зной?
Пролетело сказочное лето,
Снова лес заплакал желтизной
На закате розового цвета.
В небесах, не ведая границ,
Пролетая медленно над садом,
Провожает лето грустным взглядом
Стая растревоженная птиц.
Затаился вечер в лебеде,
И, туман рассеивая зыбкий,
Тонкий месяц бледною улыбкой
В тёмной отражается воде.
Над рекой, порою невпопад,
За окном, над стынувшим побегом,
Осень в дождь, слетающий со снегом,
Заплетает жёлтый листопад.

Анатолий РЫБКИН

* * *

Вновь в осени теперь я.
Над речкою игривой
Листву роняют ивы,
Как розовые перья.
Да и другие тоже
Деревья стали проще,
И поредели рощи,
Гнездовья растревожив.
И тает тень простая
В росе, предельно свежей.
И покидает межи
Проснувшаяся стая.
И расправляют крылья
Встревоженные птицы,
И стая вдаль стремится

Ольга РЫЧКОВА

* * *

Человек меняет кожу.
Человек, состроив рожу,
Залезает осторожно
В надлежашую волну.
Меж глухими берегами
Бьет озябшими ногами,
Бьет озябшими руками,
Не хотя идти ко дну.

Дальше всякое бывает.
Иногда он выплывает
И свободно оживает
В жаркой россыпи песков.
А когда к покою клонит,
Он еще свободней тонет
И тихонько ждет в затоне
Невезучих рыбаков.

* * *

Время: встречи-однодневки,
Волны на песке.
По Фонтанке и по Невке,
По Москве-реке

Одинокий пароходик
Курсом никуда
По течению уходит,
Как в ночи вода.

Бог с тобою, ты со мною,
Времени исход.
Черный ветер над Невою.
Синий пароход.

Ирина РЯБИЙ

Ханты-Мансийск

ОТЦУ

Куда ушел, и где душа твоя?
Мытарствуя, минуешь ли потёмки?
И держит ангел ли тебя за пояс тонкий
Несут молитвы ль в светлые края?

Ты вел всегда нас смело через тьму...
Но вот шагнул за грань ее впервые,
Мы без тебя стоим от слез слепые:
Дорогу, верно, торишь нам к Нему!..

* * *

Здесь: лишь обещанье
Ушедшего лета!
Здесь: все предвещанье
Грядущего света.

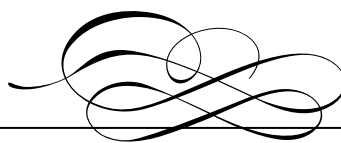
Здесь только стремленье,
Там — вечный предел
Здесь только терпенье...
Там — мирный удел.

* * *

Когда от веры русской отреклись
И вышли в путь, надеясь на «провидца»,
То заплутали, бросились молиться,
От тех молитв лишь духи собрались.

Какая пустынь усмирит наш век?
Какая боль грехи искупит наши?
И нам не миновать уже сей чаши...
О, Господи! И Ты был человек!

Борис РЯБУХИН

ДОРОХОВО

Качается висячий мост —
Из сизой пряжи.
Внизу сосновый склон — промозг —
Над белым пляжем.

Скребет по Рузским берегам
Вода живая.
Скрипят суставами снега,
В поток ныряя.

Сравнить ли с этим — будний круг
Страстей и сплетен,
Когда в реке увидишь вдруг,
Что есть бессмертье!

* * *

Л. В.

Далек тот берег, желтый, камышистый,
Где солнце грело нас до темноты.
Светился каждый лист лучистый —
И ты.

Нас забавляли ласточек полеты,
В реке спасались мы от духоты,
К лицу склонялись тихо ветлы —
И ты.

Звенели комары, подобно струнам,
И хмелем пахли мятые цветы...
Я там навек остался юным —
И ты.

Полова

Косили наш хлеб, молотили —
От зерен очистили весь.
И зерна по ветру пустили —
Такая вот страшная весть.

Опять провели на мякине.
Осталась полова одна.
На ней не прожить и скотине,
А как переможет страна!

Но в отчих краях столько мочи,
Что даже мякина взошла.
Мы — дети половы.
И жестче
Не скажешь про наши дела.

Юрий РЯШЕНЦЕВ

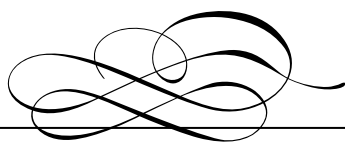
* * *

Что ты за бездарный птицелов!
Поменяй профессию и — точка.
Где ты видел стаю соловьев?
Соловей — извечный одиночка.

Высунь ночью нос из-за гардин:
доходя до умопомраченья,
он один, один, опять один,
в этом смысл его и назначенье.

А когда в конце июньских дней
он вдруг замолчит на всю округу —
значит, либо умер соловей,
либо убедил свою подругу.

И в дальнейшем, если без вранья,
в случае такого покоренья
он неотличим от воробья:
та же песня, то же оперенье.

* * *

Загляну в глухое озерцо.
Там, небось, ни карпа, ни плотвы.
Там теперь живет мое лицо,
мало мне знакомое, увы.

Я не помню мимики такой.
В зеркале щербатом по утрам,
мне казалось, я совсем другой,
без кривых свидетельств дряг и драм.

И когда ночной порой в стекле
я лицо усталое встречал,
этих черт, настойчивых во зле,
я, не буду врать, не замечал.

Но чего хочу я от зеркал,
от домашней утвари ручной.
Здесь, где я лишь уток напугал,
здесь у дикой влаги нрав иной.

Правдой неприкормленной своей
обнажила суть беспутных лет.
Вот он, Дориан, едреныть, Грей,
вот он, твой доподлинный портрет.

Честная зеленая вода.
И короткий прочерк плавунца,
по делам спешащего — куда? —
поперек молчащего лица.

* * *

Почему бы не выпить стопаря
и немедля не добавить по сто?
Я не помню такого сентября.
И никто его не помнит. Никто.
Это эллинскую суть обнажил
край, где ссорятся хохол и кацап
так, что в тутовом саду старожил
оскудел умом и верой ослаб.

Что же это за эпоха у нас:
даже ведро, полагают, — к войне.
Ибо разве хуже Крым, чем Кавказ?
А Кавказ-то нынче — только во сне...

Я не сливы, не айву, не хурму
потерял с тобой, имперский распад.
Я кого хотел обнять, обниму
после скрежета могильных лопат,
после наших обоюдных кончин,
если есть и впрямь тот свет, высший суд,
и у Господа не будет причин
разлучать нас так, как сделали тут....

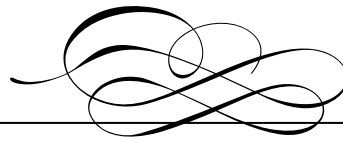
* * *

Осёл не так уж и упрям.
Не так уж тяжела корзина.
Мать оступилась на стерне
и так осталась с мертвым ртом...
Генисаретским рыбалям,
знать, не хватало Баргузина
для пьяных плачей по родне
да горьких споров со Христом.

Аминь! Мигайте огоньки
и Кариота, и Магдалы.
И нищий, грязен и зобаст,
перед ослом с молением ляг.
Что жизнь? Тепло Его руки!
Что смерть? Мороз ее опалы.
И если кто Его предаст —
то ну каких же ради благ?..

О, этот древний детектив
никем доныне не разгадан.
И в каждой версии — порок,
как гриб трухлявый под клюкой.
Какой таинственный мотив,
небесным проклятый раскатом,
сработал в окаянный срок
в мозгу бухгалтера — какой?!

Считавший лучше, чем Христос,
как мог он быть так нерасчетлив?
А если это просто — страсть,
где ей название в словарях?..
Андрей сушняк к костру принес,
и стал огонь высок, отчетлив.
Фома почистил мятой пасть,
и стыд пробрал иных нерях.

А галилейская вода
жевала жвачку по верблюжьим.
И где-то на югах, вдали,
спал темный Гефсиманский сад.
И было ясно: никогда
ни Петр не выхватит оружие,
ни сук не вздрогнет от петли,
ни рук не вымоет Пилат.

Валерий САВОСТЬЯНОВ

Тула

* * *

Мамочка, ты хоть немножко рада,
Легче тебе, мама, хоть чуток?
Глянь: твоя могильная ограда —
Словно распутившийся цветок!

Выкрашены лавочка и столик...
И когда к автобусу иду,
Оглянусь, — и веселее, что ли? —
Будто бы покрасил я беду.

Будто потому, что крест не ржавый,
А, как мамин локон, вороной,
Уж теперь
Ни с нашею державой
Не случится худа,
Ни со мной...

Владимир САЛИМОН

* * *

Они сплетаются ветвями,
как мы сплетаем наши руки.
Они у нас над головами
тихонько стонут в час разлуки.

В саду деревья очевидно
так сильно влюблены друг в дружку,
что мне нередко очень стыдно
в тени их ставить раскладушку.

* * *

Вижу, метлы камыша сухие
ветер треплет, словно гривы конские,
вижу, кобылиц тела нагие
окунают в воды волго-донские.

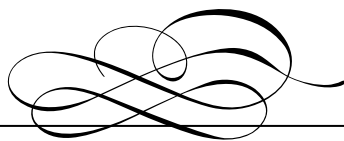
Только я глазам своим не верю
и ушам своим не верю тоже я —
разве это степь шумит за дверью,
а не что-то на нее похожее?

Я спешу зажечь спросонья свечи.
Облачко, как Дух Святой парящее,
я хочу обнять тебя за плечи —
мнимое ты, или настоящее?

* * *

Дождя не переждать под пологом лесным,
не выйти из воды сухими,
и вот под сенью струй, обнявшись,
мы стоим,
одежды сбросивши, нагими.

Когда, казалось бы, все смысла лишено:
любовь, гроза, начало мая.
И Тютчев не в чести уже давно.
И пара мы — не молодая.

* * *

Меня зовут, а я не слышу.
В мяч заигрался, верно, я,
полез с товарищем на крышу,
упал, разбился, нет меня.

Меня заждались домочадцы.
На кухне стынет суп давно.
Они напрасно горячатся,
я не вернусь к ним все равно.

Им вечность целую придется
одним хлебать холодный суп,
и случая не подвернется,
чтоб оттаскать меня за чуб.

Раскраснелись, аки раки,
От заморского питья:
Кулаки крепки для драки,
Рожи гожи для битья.

А в сторонке горожане
Из столичных пиджаков
Смотрят, точно парижане,
На российских мужиков.

Мол, сцепитесь ради шутки,
Коли жизнь невесела,
На пятнадцатые сутки
Доберётесь до села...

...Тары-бары-шаровары,
Продувные кушаки...
В городском-тверском пивбаре,
Как московские бояре,
Пили пиво мужики.

Леонид САФРОНОВ

Кировская обл.

мужики

Тары-бары-шаровары,
Продувные кушаки...
В городском-тверском пивбаре,
Как московские бояре,
Загуляли мужики.

Притаранили тарани
Целый ворох в сто пудов
И шумят, стирая грани,
Грани сёл и городов.

Спорят нервно, но степенно
О шелках да о бобах,
И кипит пивная пена
На прокуренных губах.

Для таких любая кружка,
Как ни выкати — мала...
Вьётся пена, словно стружка,
Льётся пиво, как смола.

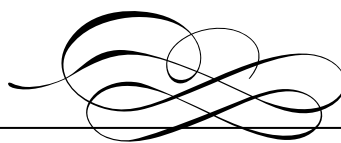
Владимир СИЛКИН

СЕРДЕЧНАЯ ТРАВА

Как, вы не слышали имя такое?!
Но, говорят, и поныне жива.
Я как услышал — лишился покоя,
Что есть такая в России трава.

Все перелески в округе облазил,
Лугом и полем ходил целый год.
Но не нашел, видно, кто-нибудь сглазил.
Но все равно — где-то есть и живет.

Разве возможно на свете иначе!
Ну, не увиделись, жребий не мой.
Я понимаю, большая удача
Встретиться в жизни с сердечной травой.

Ну, разминутись, но это не драма,
Это житейские, в общем, дела.
Если б нашел, вероятно, и мама
Рядом со мною еще пожила.

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Никого на свете не виню
И в прошедшем не ищу изъяна,
Радуюсь, когда навстречу дню
Лебедь выплывает из тумана.

Грудью раздвигая камыши,
Отряхаясь медленно от стужи,
Он-то знает точно — без души
Никому на свете он не нужен.

Устремляясь с радостью на зов,
Шею грациозно выгибает.
Этот лебедь белый за любовь,
Не моргнув и глазом, погибает.

Но и птице очень важно знать,
Что любовь с уходом остается.
Можно счастьем в душу наплевать,
Только никому не удается.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

* * *

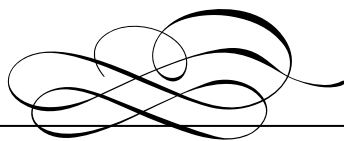
Сначала жизнь, потом история
Нас разделили, а затем
Голубенький цветок цикория
В пыли эпических поэм.
Собачий лай, овечье блеянье
В пустых, обглоданных цехах,
И проклятое поколение,
И призрак старости, и страх.
Дороги рухнувшей империи,
Между вагонами трава
И смерть души в своём преддверии...
Но ты жива, но ты жива!

РУССКАЯ ПРОЗА

Потеплело на исходе марта,
Грач гуляет посреди двора.
«Письма из деревни» Энгельгардта,
Думаю, перечитать пора.
Хоть про харч, хоть про льняное мяло —
Вновь мила родная глухомань!..
Времени совсем осталось мало,
Но хочу перечитать «Тамань».
После перейти к «Хаджи-Мурату»,
Чтоб не сдаться, чтобы как-нибудь
Горькую перетерпеть утрату,
Ватой бок простреленный заткнуть.

БЕССЮЖЕТНАЯ НОВЕЛЛА

Я ночевал в Тбилиси у флейтиста.
Случайное знакомство в первый день.
Я помню: было в комнате нечисто,
Прибраться же и незачем, и лень.
Был грустен мой нечаянный товарищ,
Перебравший прошлое в уме.
Уже немолод, нищ и многознающ,
Он русский изучил на Колыме.
А жизнь моя катилась пёстрым комом,
Я был незрел, наивен и нелеп.
Но хорошо быть юным в незнакомом

Великом, странном городе судеб!
Мы завтракали сохлым хачапури
И об искусстве спорили, потом
Простились в свежем утреннем сумбуре.
Я позабыл его лицо и дом.
Напутствуемый жалобой дудуки,
Я, выйдя в переулок, полюбил
Все эти краски, запахи и звуки,
Всё, что теперь пошло в размол, в распыл.

Борис СИРОТИН

Самара

СВЯТОЙ КИРИЛЛ

Леса, бесконечные дали,
Немолкнувший звёздный хорал —
К нам буковки с неба упали,
Кирилл их в лукошко собрал.

И вот в теремах и хоромах,
В узорочье дивном вокруг,
В сплетении веток, в изломах —
Вся азбука вспыхнула вдруг.

И он, озирая с отрадой
Деревни, покосы, леса,
Увидел, как линия лада
Мерцала и шла в небеса.

На камень седой придорожный
В раздумии светлом присев,
Он мыслил, что буквы, возможно,
Суть в Космос обратный посев.

И так было тихо — ни гнева
В природе, ни мёртвой тоски.
И мнилось опавшее древо
Прямым продолженьем руки...

НА ВСЕНОЩНОЙ

«Жертва вечерняя...» Снова,
Но по-иному уже,
Этот распев Чеснокова
Длится и длится в душе.

Господи, я со слезами
Внемлю усталой душой —
Словно бы перед глазами
Храм вырастает большой.

Высится, высится, тая
В небе, где тени и свет.
Господи, я улетаю
Белому храму вослед!

Лик мой становится строже
И благодатна душа.
«Жертва вечерняя»... Боже,
Всё-таки жизнь — хороша!

* * *

В преддверье Рождества Христова,
Где хвои чуть пьянит настой,
Так слова хочется простого,
Так ласки хочется простой!

Так хочется простой минутой
Дышать, доверившись зиме,
В стране, опять объятай смутой
И прозревающей во тьме...

Ну, а из Вечности нам — ёлка,
Блеск на иголках слядяной,
И в долгом обмороке Волга
В своей гробнице ледяной.

Владимир СКВОРЦОВ

Санкт-Петербург

ВЕСНА В ПЕТЕРБУРГЕ

Не хочется ни в парк, ни на эстраду,
ни в тихий храм, ни в круг
 хмельных дружков...
Куда милей, склонившись за ограду,
смотреть на стайку резвых окуньков!

Я, усмирённый городской уздечкой,
весной мечтаю в душной тишине,
что где-то там черёмухи над речкой,
благодаря, помнят обо мне.

Какое счастье быть в том аромате,
где в детстве я носился босиком!
Удиль беспечно рыбу на закате
и сквозь кусты следить за поплавком!

Пропахший лесом, травами и пашней,
я осознал, с реальностью мираясь:
в деревне грязь видней, но безопасней,
чем городская нравственная грязь.

Мой брат, с бутылкой выйдя на веранду,
разносит в прах историю страны:
при всякой власти люди ищут правду
и никогда все не были равны...

О, дивный град богатых и просящих!
Что б ни случилось, ты всегда таков!
Твоих фасадов и витрин манящих
милее сердцу стайка окуньков!

ТЫ – МОЁ ВДОХНОВЕНИЕ

За моё сверхтерпение
и моё же предательство
ты — моё дополнение,
я — твоё обстоятельство.
Небо падает в обморок!
Не дышу и не думаю.
Мы с тобой — рука об руку,
отыскал я звезду мою!

Светлых чувств дуновение...
Как роса предрассветная,
ты — моё вдохновение,
в поле стёжка заветная,
ложной жизни крушение
и всего, что так мучило...
Ты — моё воскрешение,
возрождение лучшего!

Владимир СКИФ

Иркутск

ПЛЮШКИН

Хочу, словно Плюшкин у сердца собрать я
Цветы, поцелуи, шаги в полутьме,
Шкатулки и кольца, платочки и платья,
И письма, зажатые в пыльной тесме.

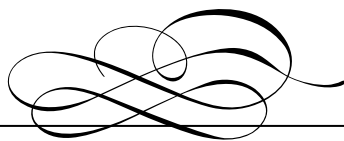
Хочу, как в огромный, широкий гербарий
Собрать наши вещи, давние сны,
Листочки, ракушки и ночи в угаре,
Осенние ливни, сосульки весны.

Я знаю, что там аромат сохранится
Пшеничного поля и дикой травы,
Знакомые лица на каждой странице
И стрелы Амура, и звон тетивы,

Которая стала струной горизонта,
Куда мы исчезли из прошлого дня,
Как будто оставили линию фронта,
И ты уходила одна без меня.

Поэтому я собираю, как Плюшкин,
Загадки и песни оставленных мест.
Там встретятся мне и Есенин, и Пушкин,
И в небе летящего времени Крест.

Всё только родное у самого сердца,
Всё только живое в разъятой душе.
Я Плюшкин. Входите! Откроется дверца
И вы в моих верных объятьях уже.

В БАНЕ

Мне нравится с девками париться в бане,
Прилечь на полки, безразличье храня
К их жарким телам, а они со стараньем
Берёзовым веником хлещут меня.

Ядрёные девки, ядрёная банька,
С которыми я, как сатир, на пиру.
Вот Лидка с Наташкой,
Надюха и Танька
Плывут, как русалки, в горячем пару.

Берёт Ушакова два веника сразу
И, знойного тела касаясь слегка,
Сжигающий пар нагнетает, зараза,
Да так, что я мигом слетаю с полка.

Наташка нарвёт самой жгучей крапивы,
Опустит во флягу с живою водой
И парит себя и подруг, и на диво
Выходит из бани совсем молодой.

Татьяна с Надюхой крикливо и долго
Себя можжевельным веником бьют,
А после — румяные,
в листьях, в иголках
Водой дождевой обливаться бегут.

Такого не знают Париж или Лондон,
Не ведают бани, как песня, простой,
Где светят российские наши Джоконды
Своей наготой и своей чистотой.

Здесь свет и вода, нету пошлости, денег.
Эй, Лидка с Наташкой, Надюха, Танёк,
Запарьте-ка мир, как берёзовый веник,
Я снова зайду к вам на ваш огонёк.

ПЫЛЬ

Я счастливый, как пыль за машиной
Юрий Кузнецов

Жил я острой любовью и былью,
Не хотел и не мог быть толпой.
Был твоею счастливою пылью,
Что летела вослед за тобой.

Мы, наверно, друг друга любили,
Коли так неотступно летят
За тобой и за мной тучи пыли
И остаться без нас не хотят.

Поцелуй меня ослепили,
Снилась боль и разрушилась быль...
«Вы, наверно, друг друга любили?!» —
Шелестит придорожная пыль.

Александр СМОГУЛ

Заведусь, заверчусь, загорю,
Задрожу как штормящий ют,
У случайных бомжей заночую —
Бог — хранит алкашей. Не убьют.
И привидится прошлого улей,
И возникнет в его уголке
Вечно датый Карим Халиулин
С балалайкой и дудкой в руке.
Подойду к озверевшему раю,
Брошу стольник, как долю свою.
— Что хорошего? — Дудкэм играю, —
Улыбается, — стрункэм щиплю.
Средь хрущевских сгнивающих хижин,
Где сидельцы, афганцы, шнуры
Непонятно, зачем же ты выжил —
Неужели для этой игры?
Неужели осталось лишь это:

Заезженный март припаркован к луне,
Копытами плещет вода...
Я тоже когда-то скакал на коне,
Да вот не припомню куда.
А ветер под мороси душный обвал
Плетет чепуху на арго.
Я тоже кого-то в лицо целовал,
Да вот не припомню кого.
Зато не забылся бодун по утрам
И счастье, что я здесь — никто...
Зачем я шатался по сонным дворам
В чужом безразмерном пальто?
Зачем я искал свою душу в бегах
По мерзлым развалам дорог?
Зачем я о женщине плакал в стихах,
А в жизни заплакать — не мог?
Да было ли это? Окетись, дорогой:
Истлела живая вода.
Спасибо, Создатель, что я здесь изгой
И все-таки свой, как беда.
Безликая память парит в никуда
И сны ирреальны, как явь,
А все-таки я дотащился туда
Куда ни на крыльях, ни вплавь.
Безмерным покоем зияет итог,
Бессмысленность смысла ясна,
И я одинок и печален, как Бог,
Горюющий, как Он предвидеть не смог
Ложь промысла и ремесла?

* * *

Все одолеешь, море и пустыню,
Леса возьмешь и горы на пути.
Но если вдруг душа твоя остынет, —
Ее снегов уже не перейти.

Так широки и так они ледяны,
Куда ни глянь —

Я позабыл веселые поляны,
Родные соловьиные луга.

Простор кровавым месяцем расколот,
Как топором.

Сосет мне разум непреклонный голод
Тоски — потрогать теплые цветы.

Склониться бы к родительским могилам.
Послушать деревенскую гармонию.
И душу тронуть пескариним илом.
Взять за крыло вечеровой огонь.

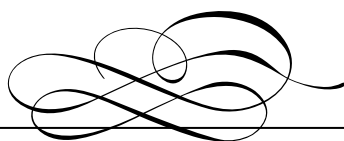
Мы забываем, восходя на кручи,
Вбегая в корабли и в поезда,
Зовёт нас то,

Свет памяти и совести звезда.

Они горят в сознание обоюдно,
Под каждой доброй крышею в чести.
Зовет нас то,

Но невозможно снова обрести!

ЛУННЫЙ КРЕСТ

Горе в дому, не смех.
Думаем об одном.
Снег, серебристый снег
Падает за окном.

Белый лежит покров
На пол-России аж.
В звездах иных миров
Сын затерялся наш.

Белая мать сидит.
Ночь.
 И глаза, глаза!..
Молится и глядит
Долго на образа.

Белых берез гряда.
Ворон во мгле кричит.
Сын уже никогда
В двери не постучит.

Доброго, своего,
В самый неожиданный час
Бог отобрал его,
Не пощадивши нас.

Скоро в краю пустом,
Вечной тоской полна,
Белым взойдет крестом
Утренняя луна.

ПОНЯЛ

Беру коня судьбы я под уздцы
Без суеты и лишнего испуга,
Поскольку понял: в мире подлецы,
Как близнецы, похожи друг на друга.

Скачи, мой конь, через неровный быт,
Неси меня от кровного порога,
Пусть гудит под бронзою копыт
Тяжелая российская дорога.

Я выживу и выдюжу позор,
Превозмогу обиды роковые,

В туманных далях различает взор
Звезду удач, пожалуй, не впервые.

Скачи, мой конь, непросто из седла
Нас вышибить,
 мы цепки до предела,
Вон снова иноземная стрела
Почти под сердцем у меня пропела.

Но промахнулась — ожидай своих,
Они чужой не легче, не добрее.
Там, в сумерках, сторожко лес притих,
И ни левой объехать, ни правее.

Скачи, мой конь, отважным путь открыт,
А я посланник матери и Бога.
И пусть гудит под бронзою копыт
И эта —
 не последняя дорога!..

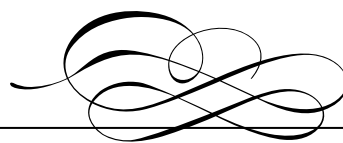
Евгений СТЕПАНОВ

* * *

Время безжалостней сути садиста,
Так что не будем пенять.
Надо бы жить лет, наверное, триста,
Чтобы хоть что-то понять.

Чтобы освоить какое-то дело,
Чтобы скопить капитал,
Чтобы душа, наконец, повзрослела,
Чтобы я в космос слетал.

Чтобы глаза, точно рампа, лучились,
Чтобы прозрели верхи,
Чтобы стихи у меня получились,
Чтобы сложились стихи.

НАДЕЖДА

Не грусти, дочь моя, что отец твой небросок.
У отца за спиной пара крепеньких крыл.
Если жизнь это пачка смешных папиросок,
Может быть, я покудова не докурил.
И сознания груз не убийственно тяжок,
И надежда на вечность, как прежде, дана.
Остается — Бог даст! — еще много затяжек.
На худой же конец — остается одна.

Нина СТОЖКОВА

АНГЕЛ

Под пластинку хрипатую
Погрустим о былом.
Машет дворник лопатою,
Словно ангел, крылом.
Забулдыгу бесполого
Посыпает снежок
И ложится на голову
Света яркий кружок.
Лимита поднебесная
Отработает срок.
Мы и сами — не местные,
Из фантомных миров.
Кто из лунного племени,
Из фантазий и грёз.
Кто из нового времени,
Из живущих всерьёз.
Все о нас дворник ведаёт,
Как начальник старшой,
И одною заведует
Крупноблочной душой.
Хоть и пьян, не оступится,
Ни погибнет в беде.
Пусть за нас он заступится
На грядущем суде.

МАРШ МЕНДЕЛЬСОНА

Как жить концертмейстерше лет тридцати,
Усталой, в костюме дурного фасона,
Играющей «Свадебный марш» Мендельсона
По выходным — с девяти до шести?
Где силы скрипачке прокуренной брать
На эти торжественно-светлые звуки,
Когда по субботам, бледнея от скуки,
Приходится ей Мендельсона играть?
Что делать ударнику, альту, трубе —
Всему их оркестрику в загсе районном
С кормильцем, с насмешником злым,
Мендельсоном,
Со всем, что намешено в каждой судьбе?
Но вновь, лишь откроются створки дверей,
Пять ангелов, пять музыкантов прекрасных
С дежурной улыбкой на лицах
Бесстрастных
Мечтают весь мир поженить поскорей.

Ирина СУГЛЮБОВА

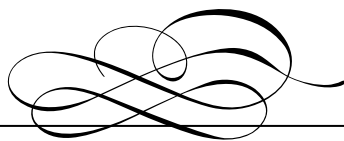
* * *

Когда баядера рванулась в костер
И Бог к ней могучие руки простер,
Воспрянув от смертного одра,

Повсюду с волной целовалась волна,
И вздрогнули горы, очнувшись от сна,
И небо разверзлось свободно,

Впуская возлюбленных в брачный чертог..
Был весел огню неподверженный Бог,
И звезды как искры хрустели.

И так упоительны были слова,
И только кружилась слегка голова
На огненной легкой постели...

И стелется памяти вкрадчивый дым,
И пеплом тебя осыпает седым,
Граничащим с ложью и фальшью.

Я, помнишь, спросила тебя как-то раз,
Красивы ли в Индии девы сейчас,
И ты засмеялся: «Как раньше...»

И пристально долго в глаза мне смотрел,
Как будто бы вслух вспоминать не посмел,
И стыла не начатой чаша...

Московская кухня, январский рассвет..
Все было как будто, а будто бы нет —
Суть воображение наше.

* * *

В этих посвистах ветров насытых
В этих всхлипах осенних дождей
Просьба, чтоб отпустили убитых
Хоть на час — навестить матерей.

Посидеть с ними рядом — живыми,
Посмотреть, как темнеет вода,
Это струи дрожат дождевые,
А не слезы ползут в никуда.

А быть может, их всех отпустили,
И они на скамейках сидят,
Только нам в мертвом мороке пыли
Трудно свой сфокусировать взгляд.

Виталий СУНДАКОВ

Московская обл.

ЭПИТАФИЯ

Ныне я: и серый камень, и березки, и трава,
твоя память, строчки эти, и опавшая листва.
— Ты ведь помнишь? — Вижу, помнишь!
Значит, было всё не зря.
Мы по-прежнему любимы,
И по-прежнему друзья...

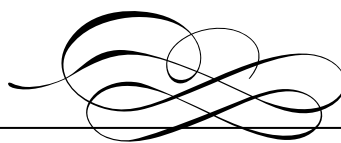
P.S.

Ты тут долго не сиди
Улыбнись!
Ну, всё
Иди...

Мы не здесь, а в вашем сердце,
С солнцем, ветром и дождём
Вы, пожалуйста, живите!
Мы вас любим, но не ждём.

ЧЁРНО-БЕЛАЯ ПУТЕГРАФИЯ

Вдох. Первый плач. Будь.
Шелест дорог. Путь.
Сказки и краски. Цвет.
Звон куполов. Свет.
Вечность. Беспечность звезд.
Главный вопрос. Прост.
Вялая жизнь. Плен.
Сытая плоть. Тлен.
Догмы. Завалы вех.
Пылью согреет. Грех.
Счастье, здоровье. Тост.
Съел сам себя. Пост.
Жажда и лень. Тень.
Звонкое небо. День.
Запахи красоты.
Дождь и цветы. Ты.
Цифры в умах. Страх.
Флаги в руках. Крах.
Голое тело. Стон.
Грязные руки. Трон.

Беды, победы. Бред.
Толпы, народы. След.
Слёзы. Любовный сок.
Смертное русло. Рок.
Ужас сомнения. Вдруг.
Это не конус. Круг.
Луч паутинки. Мох.
Выдох.
Паренье.
Бог.

Какие пейзажи с пригорка!
Нет, всё ж отдохну, осмотрюсь.
На нищих, заглохших задворках
Чуть теплится сельская Русь.

Где даль и безбрежные кроны
За речкой застыли в тиши,
Мой старенький домик зелёный
Совсем затерялся в глуши.

Александр ТАРАСЕНКО

Брянская обл.

ПАСХАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Навестил старушку-маму
По весне. В пасхальный день,
Нарядясь, глядится в раму,
Синей челкою сирень.

Полыхает черноплодка
Белым цветом у ворот.
Луг затоплен, сохнет лодка
Кверху днищем у болот.

В доме чисто. Где икона,
Белый вышитый рушник,
Стол, пол-литра самогона —
Разговляется мужик.

Молчаливые поселки
Огласил святой набат.
Старики, неся кошелки,
Шли к погосту мимо хат.

Подлески, дороги, пригорки —
Родные, грибные места.
С холма завиднелись посёлки,
До дома осталась верста.

Сергей ТАРАТУТА

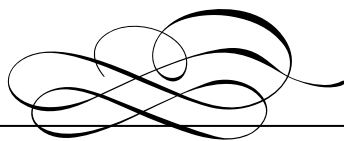
Слишком быстро сближаемся мы,
Словно две одуревшие пули.
Словно два самолета среди тьмы,
А диспетчеры явно уснули...
Самолет, он летит лишь вперед,
Не способен он двигаться вспять.
Нас друг к другу никто не ведет,
Столкновения не избежать.
Через миг будет страшный удар,
Парашюты готовь не готовь,
А еще говоря — Божий дар,
Это странное чувство — Любовь!

ШТИЛЬ

Виктору Андрееву

На море штиль. Это море в тоске.
В небе медузою тучка.
Крабик рисует клешней на песке
Что-то свое, самоучка.

Рядом лежит опустевший рапан,
Окаменевшее ухо,
Слышит оно, как густеет туман,
Слышит движение пуха.

Слышит, как где-то в глубинах скользят
Рыбы со взглядами статуй,
Слышит все то, что услышать нельзя,
За тишину как ни ратуй.

Слышит, наверное, как хищник морской
Рвет свою жертву на части...
Крабик. Рапан. И на море покой.
И ощущение счастья...

Сергей ТЕЛЮК

Памяти мамы

Бог, поднимая, в пять утра
не прокомандует подъем.
Используя простой прием,
он словно вымолвит: «Пора».

Хотя квартирный полумрак
не тронул предрассветный тлен —
диктует близость перемен
в тиши настырное «тик-так».

Еще не разглядеть пути.
Но за ночь снегу намело
(всем пожеланиям назло).
О, как нескладно все! Прости.

Листопад. Ветер, скомкав начало,
словно фантики под ноги мечет.
Лето выдохлось, и — отзвучало.
Если раньше был чет, нынче — нечет...

Отдавая тоске предпочтенье,
день осенний все тает и тает.
На могиле отца запустенье.
Воронье над церквушкой витает.

И глядит на меня обалдело
здешний сторож с обличем невежды.
Прекратить это гиблое дело!
Только одурь снедает надежды.

Вечерние улицы. Шум да огни.
Машин, как от ливня воды в горных реках.
Здесь вовсе не думают об имяреках,
здесь главное — выжить... Эй, не утони!

И свыкнуться, вроде бы, не мудрено
(припомнить — чего только
ни прививалось!),
но недоумение все же осталось:
так было, и — будет? Так — заведено.

Неси лишь тебе предназначенный крест,
верь в эту банальность без альтернативы.
Приимешь — и станут ясней перспективы,
и явственнее указующий перст.

Анатолий ТЕПЛЯШИН

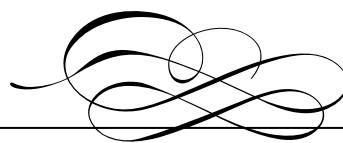
Оренбургская обл., г. Новотроицк

БЛАГОДАРНОСТЬ

Т. В. П.

Не времени поток, а лишь мгновенья,
как островки в течении реки.
Не сноп огня, не пламя озаренья,
а только в поле темном огоньки.

Не линия — всего лишь многоточье.
Не лес — а лишь побеги вдоль стволов.
Не связные осмысленные строчки,
а лишь обрывки полустертых слов.

Да, это жизнь...

Обрывки, точки, блики,
неверный контур, легкие мазки.
В густой толпе светящиеся лики,
прощальный взмах неведомой руки.

Есть человек — и нету человека:
улыбка, слезы, мимолетный взгляд.
Прожив свой век — никто не прожил века,
никто не прожил два часа подряд.

Никто не склеил пестрые осколки.
И даже на страницах дневника
нам не собрать иголки из-под елки
и не построить замок из песка.

Все лгут календари и лгут романы,
описывая «жизненный процесс».
И даже нет странички без обмана —
всегда немного отклонен отвес.

И в этом зыбком фрагментарном мире,
где можно все сомнению подвергать,
неверно даже «дважды два — четыре»:
всегда найдется тот, кто скажет — «пять».

Тем удивительней вдруг встретить человека,
чей образ встанет на твоём пути
не как одна стотысячная вежа,
которую ты сможешь обойти.

Нет, в душу он ворвется поневоле,
на сто вопросов ясный даст ответ.
И ты увидишь реку, лес и поле,
и ты увидишь яркий чистый свет.

И даже жизнь твоя на то мгновенье,
когда идешь с ним рядом на пути,
вдруг обретает смысл и вдохновенье,
которых раньше ты не мог найти.

Таких людей, как дар, ты принимаешь
и благодарно смотришь им вослед.
За что благодаришь, ты сам не знаешь...
За этот лес, за реку, поле, свет.

Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН

БАЛЛАДА О ТОПОЛЕ

А в степи давно цветы завяли.
Стала осторожной тишина.
Как старик в тулупе,
на завалинке
Примостился тополь у окна.
И сидит, шумя листвою сонно,
В гости приглашая облака.
Что поделать — возраст пенсионный:
Отдыхай да грей себе бока.
Слушай скрип веселого порога,
На забор ветвища положив,
Да смотри на стертую дорогу,
Хитрые глаза свои смежив.
Не спешат ли через мостик шаткий
С гиканьем да свистом холода...
На затылок
сдвинута
ушанка
Теплого грачиного гнезда.
И когда вечернею порою
Приумолкнут ветры на реке,
Речь ведет с пернатой детворою
На своем зеленом языке.
«Незаметно весны проходили,
Кружевной оставили рассвет.
Всяко было. Годы не щадили
Мой когда-то щегольский вельвет.
Нынче шрамы вряд ли дождь залижет,
И тревожно чувствует листва:
Поселились люди к нам поближе,
Чтоб рубить
зимою
на дрова.
Не уважат вечную прописку,
Что дала земля моим корням:
Скоро вспыхну алым обелиском,
Молодое
небо
накрена»...
И замолк.
И было слышно только,
Как гремела за селом гроза...

Что сказать?
Прощай, дедуся-тополь,
Стыдно мне смотреть в твои глаза.
Кряжистые сумраки вставали,
Нараспашку
шли
по борозде.
Видел я,
Как слезы заплутались
В желтой от махорки бороде...

БЕССМЕРТНИК

На суглинистом крутоярье,
У давно одичавшей версты,
Подорожник,
иван-да-марья
Вышивают степные холсты.
Сколько их
среди ватаги несметной,
Где ковыль,
Васильки,
Полынок...
И живет
незаметно
бессмертник —
Самый скромный донской цветок.
Породнились с землей его корни,
Силу взяв,
стали частью земли...
Безоглядно скакали кони,
Только их затоптать
не могли!
Эх, опять у казачьей станицы
Атаманят
вовсю
ветерки...
У людей, что ли, взяли сталистость
Розоватые лепестки?
Что им зимы?
Стоят бессменно,
На увядшие травы дыша...
Если души великих бессмертны,
Значит,
есть у цветов душа!
И железный характер тоже —
Тот, который не трогает ржа...

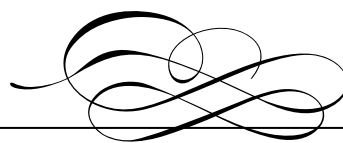
**Вы, бессмертники,
 так похожи
На солдат,
 что у Дона
 лежат!**

* * *

Сергею Якубовскому

Бывший моряк Сергей Якубовский
Ходит вразвалку,
Как в бурю волна...
Взглядом вбивает
Гвозди
В доску!..
Такая силища ему дана!..
Красив,
Как плывущая к солнцу яхта.
Надежный товарищ в горе-беде...
Списавшись на берег,
Похож стал на якорь,
Что почернел от тоски по воде...
Встречая закаты у шумного мола,
Любуясь эскадрами кораблей,
Поднимет чарку за тех, кто в море
В пивной,
Натянув тельняшку теней...
И тяжело вздохнет...
И приснится дорога:
Ковыльная степь, полынь да репей,
И ветер шепнет: «Полковник Серёга,
Пора седлать на Донщину коней!»...

Иван ТЕРТЫЧНЫЙ

* * *

Как много света над широкой пустошью!
Поодаль — старый, выморочный сад.
Лишь суслики вокруг да мышки шустрые,
да чибисы печальные свистят.

Какая даль с холмища открывается!
Белеет незатейливо жильё...
И к этому невольно прилагается
присутствие случайное мое.

Чего я жду? Что вдруг да примерещится
ребячий гам? В черемухе овраг?
А может, вдовая неловкая помещица?
А может быть, обиженный батрак?

Или вконец умученный бессонницей,
один в большой избе живущий дед?..
...Неужто свет над пустошью —
не солнечный,
совсем не с неба этот странный свет?..

* * *

Из времени навеки уходя
В далекие неизвестные дали,
Я думаю, заметишь ты едва ли
Седые пряди летнего дождя.

И вряд ли залюбуешься травой
И пышною цветущей луговиной,
И яркою закатною картиной —
Открытой этой прелестью земной.

И разве озаботишься семьей,
Судьбой друзей, их долгими делами?
А вспомнишь, может, об отце и маме
Да о поре начальной золотой.

И высветится в памяти строка
Живущего без времени поэта
О том, что с ней ему не надо света.
Об этом вспомнишь ты наверняка.

Михаил ТИМОШЕЧКИН

Воронежская обл., г. Россошь

МУЖИК БЕЗ ЛОШАДИ НЕ ПАХАРЬ...

Мужик без лошади не пахарь,
Не скотовод и не косарь.
А с нею он силач и знахарь
И сам себе и князь и царь.

Мужик без сивки — неимущий,
Бедняк, задолженник, батрак.
А с ней — хозяин всемогущий,
Надёжно дело стерегущий,
Опора власти — середняк.

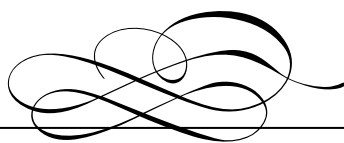
Мужик без собственной усадьбы,
Без огорода, без плетня
Как всё равно жених без свадьбы,
Костёр без пламени-огня.

Груз тяжких дел и испытаний
Несёт он на своем веку,
И без тягла он не крестьянин.
Так дайте ж лошадь мужику!

Всего одну лошадью силу,
Нет-нет, не трактор К-700,
Что, управляемый верзилой,
Буханку от ларька везёт.

Он по-хозяйски всё рассудит,
Где и чего на чём привезть...
И будут благодарны люди,
Что он, мужик, на свете есть.

Он не покинет край свой древний,
Где с лошадьми мальчишкой рос,
И будет жить его деревня,
И не уйдёт с земли колхоз.

Татьяна УВАРОВА

* * *

Люксембургского сада ноябрьская тишь.
Здесь мне старые тайны поведал Париж.
Модильяни с Ахматовой в этом саду
Целовались, как птицы, у всех на виду.
Пётр Первый и Рубенс в погожие дни
Отдыхали под сенью деревьев в тени.
И куда все уходят? Не говорят.
Только поздние астры прощально горят.
Королевы глядят с постаментов с тоской.
Им поправить бы волосы тёплой рукой
И к фонтану сбежать, где в трагический миг
Полифем Галатею с любимым настиг.
У бассейна бисквитом кормя голубей,
Все заботы навеки б забыть, хоть убей,
И откуда пришёл и куда ты уйдёшь,
Как идёт по воде чуть заметная дрожь.
Просияет рубин в королевском венце —
Это Медичи тень в Люксембургском дворце.
Проплывая вдоль окон в закатном огне,
Беломраморный профиль привиделся мне.
И куда все уходят? Не говорят.
Только поздние астры прощально горят.

Галина УМЫВАКИНА

Воронеж

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

И смородины куст — тоже родина, брат,
и дорожная пыль, и полынь у дорог.
Что ж отводишь ты взгляд,
словно в чем виноват,
словно что-то ты мог, но в свой срок
не помог?
Да, с одной иль другой поглядишь стороны
и, куда ни свернешь, все вернешься сюда:
наше чувство страны —
в целом чувство вины,
в нашем чувстве любви что-то есть от стыда.

* * *

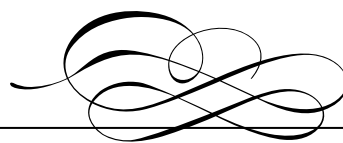
То продавщица, а то врачаха
или инспекторша из райсобеса,
пылкая девушка, строгая дама
или старушка скажет: «Ой, здрасьте!
Я вас узнала: вы — поэтесса».

Скажет — хватившая общего лиха,
скажет — хлебнувшая общего срама,
скажет — не сгинувшая в круговерти,
где не до жиру — все страсти-мордасти.

Сестры, подруги мои и товарки,
я вас узнала тоже, поверьте.
С вами тянувшая в общей запарке
наши срока, наши жилы и строки:
я вас узнала. Мы не одиноки.

РУССКИЕ ВОПРОСЫ

Над родимой землей, над Расеею,
(будет этому край или нет?)
лишь затянут: «А мы просо сеяли...»,
«А мы вытопчем!» — грянут в ответ.
Или вправду беспамятным лыком мы
шиты вкривь, на авось, абы как?
Или мало позора помыкали

по судилищам да кабакам?
Нас такими аршинами мерили,
задавали такого ума!
Иль по нраву батыи да берии,
иль по сердцу тюрьма и сума?
Не подначкою, так зуботычиной,
не доносом — рублем иль дубьем:
— «Ой, мы сеяли...» — «Эх, а мы вытопчем,
не хулой, так хвалою добьем!»
Ну, давай же, стражай, перебарщивай,
выдавай полной мерою впрок:
мы татарщине, царщине, барщине,
знать, не весь заплатили оброк?!
Нету удержу гульбищу русскому,
меры нет куражу, как ни кинь:
снова брата на брата науськивай
да на дыбу сестру волоки?!
Одесную еще не отслушали,
а ошуюю в лад завели.
Иль кровавую подать подушную
не собрали мы с нашей земли?
Или мало тут выжжено дочерна
да погублено жизни самой?..
Как ты, дитятко, родина, доченька,
еще веришь нам, Боже ты мой?!

ПОКРОВ ДЕНЬ

Е. Латарцевой

Листвы багряную обнову
припорошил снежок едва.
От Иоанна Богослова —
четыре дня до Покрова.
Опять октябрь на белом свете,
и распечатаны уста,
и слово брошено на ветер:
лети, лети — не перестань!
Кружи в надежде и в надсаде,
прими и милость, и укор, —
пусть год, как тать, сидит в засаде
и день подкрадется, как вор.
И непомерно покаянье
за свой позор и боль страны,
и мы вином блудодеянья
до ярости опоены.
Но все ж, доколе плат раскинут
небесный над землей моей, —

грешно купиться на мякину
и продаваться за елей.

И значит — впредь, всегда и снова
нам время собирать слова —
до Иоанна Богослова,
начав сегодня, с Покрова.

Илья ФАЛИКОВ

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ БАЛЛАДА

Жить у железной дороги,
петь о железной дороге.
Кто там бежит по крыше?

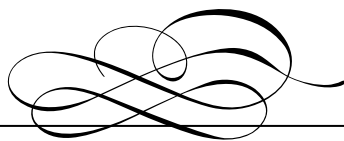
Кто-то вполне двуногий.

Дом у него убогий,
двор у него убогий.
Испокон и навек.
Птица ли, человек.

Ни итальянских зодчих,
ни средиземных вилл.
Стрелочник ли, обходчик.
Что он бежит по крыше?
Что наверху забыл?

Поезд ли догоняет, с рельсов
ушедший ввысь?
Или его гоняет серая мышь, как рысь?
Или ему до света в ухо орет жена,
что никому на свете жизнь ее не нужна?

Запах каленой стали.
Запах снотворных шпал.
Памятник на вокзале —
пусто на пьедестале,
надпись: они устали.
Ты всю дорогу спал.

Вот он взлетает с крыши и не глядит назад.
Следом за ним не мыши — дети его летят.
Не говори мне: это — утренние грачи.
И о судьбе поэта лучше уж помолчи.

Блещут в лучах заката
лом, молоток, лопата,
гаечные ключи.
Вот он из глаз пропал.
Родина не виновата.
Ты ее всю проспал.

ВИД НА МОРЕ

*Ай, Черное море!..
Вор на воре!*

Багрицкий

Вид на кладбище. Вид на луг. Вид на море.
Зажигается русский Юг на Фаворе,
на Босфоре горит маяк, на Утрише.
Можжевельник, дельфины, мак. Нувориши,
вор на воре. Растут дворцы. На ночь глядя
свищет свыше во все концы некий дядя,
ни Эолом не назову, ни Бореем —
свищет свыше, задул Москву, не жалею.

Обнаружит иной поэт с перепоя
на часовне, которой нет, имя Цоя.
Все идет по твоим следам тень Арбата.
Голова твоя тут и там виновата.
В горле вьющегося стрижа не гитара —
звон кладбищенского бомжа, стеклотара.
— Выхожу ли, не твой кумир, на дорогу —
освежается Божий мир понемногу.

Кто в отчаянии, мой друг, кто в фаворе.
Вид на кладбище, вид на луг,
а в конце концов все вокруг —
вид на море.

Цвет акаций на парусах, шум акаций.
Вид на жительство в небесах,
может статья.
Неподвластен тяжелым снам, свет с востока
шарит затемно по волнам — глаз пророка.

Наступает и у бомжа перековка.
На маячном столпе свежа облицовка.
Тень обкуренного бича тает в росах.
Свет прожекторного луча — тоже посох.

Владимир ФИРСОВ

СОЛОВЬИНАЯ НОЧЬ

*Моим сыновьям —
Владимиру и Николаю*

Опять озвучены осины,
Кусты черемух и ручьи,
Опять, опять по всей России
Поют ночами соловьи.

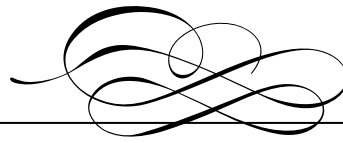
Они поют не по привычке,
Не по нужде, в конце концов!
Их песня —
Это переключка
Домой вернувшихся певцов.

— Я тут! Я тут! —
Один выводит.
— И я! И я! И я! И я!.. —
А сколько горестных мелодий
В обычной песне соловья.

В ней боль за тех,
Кто не осилил
Дорогу в отчие края...
Вот почему всегда в России
С тревогой ждали соловья.

Нелегко путь к ольхе знакомой,
К раките старой и к реке...
Бывало, выйдет дед из дома
В косоворотке, налегке.

И в сапогах,
Что в праздник даже

И то не всякий раз носил.
И замирает, как на страже,
Тревожно вслушиваясь в синь.

Он слышит,
Как роняют почки
Едва-едва приметный звон.
И бабка рядом с ним —
В платочке
Далеких, свадебных времен.

Дед напряжен.
Почти не дышит.
Не видит неба и земли.
Он только чутким ухом слышит,
Как соловьи бурлят вдали.

И вдруг поблизости
Невольно,
Как бы случайно:
«Чок» да «чок».
И усмехнулся дед, довольный,
И тронул бабку за бочок.

— Гляди-ка, наш-то отозвался,
Выходит, перезимовал... —
А соловей всю старался,
Не слыша искренних похвал.

Он пел. И с этой песней древней,
Такой знакомой и родной,
Сливались поле, лес, деревня,
Уже живущие весной.

Пел соловей светло, знакомо.
И дед негромко, не спеша
Сказал:
— Ну вот, теперь все дома,
Кажись, оттаяла душа...

Он шел деревней вдоль дороги,
Был крепок шаг, но не тяжел.
И бабка маялась в тревоге:
— Кабы до девок не пошел.

Сидела старая у дома,
К сухим глазам прижав ладонь.
А дед принес огонь черемух,

Пускай не яркий, но — огонь.

И в мире не было милее
Той соловьиной высоты.
И старая, от счастья млея,
Уткнулась в мокрые цветы.

Все было так и не иначе.
В тиши тонули голоса:
— Да ты никак, старуха, плачешь?
— Да что ты, старый, то ж роса...

Дремали на коленях руки.
И сладко думалось о том,
Что вот и дети есть, и внуки,
И соловей вернулся в дом.

Но все не вечно в мире этом,
Что говорить, закон таков.
Роса с черемуховых веток
Оплакивает стариков.

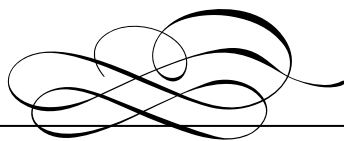
Но вновь озвучены осины,
Кусты черемух и ручьи!
Опять, опять по всей России
Поют ночами соловьи.

И мы — в который раз! — с любимой
Идем от дедова крыльца,
Чтоб в море голубого дыма
Услышать прежнего певца.

(Он так, бывало, рассыпался,
Аж закипал черемух вал!)

Но соловей
Не отозвался.
Видать, не перезимовал.

Илья ФОНЯКОВ

Санкт-Петербург

ЦИНИЧНЫЙ СОНЕТ

Цинична жизнь. Ты пьешь любимый кофе,
Меж тем как репродуктор на стене
Вещает нам на радиоволне
О железнодорожной катастрофе.

Так в день распятия на горе Голгофе
Жевал лепешку кто-то в стороне,
Так с фотоаппаратом на ремне
Приходит в хоспис деловитый профи.

Цинизм — спаситель и растлитель наш:
Есть мода на военный камуфляж
«А ля Афган», и с глянцевой открытки

В ларьке на Петроградской стороне
Однажды хищно улыбнулась мне
Нагая дева в поясе шахидки.

СВЯТЫЕ

Канонизирован Романов,
А с ним и вся его семья,
Расстрелянная из наганов,
Восстала из небытия.

И праведная заграница
С отцами церкви заодно
Зовет народ мой повиниться
За кровь, пролитую давно.

Но эта кровь — лишь капля в море,
Так все же думается мне,
В том океане смут и горя,
Что расплеснулся по стране.

Сочти утраты всей России,
По большей части без вины!
Не записать ли всех в святые
И с той, и с этой стороны?

СЕМЕЙНЫЙ СОНЕТ

Вот вам семья, которая слыла
Недавно показательно счастливой:
Интеллигенты оба, с перспективой,
Дом — образец уюта и тепла.

Но прилетела некая стрела —
А, это ты, кудрявый и сопливый,
Воспитанный под греческой оливой
Божок, не знающий добра и зла?

Ты здесь уж был, зачем явился снова
Тобой же сотворенные основы
Крушить вразнос? Смотри, твоя вина:

Скандалы, слезы, дети сбиты с толку.
А ты внушаешь людям втихомолку:
«Любовь — она все спишет, как война».

Владимир ХОХЛЕВ

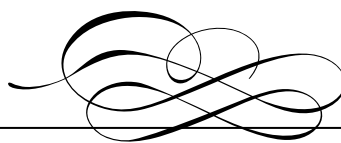
Санкт-Петербург

* * *

Вьюга проникает через трещины,
Вьется под стропилами, в трубе...
В доме разговаривают женщины —
Главные в моей судьбе.

Ветер дребезжит оконной рамою,
Мне стекло давно бы закрепить...
Сердце с зарубцованною раню
Не умеет жить и не любить.

Снег засыпал сад в одно мгновение,
Валиком намёлся на крыльце.
Напрягаю душу, слух и зрение
С сонною улыбкой на лице.

* * *

Невесомый, серебристый
Лег над Вологдой мороз.
На карнизах снег искристый,
Иней на стволах берез.

Скрип несется по проулку,
В валенках идет зима,
После ночи на прогулку...
Расступаются дома,

Пропускают как хозяйку
Северных холодных мест.
Воробьев спугнула стайку,
Золотой укрыла крест

Мерзлого тумана ватой,
Вниз спустилась... На реке
Молча взбила снег примятый
И исчезла вдалеке.

РАССВЕТ

Утро, туман, петухи,
Где-то собаки лают.
Сыро, в росе лопухи,
Звезды высокие тают.

Я выхожу на крыльцо,
Холодно, тихо, сонливо.
Гулко бетона кольцо,
Кошка мурлычет игриво.

Яркое солнце взошло,
Бьет по глазам лучами...
И вдохновенье ушло,
Зябко встряхнув плечами.

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

* * *

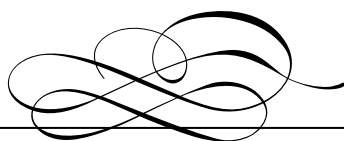
Ведет к заливу улочка кривая.
На розовом песке заря видна.
Под перезвон далекого трамвая
сгоняет чаек к берегу волна.

Мне холодно от праздных разговоров,
мне кажется, — я был когда-то здесь:
ступени каменистых коридоров
и черепицы розовая резь.

Прибоя кромка в пене белоснежной,
и чайки, как шаланды, на волне...
Но нет тебя в той розовой, безбрежной,
прикинувшейся памятью стране.

* * *

Владыка душ оставь мне силу
пожить еще хотя бы год
пока на «аннушке» курсирую
я мимо чистопрудных вод
оставь мне голову и руки
и поджелудочный проток
пока твои адепты-суки
в дугу не запустили ток
пока до тормозного скрипа
останется хоть полчаса
пока с бульвара шёпот липы
подкрадывается как лиса
пока сойдя на остановке
сiju на лавке развалясь
в самом себе — твоей обновке
устраиваясь
и дивясь...

В ПОЛНОЛУНИЕ*Нине*

Жаль, что утром тебя не увижу,
Не услышу и не обниму.
Опускается вечер все ниже,
Ночь вымарывает синеву.

Появляются первые звезды.
Кто Медведицы выследит след?
На купавках настоящий воздух
Над Купавной качается сед.

Виснут рваные клочья тумана
На ветвях тут и там. А луна
В полнолуние войдя без обмана
Все вокруг освещает до дна

Открывая за бездною бездну
В каждом из озаренных дворов.
Я рожден и когда-то исчезну
Где-то в сосредоточье миров.

Но пока я сижу как сельчанин
Ухватясь за перильце крыльца
На меня будто я марсианин
Звездная облетает пыльца.

На лице и плечах серебрится.
Вот в такую же лунную ночь
Я вспорхну, как огромная птица
Чтобы тягу Земли превозмочь.

И не буду отбрасывать тени
На провалы полян и жилье.
Жаль что ты не оценишь мой гений
Что трубил лишь во имя твое.

Михаил ШАПОВАЛОВ*Московская обл., г. Подольск***КРЫМ. ТРИПТИХ****ФЕОДОСИЯ**

Генуэзской башни очерк...
Выцветшая синева...
Время медленно, на ощупь
Тянется едва-едва.

Как нагреты эти камни!
В небе солнце — верный страж.
Как знаком мне этот давний
Романтический пейзаж!

Что с того, что отшумели
Жившие здесь племена? —
Есть Волошин, есть Шенгели,
Крым — поэзии страна.

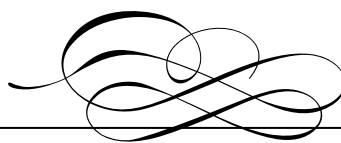
Переходят краски в слово...
По волнам за окоём
Уплывает парус снова
Белым ангельским крылом.

И поверить сердцу трудно,
Взятому легко в полон, —
Что вернутся властно будни,
Знойный оборвётся сон.

ШЕНГЕЛИ

Он от всевидящего ока
Мечтал уехать из столицы
Куда-нибудь на юг, далёко,
Где моря синий вал клубится,
Где солнце, льющееся медью,
Вспоило молодые годы...
Ему хотелось перед смертью
Последний раз вдохнуть свободы.

Засиживаясь в кабинете,
Он видел Керчь в волшебном свете,
В немолкнушем понтийском шуме.

И, горько жизнь свою итожа,
Весь холодел, когда в прихожей
Вдруг грянет телефонный зуммер.

ВОЛОШИН

На корабль похожий дом,
И залив, застывший в штиле...
Да тропы крутой подъём
Прямо к солнцу и могиле.

Здесь он жил. Его рука
Колдовала лёгкой кистью.
Здесь он жил. Его строка
Западала в память мыслью.

Ясноликий, как пророк,
Пел он вольную стихию,
Перекрёсток всех дорог —
Золотую Киммерию!

А в революционный год
Потрясений, зла и мора,
Страшный пережил приход
Большевистского террора.

И в стихах, как документ,
Точных — волею поэта
В список бредов и легенд
Внёс навечно горе это...

Всем путям открытый дом,
Всем друзьям. Войди. И снова
Горькой правдой и добром
Отзовётся в сердце слово.

Алла ШАРАПОВА

ЕГОРОВНА

Как грешных и праведных — поровну
Багряной и желтой листвы.
А где схоронили Егоровну,
Репейник и клочья травы.

Была она сильная, строгая,
Корила за лень и за ложь,
А в старости стала убогая:
«Внучка, — все твердила, — не трожь!»

Такое прощала негоднику,
За что сыновей бы — секла.
И свечку поставить Угоднику
За дальностью мест не могла.

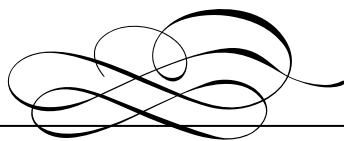
* * *

Когда пройдет горячка лета,
Спадет жара, остынет кровь
И разговор об играх света
Умолкнет на скамьях дворов,

Когда заснятый крупным планом
Нарядный и счастливый мяч
Не будет мчаться по экранам
Квартир и загородных дач, —

Нам вспомнится, как самый смелый
Среди зачинщиков атак
С тоской, что завершилось дело,
Смотрел на победивший флаг

И крикнул, что одно лишь это
И было жизнь, а все — игра...
Но пусть пройдет горячка лета,
Пусть кровь остудят нам ветра.

Андрей ШАЦКОВ

РОЖДЕСТВО НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Святая ночь, святое торжество —
Настало,
и шагами пилигрима
Спускается на стогны Рождество
Со стен и башен Иерусалима.

В небесной грусти Гефсиманский сад.
Песок и камень овамо и семо.
Здесь пуп земли, так книги говорят.
Здесь луч Звезды достигнул Вифлеема.

Здесь нет лесов, где правят волшебство
И колядую, втайне тешат беса,
Но всё равно встречают Рождество
Желанное ижданное...
Завеса

В сочельник расточается пурги,
Ложась пуховым платом на дороги.
Здесь не слышны тяжёлые шаги,
И к валенкам привычны с детства ноги.

Отсюда так далёк Ершалаим
Библейский,
над Гихона берегами.
Здесь торжествует в силе Третий Рим —
Московия, над грузными снегами!
Здесь я рождён, и будит сердце зря
Загадочной страны призыв и вызов.
Восточная лимонная заря.
Русскоязычный шёпот кипарисов.

ХОЛОДНАЯ ПАСХА 2009 ГОДА

В частой смене погод —
не предвидится места для сказки.
Как цепляется в землю, не тая,
снегов омофор!
Минус восемь в ночи,
и на хладное таинство Пасхи

Застывает прозрачной слюдою
озерный простор.

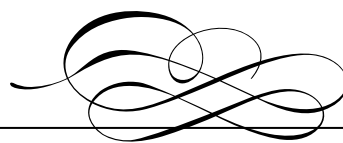
В нашей сонной округе,
вобравшей уклад деревенский,
В городке, где река огибает
защитную крепь,
Проживает весна,
но не хочет по прихоти женской
Постоянной прописки
в реестровой книге иметь.

Я ишу её след по проселочным
стылым дорогам.
Взмах крыла лебединый —
увидеть хочу в небесах.
И беседую в церкви с отцом Серафимом
о многом,
Что доселе таил,
в потерявших надежду глазах.

По делам и грехи.
Ну а коль отмолить не сумели
Не такой уж и смертный в России —
уныния грех:
Будет заметить кружить на заутренях
Светлой недели,
И смущать белизной
по еланиям разбросанный снег.

Но рождаются строки
и в сердце воздвигнется книга
О любви и разлуках, что рядом идут
по весне.
И проклюнулась робко
на малом холме — повилика:
Это мама сказать собирается теплое мне.

И теплеет земля
и гудит вышина от пернатых —
Журавлиных, гусиных —
домой поспешающих стай,
Урожденных в России,
в полуденной сини распятых...
Их на крестном пути —
чудотворец спаси, Николай!

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Ну, наконец-то, задожило,
Погода падает на душу.
Наверно осень — ворожила,
И залила потопом сушу.

А дождь стучался в стены храма,
Переполняя водостоки,
И вспоминалась тихо мама,
И не кончались скорби сроки...

Переломлю с друзьями хлеба,
Не разделённого с тобою,
Шагну под пасмурное небо,
С посеребрённой головою.

А дождь по-прежнему упрямо
Стучится в сны, как будто в стёкла.
Опять приходит осень, мама
И ты, наверное, промокла.

Опять в души пустынном храме
Шепчу слова, про встречу нашу.
А жизнь толкается локтями,
И не берёт стихи в продажу.

И убывает царство света,
Теснимо долгими ночами.
И поминает осень — лето
Деревьев жёлтыми свечами.

Гонимый шалыми снегами,
По ледяному первопутку,
Так захочу прижаться к маме,
Увидеть маму на минутку.

Но ждать придётся до апреля,
Когда вернутся птичьи стаи
Из поднебесной колыбели,
Где нас любить не перестали!

МИХАЙЛОВ ДЕНЬ

Как это трудно, Господи, начать
Писать стихи на согнутом колене.
В момент предзимней, беспробудной лени,
Когда на всём — отчаянья печать

Лежит
по перелескам и дворам.
По рекам и вершинам небоскрёбов,
Когда воспалено больное нёбо
Стихами, что уходят по утрам

В небытие, минуя жёлтый лист
Прихваченной, «по случаю» бумаги.
И умирает осень — тать в овраге.
И смрад её дыхания нечист.

А было время — песен и стихов...
В Михайлов день с небес спускалось ведро.
И чернотроп торили тройки бодро,
И было недалече до снегов

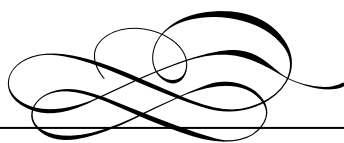
Порош,
что вдохновение даря
Летели на деревья и опушки.
И, как мальчишка, радовался Пушкин,
Перевернув листок календаря

Веленовой бумаги гербовой,
Которая годна для манускрипта...
Но выделялась подпись и постскриптум:
«Прочти сиё, желанный ангел мой!».

И мчался всадник, лошадь горяча,
Успеть, пока не высохли чернила,
Перемахнуть заветные перила,
От радости нахлынувшей крича.

«В Михайловском встречать
Михайлов день...»

Пусть эта аллегория по праву
Приумножает Пушкинскую славу,
И разомкнёт осенних будней сень!

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

Санкт-Петербург

* * *

Петь не умеешь — вой.
Выть не сумел — молчи.
Не прорастай травой.
Падай звездой в ночи.

Не уходи в запой.
Не проклинай страну.
Пренебрегай толпой.
Не возноси жену.

Помни, что твой кумир
СЛОВО, но не словцо.
И удивлённый мир
Плюнет тебе в лицо.

* * *

Я не страдаю от режима
И не меняю баш на баш.
Пишу без всякого нажима —
Я экономлю карандаш.

Меня не били смертным боем
За дилетантские стихи.
Меня водили под конвоем
За настоящие грехи.

* * *

Скоро утро. Тоска ножевая.
В подворотню загнав тишину,
На пустой остановке трамвая
Сука песню поёт про луну.

Вдохновенно поёт, с переливом,
Замечательно сука поёт.
Никогда шансонеткам сопливым
До таких не подняться высот.

Этот вой ни на что не похожий,
Этот гимн одинокой луне —
Пробегаешь волною по коже,
Прилипает рубашкой к спине.

Пой, бездомная! Пой, горевая!
Под берёзою пой, под сосной,
На пустой остановке трамвая,
Где любовь разминулась со мной.

Лунный свет я за пазуху прячу,
Чтоб его не спалила заря.
Плачет сука, и я с нею плачу,
Ненавидя и благодаря.

* * *

Мироточат иконы.
Кровоточат слова.
Колокольные звоны
Над тобою, Москва.

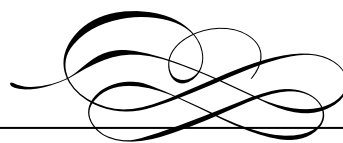
Я устал торопиться
И перечить судьбе.
Окольцованной птицей
Возвращаюсь к тебе.

Постою у порога,
Где толпится народ.
...Кольцевая дорога
Никуда не ведёт.

* * *

Слышащий — да услышит.
Видящий — да узрит.
Пишущий — да напишет.
Благолящий — повторит.

Всяк за своё ответит.
Каждому — свой черёд.
Слово, если не светит,
Запечатает рот.

Пуля — она не дура,
А провиденья рука.
Да здоровствует диктатура
Русского языка!

* * *

Бросил в угол и ложку, и кружку,
И, когда это не помогло, —
На чердак зашвырнул я подушку,
Что твоё сохранила тепло.

Не ударился в глупую пьянку,
Не рыдал в тусклом свете луны,
А принёс из подвала стремянку,
Чтобы снять твою тень со стены...

Виктор ШИРОКОВ

ЗВУКИ НЕБА

*Он покупает звуки неба,
он даром славы не берет.*

М. Ю. Лермонтов

Сполна прошел я курс науки.
Почти с отличием аттестат.
Умею слышать неба звуки
и гул подземных канонад.

В пещеру превратил обитель.
От книг темно в ней, как в бору.
Живу, как завещал Учитель,
и даром славы не беру.

И если не дают — не надо.
Я полон гордости другой:
есть, есть высокая награда,
неукоснительный покой.

Я заплатил всей жизнью цену,
чтоб заглянуть за окоём,
чтоб ощущалось неизменно,
что всё — в тебе, и ты — во всём.

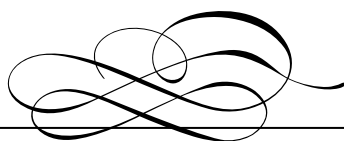
Жаль, остается лишь мгновенье,
и кану в черную дыру.
Прости меня, стихотворенье.
Ты выживешь, а я умру.

ДЕНЬ ПОВЕДЫ

Столько нищих в военной форме!
Если б все они встали в строй,
то не только всё б стало в норме,
и страна гордилась собой;
дембельнув их, сыскали б руки,
чтобы сеять и молотить,
а чуть-чуть погода и внуки
научились б отчизну любить.
Идиллическая картина.
Не Россия, а суший рай.
А сегодня хмельная скотина
нагло требует: «Рупь подай!»
Может, он и служил взаправду,
но, устав от его нытья,
я готов сказать: «Ах ты, падла,
где же все-таки честь твоя!»
Сколько знал я «афганцев» стойких,
все ж нашедших место в строю,
не пропавших гнилой настойкой,
не продавших совесть свою!
Но на деле молчу и прячу
обжигающий гневом взгляд,
и сую «червонец», и плачу,
и шепчу: «Не тужи, солдат!»

* * *

Для уныния повода нет.
Одолел я наветы и порчи.
Новой песней встречаю рассвет,
и фурычит сердечный моторчик.

Новый год говорит: «Оглядись!
Выбирай соразмерней задание!
Человечество тянется ввысь:
и ракеты, и мысли, и зданья...»

Что ж я медлю в предутренней мгле?
Что ни шаг, напрягаю усилья.
Прилепился навеки к земле.
Где они, пресловутые крылья?

За окном разгорелся восход.
Отступила январская стужа.
И душа, как синичка, поёт.
Погоди, ещё рано наружу.

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

* * *

Я все еще живу, храня
звучанье чистой русской речи,
И на прощанье у меня
назначены с грядущим встречи.

Там баркалабовские грозы
прошли, и мокрые стрекозы
блестят у брата на спине,

там детство ловит в быстрине
форель прохладно-золотую,
и ласточкой в моем окне
там счастье ставит запятую.

* * *

Земляника сомлела от зноя,
оставляет на пальцах следы.
Изнывают поля и сады
и не движется время земное.
Окуная лицо в облака,

долго пьем холодок родника,
отползая с улыбкой смиренной
в неподвижную теплую тень,
долго тянется день
в этой жизни мгновенной...

* * *

Не печалься, Вадим!
Мы с тобой не умрем навсегда,
потому что бессмертна вода.

Мы вернемся в нее...
Ну а все остальное старье
мы запрячем в песке,
как одежду во время купаний.

Не любитель компаний,
я тебя подожду на реке.

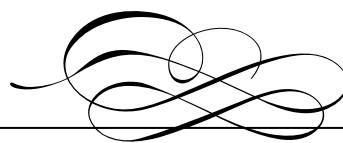
* * *

Дай мне все! Я не стану богаче.
Все возьми! Я не стану бедней.
Над болотами чибис заплачет,
ночью станет песок холодней.
Скоро ивы наклонит ненастье,
я зароюсь под стог с головой.
И озноб есть в запасе у счастья,
и во мраке летающий вой...

* * *

Мелькнули в книге белые страницы,
и не пеняй на типографский брак.
С четырнадцатой —
улетели птицы,
с шестнадцатой —
ручей удрал в овраг!

И лес в леса ушел из этой книги —
опять стоит на берегу Днепра,
и две строки о спелой землянике
лежат на дне прохладного ведра.

Григорий ШУВАЛОВ

Вологодская обл., п. Шексна

* * *

Как осень за дымкой тумана,
как праздники, пьянки, цветы,
надежда — продление обмана,
обман — продолжение мечты.

И после такого нелепо
в сознание чужой правоты
смотреться в московское небо,
где нет ни единой звезды.

Калёная прихоть, причуда
с поправкой на гений и труд.
Свалить бы скорее отсюда
туда, где жалеют и ждут.

Соринка, жестянка, шутиха,
мелькнувшая в сизом дворе.
Мне будет спокойно и тихо
лежать на Поповской горе.

Иван ЩЁЛОКОВ

Воронеж

ВЬЮГА В СТЕПИ

Ветер дунет — заплещет, засвищет
Атаманшей разгульная степь,
Вглубь оврага, как за голенище,
Сунув вьюгою свитую плетть.

И, себя не сдержав от угара,
Рассыпаясь на нечет и чёт,
Дикой волей монголо-татара
Под копытом земля потечёт.

Взвизгнет девкой обманутой Волга,
Взвоят Дон переростком-юнцом...
Кто теперь для кого и надолго ль
Наречётся по крови отцом?

На Руси помешались кровями
Разномастные струи ветров
Со славянскими злато-кудрями,
Смоль-чубами лихих степняков.

Ветер, ветер — загадка степная,
Вековой безответный укор!
Свищет вьюгой от края до края
Перекрещенных судеб простор.

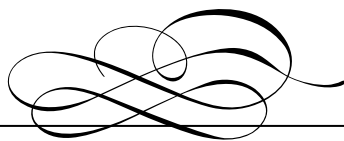
* * *

Вдруг останусь чужим
среди этих полей,
Среди свежих борозд
в чернозёме осеннем!..

Память —
ветром подхваченный пух тополей,
Если в ней ни рубца
от прожитых мгновений.

Вдруг себя не услышу
за плеском волны
У реки,
где минувшее шумно полощут!..

Память —
просто щепотка солёной вины,
Только с нею нам жить
не становится проще!

* * *

Андрею Шацкову

Малины куст жирует на задворке.
Чуть солнце ввысь — и вот они, соски
Весенних почек на лучах-оборках,
Выпячивают нежные листки.

И шевелится целое пространство
В неслышном токе соков озорных,
Напоминая нам о постоянстве
Сменяющихся радостей земных.

Вслед за лучом, вблизи сухой травинки,
Комар вонзает хобот в рыхлый бок
Чумазой, ноздреватой, поздней льдинки,
Вцепившейся отчаянно в песок.

Рождение, смерть... От перемены места
Не рухнул мир и не убавил ход
Перед лицом житейского протеста,
Чтоб, торжествуя, продолжался род.

И потому в малиннике привычно,
От стебля к стеблю замыкая круг,
Хлопочет муравей как закадычный
И деловито-беспокойный друг.

На корточках присев, я с замираньем
Душой включаюсь в игры бытия.
И куст малины, раздвигая грани
Миров тончайших, в гости ждёт меня.

* * *

Неужели снится?
Страшно, хоть кричи.
Над погостом птицы —
Чёрные грачи.

За оградой память —
Бабка, дед, отец...
Хватит душу маять —
Есть всему конец!

У крестов начала
Не было и нет.

Птицы зря кричали,
Всполошили свет.

На весенней льдине
Сплавлен груз сердец:
Хата у плотины,
Бабка, дед, отец...

И ничто не снится.
И не страшно, нет.
Просто криком птицы
Всполошили свет.

Олег ЮРКОВ

Санкт-Петербург

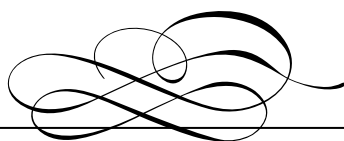
* * *

У врат сената подвергаясь риску,
плебеев зная всех наперечет,
не подавайте Цезарю записку,
которую он явно не прочтет!

Пусть легионы будут в обороне
и заговор свершается уже.
Тщеславие, стремление к короне
не превозмочь воинственной душе.

О tempora, о римское коварство!
Что станет с благоденственной страной?
Ведь, принимая грамоту на царство,
он не заметит Брута за спиной!

Прощай, отец, прощай, усыновитель!
Республике еще не нужен трон!
Не ставший императором правитель —
быть может, неудавшийся Нерон?

Евгений ЮШИН

* * *

Юность мою на барханах горбов
пронесли молодые верблюды.
За песками Бурятии Баргузином
дышит она.
Кочевые отары пасут кривоногие люди.
Солнце светит — смеются,
и снова смеются — луна.

Эй, Баир, ты скуласт, словно гулкие
скалы Байкала.
Голос твой Ая-гангой травой
над степями летит.
Пой мне песню свою о кумысе,
бурлящем в пиалах,
О задумчивых землях под топотом
пыльных копыт.

Мы на север идем мимо лысых,
истоптанных сопок
К сочным травам гортанно
рычащих протоков Селенги.
Ты хватаешь барана
и рвешь его сердце, ты ловок.
И по небу пустынному коршун
выводит круги.

Сладко гладишь живот,
предвкушая вечернее мясо,
И о черный котел пламя
точит мерцающий нож.
Ночь зарю поджигает,
и тьма опускается разом.
Ты садишься на войлок степи
и протяжно поешь.

Ты поешь о весне —
и свиваются травы потоком.
Ты о ночи поешь —
и колышется небо парчой.
Ветер нежными перьями
медленно гладит по щекам
И гроза над кошарой серебряной
машет камчой.

Ты поешь о любимой Сэсэг,
о луне меднорогой,
О горячем дыхании ветра
в соленую грудь.
Никогда и никто по степи
не отыщет дорогу,
Но давно ты обрел небесами
начертанный путь.

* * *

Вот и снова встретились, милая окраина.
Тишина рассветная спит на колоске.
На крыле у селезня синяя окалина.
Чешуя у берега на сыром песке.

«Вы меня не помните, рощи хороводные?»
С удочкой по берегу ходит мужичок.
Всё ему тут ласково: и дымы болотные,
И сосна корявая, и сухой сучок.

Отогнал от берега черствыми ладонями
Листья подопревшие и лицо омыл.
Вспыхнули глаза его синими иконами,
Вспомнили глаза его всё, что полюбил.

Праздники разгульные, тишину окрестную,
Пашню чернобровую, матушкин платок,
Тропы терпеливые, облака небесные
И печаль, с которой разойтись не смог.

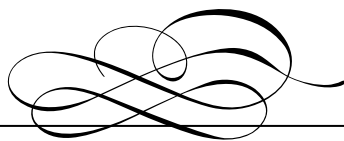
* * *

По нашей странной русской жизни,
Пирам лачуг, тоске дворцов
Не осознать любовь к Отчизне,
Любовь к себе, в конце концов.

Но познаю пчелы молитву
И васильковый взгляд в овсе,
Зарю, идущую на битву,
В петушьих перьях и росе,

Тоску разгульную полыни,
Впитавшей дым, впитавшей пот,
Колосья, русский дух над ними,
Сиротство стога у ворот,

Михаил ЯСНОВ

Санкт-Петербург

ОТРОЧЕСТВО. ОСЕНЬ

Ненавижу прошлое за то, что
было все не так, не там, не то,
ненавижу прошлое за тошно-
творное, топорное пальто,

за носки, стоящие под стулом,
за тупую нищенскую снедь,
за проклятье вечно быть сутулым,
лишь бы на соседей не смотреть,

за вранье, за стыд, за обжималки
по углам, за гонор взрослых «ты»,
за подлянку мелкую, за жалкий
детский бред, грошовые мечты —

эти байки, сказочки, конь о конь,
жажда бегства, пот и страх погонь...
Отрочество! Что это за погань!
Да пожрет его святой огонь!

Что б, о нём не ведая, не зная,
в детство наигравшиеся всласть,
прямо из младенческого рая
мы могли бы в молодость попасть, —

а тогда одуматься, проснуться
и себя догадкой ослепить,
что без этой боли и паскудства
настоящей жизни не слепить.

ОТРОЧЕСТВО. ЗИМА

Я не увижу знаменитого фетра
папиной шляпы: по воле ветра
она улетела в Крюков канал.
Папа честил непогоду с яростью,
а я с моста своего, как с яруса,
взглядом полет ее догонял.

Шляпа была дорогой и новой,
а лед топорщился двухметровый,
но каждый шаг грозил полыньей.
Крутилась поземка, чернели тени,
и шляпа лежала на этой сцене,
пока вдоль канала мы шли домой.

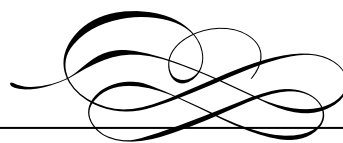
Я не увижу многого. Папа
вернулся с войны, а потом с этапа
и все свои записи сжег тотчас.
Вот шляпа — это другое дело.
Он надевал ее так умело,
чтоб никто не увидел папиных глаз.

* * *

Свернулась улитка на зябком пне,
дороги мокры и топки.
Деревья потрескивают во сне
в предчувствии скорой топки.

Прощай, моя радость, до вешних дней,
до первых теней заката.
Здесь каждая зимняя ночь длинней
окружности циферблата.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ

(Из хроники Большой аудитории)

В октябре 1907 года постройкой левого (северного) аудиторного корпуса было закончено строительство в Москве уникального здания Политехнического музея. Его Большая аудитория заняла особое место не только в научной, но и в культурной жизни Москвы и России.

Начало

Наряду с научно-популярными лекциями в Политехническом стали читать лекции об искусстве, устраивать поэтические вечера, диспуты, дискуссии. В числе лекторов были — Корней Чуковский, Дмитрий Мережковский, Федор Сологуб, Константин Бальмонт, Максимилиан Волошин.

В 1913 году К.И. Чуковский с большим успехом читал лекцию «Искусство грядущего дня». Ее слушали Ф.И. Шаляпин, И.А. Бунин, Л.Н. Андреев и другие деятели культуры.

По воспоминаниям современника: «...Летом 1913 года в Политехническом музее была назначена очередная лекция Чуковского о футуристах. Маяковскому запретили выступать на диспуте в желтой кофте. Но Корней Иванович сумел пронести эту кофту в музей, а на лестнице передал Маяковскому. Поэт натянул ее на себя и эффектно проследовал в зал, чтобы сражаться с тем же Чуковским...».

11 ноября 1913 г. — Д. Бурлюк читал лекцию «Пушкин и Хлебников». Хлебников выступал.

«Война и искусство»

Началась Первая мировая война. Аудитории в центральном корпусе музея были отведены под лазареты. Аудиторный корпус с Большой аудиторией предоставлялся для устройства лекций с целью сбора средств в помощь жертвам войны.

14 октября 1914 года на вечере «Война и искусство» читали стихи Маяковский и Брюсов.

24 ноября 1915 года С.В. Рахманинов дал в память о безвременной кончине Скрябина фортепьянный концерт, состоявшийся в Большой аудитории. 8 декабря того же года выступал в музее И.А. Бунин. Это было последнее выступление Бунина в Москве. На афише его литературного вечера было указано, что весь сбор полностью поступит в помощь жертвам войны.

Летом 1916 года Маяковский приехал из Петрограда, где служил в армии, в Москву. В Политехническом он впервые читал свою поэму «Облако в штанах».

«Поэзия и революция»

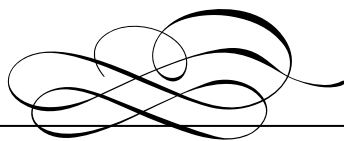
Монархию в стране свергли, а в Политехническом выбирали короля. В феврале 1918 года выбрали «короля поэтов» — Игоря Северянина.

3 апреля 1919 года поэты во главе с Есениным устроили митинг-выставку картин и стихов имажинистов.

Первое выступление Александра Блока было назначено на 9 мая 1920 года.

Зал был полон. «Все взоры, — писала Н.А. Нолле-Коган, — устремились на поэта, а он стоит, чуть побледнев, прекрасный, статный, сдержанный, и я вижу, как от волнения лишь слегка дрожит рука его, лежащая на кафедре».

«Видела и слышала она [Марина Цветаева] Блока дважды на протяжении нескольких дней, в Москве, 9 и 14 мая 1920 года, на его чтениях в Политехническом музее и во

Дворце Искусств. Знакома с ним не была и познакомиться не отважилась...», — вспоминала Ариадна Эфрон.

Тогда в Политехническом музее чекисты организовывали судебные процессы, а поэты устраивали свои суды.

«4 ноября 1920 года в Большом зале консерватории состоялся суд над имажинистами..., — вспоминал М.Д. Ройзман, — ... [16 ноября] в Большом зале Политехнического музея был организован ответный вечер имажинистов... Не только аудитория была набита до отказа, но перед входом стояла толпа жаждущих попасть на вечер, и мы — весь «Орден имажинистов» — с помощью конной милиции с трудом пробилась в здание... Перепалка на суде шла бесконечная. Аудитория была довольна: как же, в один вечер слушают Брюсова, Есенина, Маяковского, имажинистов, которые в заключение литературного судебного процесса стали читать стихи...»

30 ноября состоялся большой поэтический вечер. С докладом «Поэзия и революция» выступил Валерий Брюсов. В прениях — Владимир Маяковский.

В холодном зале в декабре 1920 года пришлось выступать поэтессам. Вел вечер Валерий Брюсов. «...Вечер поэтесс, — вспоминала Марина Цветаева, — был объявлен в Большом зале Политехнического Музея... Поэтесс, по афише соответствовавших числу девять (только сейчас догадалась — девять Муз! Ах, ложно-классик!), казалось не девять, а трижды столько... Гляжу на поэтесс — синие. Зал — три градуса ниже нуля, ни одна не накинет пальто. Вот он, героизм красоты...».

19 декабря 1920 года состоялся диспут на тему «Поэзия — обрабатывающая промышленность». Докладчик — Владимир Маяковский, оппонент — А.В. Луначарский.

«И вечный бой...»

В мае 1921 г. Александр Блок в последний раз читал стихи в Большой аудитории.

На выступлении были Маяковский и Пастернак.

19 сентября этого же года Маяковский устроил праздник поэзии под названием «Дювлам». «Политехнический в эти дни осажден. Трещат двери от нахлынувшей толпы. Маяковский сам не может пройти на свой вечер. Он оказывается заложником у толпы. С него требуют выкуп — «пятьдесят контрамарок...ну, двадцать, тогда пропустим», — вспоминал Лев Кассиль.

Осенью 1921 года был прочитан цикл лекций, посвященных творчеству Ф.М. Достоевского. Трагик Леонидов читал последнее слово Дмитрия Карамазова на суде. Как вспоминал актер МХАТа Н.П. Хмелев: «Леонид Миронович вышел в валенках, в темном костюме, в свитере под пиджаком. В зале тогда было очень холодно...».

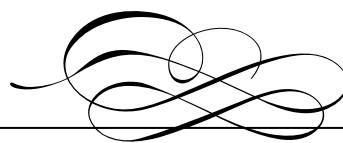
17 октября 1921 года в Большом зале выступали с декларациями: от символистов — А. Белый, футуристов — В. Каменский, А. Крученых, В. Маяковский. От имажинистов — С. Есенин, А. Кусиков, А. Мариенгоф, а также поэты от других поэтических групп.

В 1922 году, 19 января, состоялся первый вечер «чистки поэтов». В зале — Д. Фурманов, С. Есенин, московские профессора, литературоведы и просто любители поэзии. В один вечер всех поэтов обсудить не успели, Маяковский переносит собрание на 17 февраля.

«Хорошо»

После возвращения из Америки Сергей Есенин провел свой вечер в Политехническом музее 21 августа 1923 года.

Рюрик Ивнев об этом вечере: «Сперва Шершеневич, Мариенгоф, Ивнев прознесли краткие речи, поздравили Сергея с приездом... После этого Сергей стал рассказывать о своем путешествии за границу. Он описывал комфортабельные гостиницы, заокеанские гиганты пароходы, тяжелые чемоданы Айседоры Дункан... Все сошло

бы благополучно, если бы Есенин прочитал отрывки из своих писем, которые писал из-за границы, или куски задуманного «Железного Миргорода... А так, видя, что выступление не клеится, Есенин махнул рукой и сказал:

— Ладно! Я лучше прочту вам новые стихи!

Слушатели моментально оживились, и чтение отрывков из «Страны негодяев» пошло под аплодисменты. Когда же Сергей прочел «Москву кабацкую», его выступление превратилось в триумф...»

Заканчивался 1924 год. Маяковский вернулся из Парижа и устроил вечер в Политехническом. «Наша галерка, — рассказывали Кукрыниксы, — буквально ревела от восторга, скандируя: Маяковский! Маяковский!».

Газета «Вечерняя Москва» 21 октября 1927 года писала: «Большой зал Политехнического музея заполнен до пределов возможности. Публика в проходах, публика на эстраде, публика в вестибюле. Снаружи — с улицы — Политехнический имеет вид осажденной крепости. Это Маяковский читает октябрьскую поэму «Хорошо»

12 июня 1928 года в Большой аудитории собрались краеведы. Выступал недавно вернувшийся из Италии А.М. Горький.

«Сороковые, роковые...»

В феврале 1930 года на диспуте «Пути советской литературы» вступительный доклад делал А.В. Луначарский. Участвовали в диспуте Владимир Маяковский, Всеволод Иванов, Вера Инбер.

19 марта 1930 года состоялся диспут о пьесе А. Безыменского «Выстрел». Выступал Маяковский. Это было последнее выступление Владимира Маяковского в Политехническом.

В 1933 читал стихи О.Э. Мандельштам. «Предвкушаю удовольствие — у меня два билета в Политехнику на четырнадцатое [марта]... Вышел Мандельштам. Дружные

аплодисменты — ведь все почти свои... Наконец взялся за стихи, начал читать скороговоркой себе под нос... Вместе с тем в его напевности и ритмическом покачивании чувствовалась влюбленность в каждую строфу...» — из дневника Натальи Соколовой.

Из воспоминаний поэта С.С. Наровчатова: «Осенью 1937-го я пришел сюда со стойкой ифлийских студентов. Мы заняли одну из верхних скамей и сразу поплыли по шумовым волнам, плещущим в преддверии вечера. Вечер открывал Алексей Сурков: «Пастернак не придет, заболел... А кто из молодежи будет? Все, кто на афише».

На афише поэтическая молодежь 30-х годов была представлена щедро. Помнится объявлены были А. Коваленков, С. Васильев, Д. Алтаузен, М. Матусовский, К. Симонов, Е. Долматовский, С. Островой. Они подкреплялись поэтами старших возрастов — Сельвинским, Луговским, Светловым, Голлодным, Сурковым...».

В 1937 году писатель В.В. Вересаев выступал в Политехническом с циклом лекций о творчестве А.С. Пушкина.

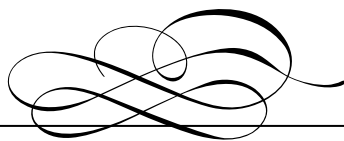
В 1941-1943 годах музей был временно закрыт для посещения, но работа по распространению научно-технических знаний продолжалась.

В военное время состоялся творческий вечер А.Н. Толстого. Он читал новые главы из своих произведений «Хождение по мукам» и «Петр Первый».

В мае 1945 года в Большом зале Политехнического музея проходил X пленум правления Союза советских писателей. Выступали Александр Твардовский, Всеволод Вишневский, Павел Антокольский, Самуил Маршак.

«Мело, мело по всей земле...»

Из записных книжек Анны Ахматовой: «В апреле 1946 с другими ленинградскими поэтами ездила в Москву (7 выступлений).

Клуб писателей, Колонный зал, Университет и т.д.). С нами выступал Пастернак».

Сохранилась в архиве Е.Б. Пастернака фотография Бориса Пастернака и Анны Ахматовой с пометкой: «1946 г. На вечере в Политехническом музее с Анной Ахматовой. Фотография В.Славинского».

На поэтическом вечере в Политехническом музее, состоявшемся 7 февраля 1948 года под названием: "Поэты за мир, за демократию", читал свои стихи и Борис Пастернак.

Александр Ревич вспоминал: «...В те времена громили журналы "Ленинград" и "Звезда". Особенно досталось Анне Ахматовой и Михаилу Зощенко. Не обошли и Пастернака. Его перестали печатать, запретили публичные выступления. И вдруг однажды афиши объявили о большом поэтическом вечере в Политехническом музее...

В зале яблоку негде было упасть. В амфитеатре встречались знакомые лица. На сцене сидели "зубры": Илья Сельвинский, Михаил Голодный, Михаил Светлов, Илья Эренбург, многие знаменитости помоложе: Константин Симонов, Степан Щипачев, недавно вернувшийся из ГУЛАГа Ярослав Смеляков...

Пастернак без лишних слов начал читать что-то никогда не слышанное, незнакомое и поразительное. В зале плыл густой гудящий голос: Мело, мело по всей земле ...».

**«Политехнический,
ты это помнишь?»**

1962 год. Андрей Вознесенский о том времени: «...Я думаю, что даже знаменитый Хуциевский фильм «Мне двадцать лет», где есть отличные кадры вечера в Политехническом, не передает ту атмосферу, в которой эти вечера проходили. Это было какое-то абсолютное единение с залом. Мы с теми, кто приходил слушать сти-

хи, практически не расставались, стали почти родными. Выступающие менялись, и только наша четверка — Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Евгений Евтушенко и я — неизменно были на сцене. А рядом были то Б. Слуцкий, то Р. Казакова, то В. Соколов...» [Вечерняя Москва. — 1997. — 6 декабря].

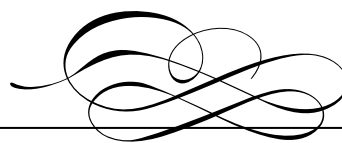
Юрий Кукин познакомился с Юрием Визбором и Владимиром Высоцким на концерте бардов в Политехническом музее. Концерт состоялся 5 апреля 1966 года, его вел композитор Аркадий Островский.

Выступал в Большой аудитории и Арсений Тарковский.

Из воспоминаний Галины Аграновской: «...Два поэтических вечера Арсения Тарковского. Один — в Политехническом, другой в ЦДЛ. В Политехническом стихи читают Арсений и Михаил Козаков. Едем с Тарковским, по дороге Арсений волнуется: непременно провалюсь!.. И народ не соберется... И как читать рядом с Мишей, он же мастер, актер...Зачем я согласился!..» Зал полон, сидят на ступеньках в проходах. Слушатели в основном молодые. Успех, аплодисменты оглушительные!..».

Здание музея со временем разрушалось. Из-за аварийного состояния в 1987 году Большую аудиторию пришлось закрыть.

В апреле 1995 году возрожденная Большая аудитория снова заработала. В мае — аншлаги. «Следует начать с конца, того самого момента, когда Владимир Бережков во второй раз взял в руки гитару и запел знаменитую «Молитву Франсуа Вийона»... Лишний билетик спрашивали еще от метро...Но если вам скажут, что 23 мая людей к музею привела ностальгия по тем временам — не верьте. Если это и была ностальгия, то, говоря словами вышедшего на сцену одним из первых Андрея Вознесенского, «ностальгия по настоящему». А то и по будущему...» [Литературная газета. — 1995. — 31 мая].

**«Политехнический —
моя Россия!»**

По-прежнему в Политехническом выступают известные барды и поэты, артисты и музыканты.

В Большой аудитории выступали Евгений Агранович, Владимир Бережков, Виктор Берковский, Юрий Гарин, Александр Городницкий, Вероника Долина, Александр Дольский, Вадим Егоров, Владимир Качан, Андрей Крамаренко, Юлий Ким, Александр Мирзаян, Валерий и Вадим Мишуки, Татьяна и Сергей Никитины, Леонид Сергеев, Александр Суханов, Дмитрий Сухарев, Виктор Третьяков, Елена Фролова, Галина Хомчик, Михаил Щербаков и многие другие.

Здесь пели Алла Баянова, Евгений Дятлов, Олег Погудин, Валентина Пономарева, Евгения Смольянинова, Виктор Соломенцев, читали стихи Владимир Вишневский, Игорь Иртеньев, Михаил Козаков, Евгений Миронов, Юнна Мориц, Маргарита Терехова, Чулпан Хаматова и, опять-таки, многие другие. Сюда, «в нашу гавань», «заходили корабли» Эдуарда Успенского и Элеоноры Филиной.

23 октября 2006 года Андрей Вознесенский был на вечере «100 минут поэзии» в Большой аудитории, которой он посвятил свое «Прощание с Политехническим», и зал устроил ему овацию.

25 июня 2007 года состоялся вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Арсения Тарковского.

7 октября 2007 — снова поэтические выборы. Больше всего голосов и символический лавровый венок получил Дмитрий Воденников — автор нескольких поэтических сборников.

А в этом году состоялось другое важное событие. «Москва. 20 марта. ИНТЕРФАКС. Певец, поэт и композитор Александр Городницкий в четверг отмечает 75-летие. Юбилейный вечер барда пройдет в Большой аудитории московского Политехнического музея...».

В апреле 2008 в Большой аудитории Политехнического музея прошел поэтический вечер «Литературной газеты» под девизом из стихотворения Владимира Соколова «Всё уходящее уходит в будущее». В этой встрече приняли участие поэты разных поколений — Надежда Кондакова, Сергей Мнацаканян, Андрей Шацков, Валентин Резник, Анна Гедымин, Максим Лаврентьев, Андрей Коровьев и другие поэты. Вечер вел главный редактор «ЛГ» Юрий Поляков. Известный прозаик, он завершил встречу своим стихотворением, написанным в юные годы.

18 июля — еще одно 75-летие. Теперь — Евгения Евтушенко. Поэт каждый день своего рождения с неизменным успехом уже много лет отмечает выступлением в Большой аудитории Политехнического. Ведь Политехнический музей предложил ему договор — праздновать на сцене Большой аудитории день рождения в течение 25-ти лет. «С правом пролонгации», — как пошутил на юбилейном вечере поэт.

Андрей Вознесенский писал когда-то в своем стихотворении: «...ко мне прислушивается магически гудящей раковиною гиганта ухо Политехнического». Но и сейчас Большая аудитория, слушая выступления известных ученых и инженеров, по-прежнему «прислушивается магически» к поэзии.

Александр ЗАВЬЯЛОВ

Литературно-художественное издание

День поэзии. XXI век

2009 год

Ежегодный альманах

Стихи, статьи

Редакторы:

С.М. Мнацаканян, А.В. Шацков

Выпускающий
редактор:

Н.С. Сапелкин

Корректор **Е.И. Косенко**

Вёрстка **Р.Н. Ревин**

Подписано в печать 09.10.09.
Формат 205х290. Печать офсетная.
Гарнитура Этинни. Усл.-печ. л. 23.

Тираж 1000 экз.
Заказ №208.

Отпечатано в типографии «Алмаз»

394026, г. Воронеж, ул. Текстильщиков, 5Д
Тел./факс: (4732) 39-78-25, 39-78-26

Лев АННИНСКИЙ
Белла АХМАДУЛИНА
Олег АГРИНСКИЙ
Николай АЛЁШКИН
Максим АМЕЛИН
Михаил АНИЩЕНКО
Ирина АНТОНОВА
Наталья АРИШИНА
Владислав АРТЕМОВ
Григорий АРТЮХОВ
Александр АРЦИБАШЕВ
Эдуард БАЛАШОВ
Сергей БАЧИНСКИЙ
Сергей БЕЛОРУСЕЦ
Ефим БЕРШИН
Александр БОБРОВ
Марина БОРОДИЦКАЯ
Юрий БОЧКОВ
Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ
Виктор БУДАКОВ
Евгений БУНИМОВИЧ
Вениамин БУТЕНКО
Наталья ВАНХАНЕН
Константин ВАНШЕНКИН
Лариса ВАСИЛЬЕВА
Ирина ВАСИЛЬКОВА
Мария ВАТУТИНА
Дмитрий ВЕДЕНЯПИН
Сада ВЕРМИШЕВА
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ
Наталья ГАЛКИНА
Галина ГАМПЕР
Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ
Анна ГЕДЫМИН
Александр ГЕРАСИМОВ
Сергей ГЛОВЮК
Михаил ГОЛОВЕНЧИЦ
Глеб ГОРБОВСКИЙ
Гарри ГОРДОН
Надежда ГОРЛОВА
Александр ГОРОДНИЦКИЙ
Владимир ГОФМАН
Наталья ГРАНЦЕВА
Евгений ГРАЧЕВ
Дмитрий ДАРИН
Андрей ДЕМЕНТЬЕВ
Ольга ДОБРИЦЫНА
Александр ДОЛЯ
Валерий ДУДАРЕВ
Евгений ЕВТУШЕНКО
Анастасия ЕРМАКОВА
Ирина ЕРМАКОВА
Олег ЕФИМОВ
Тамара ЖИРМУНСКАЯ
Александр ЖУКОВ
Александр ЗАЙЦЕВ
Максим ЗАМШЕВ
Ирина ЗНАМЕНСКАЯ
Анна ЗОЛОТАРЕВА
Геннадий ИВАНОВ
Елена ИВАНОВА-
ВЕРХОВСКАЯ
Игорь ИРТЕНЬЕВ
Егор ИСАЕВ
Елена ИСАЕВА
Ирина КАБЫШ

Сергей КАЗНАЧЕЕВ
Алла КАЛМЫКОВА
Евгений КАМИНСКИЙ
Бахытжан КАНАПЬЯНОВ
Валентин КАРАСЁВ
Сергей КАРГАШИН
Татьяна КАРПАЧЕВА
Светлана КЕКОВА
Бахыт КЕНЖЕЕВ
Тимур КИБИРОВ
Виктор КИРЮШИН
Александр КЛИМОВ-ЮЖИН
Алексей КЛОКОВ
Александр КОБРИНСКИЙ
Александр КОВАЛЕВ
Сергей КОВАЛЕВСКИЙ
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Кирилл КОЗЛОВ
Сергей КОЗЛОВ
Леонид КОЛГАНОВ
Надежда КОНДАКОВА
Юрий КОНЕЦКИЙ
Валентина КОРОСТЕЛЁВА
Владимир КОСТРОВ
Лев КОТЮКОВ
Валерий КРАСКО
Геннадий КРАСНИКОВ
Борис КРАСНОВ
Григорий КРУЖКОВ
Марина КУДИМОВА
Людмила КУЗНЕЦОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Станислав КУНЯЕВ
Вячеслав КУПРИЯНОВ
Максим ЛАВРЕНТЬЕВ
Александр ЛАВРИН
Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА
Елена ЛАПШИНА
Валерий ЛАТЫНИН
Валентина ЛЕЛИНА
Евгений ЛЕСИН
Александр ЛИСНЯК
Инна ЛИСНЯНСКАЯ
Ярослав ЛИТВИНЕНКО
Валерий ЛОБАНОВ
Игорь ЛОГВИНОВ
Борис ЛУКИН
Евгений ЛУКИН
Игорь ЛУКЬЯНОВ
Виктор ЛУНИН
Нила ЛЫЧАК
Николай МАЛЫШЕВ
Надежда МАЛЬЦЕВА
Новелла МАТВЕЕВА
Олег МЕЛЬНИКОВ
Дмитрий МИЗГУЛИН
Лариса МИЛЛЕР
Евгений МИНИН
Сергей МНАЦКАНЯН
Екатерина МОСКИНА
Владимир МОЩЕНКО
Ирина НЕГИНА
Владимир НЕЖДАНОВ
Галина НЕРПИНА
Александр НЕСТРУГИН
Олеся НИКОЛАЕВА

Станислав НИКУЛИН
Николай НЫРКОВ
Василина ОРЛОВА
Григорий ОСИПОВ
Николай ПЕРЕЯСЛОВ
Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН
Юлия ПОКРОВСКАЯ
Екатерина ПОЛЯНСКАЯ
Ольга ПОСТНИКОВА
Алексей ПУРИН
Алексей ПЬЯНОВ
Николай РАЧКОВ
Александр РЕВИЧ
Валентин РЕЗНИК
Александр РОГОВ
Михаил РОДИОНОВ
Наталья РОЖКОВА
Полина РОЖКОВА
Андрей РОМАНОВ
Инна РОСТОВЦЕВА
Алексей РУДЕВИЧ
Геннадий РУСАКОВ
Анатолий РЫБКИН
Ольга РЫЧКОВА
Ирина РЯБИЙ
Борис РЯБУХИН
Юрий РЯШЕНЦЕВ
Валерий САВОСТЬЯНОВ
Владимир САЛИМОН
Леонид САФРОНОВ
Владимир СИЛКИН
Михаил СИНЕЛЬНИКОВ
Борис СИРОТИН
Владимир СКВОРЦОВ
Владимир СКИФ
Александр СМОГУЛ
Валентин СОРОКИН
Евгений СТЕПАНОВ
Нина СТОЖКОВА
Ирина СУГЛОВА
Виталий СУНДАКОВ
Александр ТАРАСЕНКО
Сергей ТАРАТУТА
Сергей ТЕЛЮК
Анатолий ТЕПЛЯШИН
Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН
Иван ТЕРТЫЧНЫЙ
Михаил ТИМОШЕЧКИН
Татьяна УВАРОВА
Галина УМЫВАКИНА
Илья ФАЛИКОВ
Владимир ФИРСОВ
Илья ФОНЯКОВ
Владимир ХОХЛЕВ
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК
Михаил ШАПОВАЛОВ
Алла ШАРАПОВА
Андрей ШАЦКОВ
Владимир ШЕМШУЧЕНКО
Виктор ШИРОКОВ
Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ
Григорий ШУВАЛОВ
Иван ЩЕЛОКОВ
Олег ЮРКОВ
Евгений ЮШИН
Михаил ЯСНОВ

XXI век

Возрождение в 2006 году по инициативе Михаила Лермонтова, Николая Сапелкина и Андрея Шацкого альманаха «День поэзии» было восторженно принято российским литературным сообществом.

Редакционная коллегия «Дня поэзии-2009» поставила перед собой задачу сделать альманах своеобразной витриной современной российской поэзии.

Авторы размещены в простом алфавитном порядке, чтобы читатели имели возможность сами оценивать их талант. Памяти ушедших Поэтов посвящены литературные портреты.